

The main cover image features a close-up portrait of a woman with long, wavy brown hair, smiling broadly. She is wearing a light-colored, possibly white, top. The background is a soft, hazy landscape with a beach and several dark, rounded rocks in the water. The overall color palette is muted, with a mix of greens, browns, and soft blues.

ДИТЯ
ЧЕТВЕРГА
САНДРА БРАУН

Сандра Браун Дитя четверга

OCR Online library

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118570

Дитя четверга: АСТ; 1999

ISBN 5-237-04675-4

Оригинал: SandraBrown, "Thursday's child"

Перевод:

Э. Г. Коновалов

Аннотация

Серьезная и скромная Эллисон неожиданно для себя вмешивается в фантастическую любовную интригу. Девушке приходится выдавать себя за легкомысленную сестру-двойняшку Энн. Когда же в Эллисон внезапно влюбляется великолепный Спенсер, лучший друг жениха ее сестры, ситуация становится и вовсе не разрешимой. Ведь Эллисон отвечает на чувство Спенсера пылкой страстью...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	75
Глава 5	94
Глава 6	114
Глава 7	136
Глава 8	158
Глава 9	178
Глава 10	198

Сандра Браун

Дитя четверга

Глава 1

– Ты с ума сошла!

– А что, замечательная идея!

– Это дурацкая идея! Такого мы не позволяли себе даже в детстве!

– Нам всегда все сходило с рук! Эллисон Лемон сердито посмотрела на сестру. Если не принимать во внимание выражения лица, можно было подумать, что она увидела свое отражение.

Энн сидела в позе индейца на кровати сестры. Отвернувшись от нее, Эллисон стала вытаскивать шпильки из пучка волос на затылке. Она потрянула золотисто-каштановой гривой, и густые волосы точно такого же цвета, как у сестры, рассыпались по плечам.

– Помнишь, Бетт Дэвис в двух или трех фильмах играла близнецов, которые менялись ролями. С ними всегда происходило что-нибудь забавное.

– Одно дело в кино, совсем другое – в жизни.

– А разве искусство не отражает жизнь? – Энн досадливо вздохнула. – Решайся, Эллисон! Да или нет?

– Нет! Прежде всего я не могу поверить, что ты говоришь об этом серьезно, – сказала Эллисон, проводя щеткой по волосам.

– Да пойми же, я не хочу всю жизнь оставаться плоскогрудой!

– Мы вовсе не плоскогрудые, – возразила Эллисон, оглядывая себя в зеркале.

– Но и лишку нет никакого!

– Зачем тебе это нужно? Через несколько лет груди обвиснут, и как ты будешь выглядеть? – Уложив щетку в косметичку, она повернулась к Энн. – Так что подумай и взвесь все хорошенько. Не следует этого делать.

Энн засмеялась:

– Ты всегда до чертиков осторожна и до тошноты практична! У тебя хоть раз в жизни появлялась какая-нибудь игривая мыслишка? Посмотри, насколько эффектно ты смотришься с распущенными волосами! Просто великолепно! Разве ты не хочешь быть красивой?

– Я не стремлюсь к этому... Внешность – не самое важное.

Энн театрально прижала ладонь к сердцу и устремила взгляд к потолку.

– О да, я понимаю, главное в человеке – его душа и сердце.

– Ты можешь сколько угодно смеяться надо мной, но я так устроена. И предпочитаю, чтобы меня считали умной, а не чокнутой.

Энн нахмурилась. Сестра просто неисправима. Эллисон

интересовала только ее лаборатория с электронным микроскопом, горелкой Бунзена и чашкой Петри.

– Но мне ты можешь оказать эту услугу?

– Нет. Я не желаю участвовать в подобных экспериментах.

Почему заранее не сказать об этом Дэвису?

– Я хочу преподнести ему сюрприз.

– Ты нравишься ему такой, какая есть. Иначе зачем бы он собирался на тебе жениться?

– Знаешь ли ты хотя бы одного мужчину, который не мечтал бы, чтобы у его женщины была большая грудь? – Не дожидаясь ответа, Энн покачала головой. – Ладно, забудь об этом. Я снимаю свой вопрос. Ведь ты вообще не знаешь мужчин.

– Я знакома со многими мужчинами, – надменно возразила Эллисон.

– Да, все заумные и не от мира сего! – парировала Энн.

– Они ученые.

– Я и говорю: заумные и не от мира сего, – пробормотала Энн, выдергивая нитку из простыни. Она надулась и замолчала, но буквально через несколько секунд снова заговорила:

– Я хочу увеличить грудь для самоутверждения... Дэвис придет в восторг, когда это обнаружит. Я прошу мою сестру-двойняшку мне немного помочь, а она раздувает целую историю.

– Дело нешуточное, – строго сказала Эллисон. – Ты просишь меня не просто «немного помочь». Ты просишь, чтобы

я притворялась тобой, пока тебе будут делать операцию.

– Но ведь это займет всего несколько дней! Снимут бинты – и все в порядке, я свободна.

Эллисон прикрыла ладонями грудь и содрогнулась. Идея была ей не по душе, но это личное дело Энн. Она хотела только одного – чтобы Энн не втягивала ее в подобную историю.

– А как с работой?

– Я беру недельный отпуск. Здесь нет проблем. А ты будешь работать, как обычно. Тебе придется видеться с Дэвисом только вечерами.

– А что будешь делать ты? Прятаться в дальней спальне?

– Я останусь в клинике. Это дорого, но гораздо лучше, чем находиться дома.

Эллисон встала из-за туалетного столика и зашагала по комнате.

– Энни, но ведь это сумасшествие! Ведь ты и Дэвис... ну а вдруг он... словом, ты меня понимаешь.

– Ты имеешь в виду постельные дела? – Эллисон вспыхнула, услышав столь прямо поставленный вопрос. Энн засмеялась. – Я позаботилась об этом. Сказала, что гинеколог изменил рецепт противозачаточных таблеток, и мы не можем спать три недели, пока буду их принимать.

– Какой абсурд!

– Это с точки зрения биолога и генетика. Дэвис страшно огорчился, но принял известие как должное. Поэтому не бойся, что он попытается затащить тебя в постель.

Эллисон нервно сцепила руки. Энн отличалась способностью втянуть ее в нечто такое, против чего восставал здравый смысл.

– «Поменяться ролями» – это была увлекательная игра, когда мы разыгрывали маму и папу или даже учителей. Но сейчас у меня такое предчувствие, что может случиться нечто непредвиденное и неприятное.

– Ты просто фаталистка! Не бойся, ничего страшного не произойдет.

– И ты хочешь, чтобы я переехала к тебе?

– Да. Дэвис всегда может найти меня, точнее, тебя, на месте.

Не было сказано вслух, но подразумевалось, что исчезновение Эллисон из своего дома останется никем не замеченным. Ей никто не звонил по вечерам.

– Мне придется носить твою одежду, – без энтузиазма заметила Эллисон.

– Что значительно улучшит твой гардероб. – Энн с нескрываемым неодобрением посмотрела на широкую темно-синюю юбку и белую блузку.

– Мне придется постоянно носить твои контактные линзы, а у меня от них болит голова.

– Уж лучше головная боль, чем совиные очки.

– А мои волосы...

– Да перестань ты ныть! Твои волосы только выиграют, если ты не станешь забирать их в пучок на манер старой де-

вы! – Энн спрыгнула с кровати и, уперев руки в бока, предстала перед сестрой. – Итак, да или нет? Прошу тебя, Эллисон! Это очень важно для меня!

Для Энн всегда все было важно. Она жила от авантюры к аванюре, ничего не делая наполовину. Пускалась в разные рискованные затеи, обычно увлекая за собой упирающуюся, не отличающуюся сильным характером сестру.

Эллисон повернулась к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Может ли она сойти за Энн? За Энн, которая в каждом мужчине видела потенциального друга? Которая чувствовала себя непринужденно в любой ситуации? Которая представляла собой яркую личность и у которой даже в мизинце было больше привлекательности и очарования, чем у Эллисон во всем теле!

Энн подошла и встала рядом с сестрой. Сейчас, когда она сняла очки, обе были похожи друг на друга как две капли воды.

И это продлится всего несколько дней. Энн и Эллисон – двойняшки. Привычки, сложившиеся в течение жизни, трудно менять.

Эллисон вымученно улыбнулась:

– Ты отдаешь себе отчет в том, что до конца жизни люди будут с особым вниманием смотреть на наши сиськи, чтобы различить нас?

– Ой, Эллисон! Ты согласна? – Энн обняла сестру и закружила. – Я знала, что могу положиться на тебя! Вот тебе мое

обручальное кольцо! – Она стянула кольцо со своего пальца и надела его на безымянный палец Эллисон. – Да смотри не потеряй его! А теперь я расскажу тебе про сегодняшний вечер.

– Сегодняшний?!

– Дэвис и я встречаемся на обеде у его лучшего друга. Они выросли вместе, кровные братья, и все такое. Я никогда его не видела, и Дэвис хочет мне его показать.

– О Боже, Энн! – простонала Эллисон.

– Вот погоди, когда ты ее увидишь, то будешь потрясен, Спенсер! Она просто изумительна! Мила и умна! А какая фигура! Какое лицо! У нее просто божественное лицо! Поверь мне, она красавица.

– Придется поверить. – Спенсер Рафт лукаво подмигнул приятелю.

– Я слишком много говорю о ней? – смутился Дэвис.

Спенсер похлопал друга по плечу:

– Ты влюблен. А влюбленные всегда говорят о предмете своей любви. Когда вы намерены пожениться?

Дэвис встретил Спенсера в аэропорту Атланты. И сейчас они ехали на машине в ресторан, где должны были пообедать с Энн. День был душный, и транспорт двигался по улицам очень медленно.

– Уже не так долго осталось ждать, слава Богу. Свадьба назначена на последний уик-энд июня. Я хочу, чтобы ты был моим шафером. Ты не будешь в это время в отъезде?

– Постараюсь встать на прикол... Не могу же я оставить своего лучшего друга без поддержки в такой ответственный момент.

Дэвис бросил взгляд на сидящего рядом приятеля:

– Знаешь, если бы не Энн, я бы позавидовал тебе. Плавать по всему свету на собственной яхте, в каждом порту – новая женщина, приключения, никаких обязательств по отношению к кому бы то ни было... Вот это жизнь! – Он вздохнул.

Спенсер задумчиво посмотрел в сторону опускающегося за облака солнца.

– Все не так уж блестяще, как кажется со стороны, – проговорил он.

– Черт возьми, старина, ты бы хоть поделился с другом детства некоторыми подробностями! Я ведь толком даже не знаю, чем ты занимаешься.

Спенсер загадочно улыбнулся:

– Это секрет.

– Деньги гребешь лопатой, работаешь лишь тогда, когда сам того хочешь, путешествуешь по всему свету... Ты выполняешь чьи-то задания, так, что ли?

– Это не подлежит огласке, Дэвис. Дэвис присвистнул:

– Твоя работа как-то связана с ЦРУ? Да ты не беспокойся! Я все понимаю... Если это засекречено... Ты скажи мне только одну вещь.

– Какую же?

– Все, что ты делаешь, – законно? Не имеет отношения к

наркотикам или торговле оружием?

Спенсер громко рассмеялся:

– Будь уверен – за свои дела я за решетку не попаду.

– Все же ты меня не совсем успокоил. Может, просто очень осторожен...

– Я работаю в рамках закона.

– Ясно... Завидую твоему образу жизни.

– Не стоит, – тихо сказал Спенсер. – А я завидую тому, что ты счастлив с Энн.

– Сейчас ты позеленеешь от зависти, потому что вот и она.

Дэвис остановил машину перед входом в ресторан, когда заметил Энн, которая собиралась завернуть за угол. Выскочив из лимузина, он позвал ее.

Энн подняла голову, сделала еще один шаг, рванулась вперед и вдруг упала лицом вниз на тротуар.

Проклятие!

Ударилась она сильно. Кожа на ладонях оказалась содрана, и ладони отчаянно саднили. Пытаясь подняться, она стала на колени, и ей показалось, что оно попало на стальную терку. Потребуется по крайней мере месяц, чтобы зажили ссадины.

Мало того что она испытывала в этот момент физическую боль, она выставила себя на посмешище перед всеми. Эллисон неуклюже забарахталась, безуспешно пытаясь подняться. Дэвис и его друг бросились ей на помощь.

Черт бы побрал эти высокие каблуки! В отличие от Энн

она никогда их не носила. И зачем только надела эти дурацкие туфли с ремешком! А что прикажете надевать к платью из полупрозрачного шифона, в которое Энн велела ей обрядиться? Комнатные шлепанцы?

– Энн, дорогая, ты не ушиблась? Она сделала шаг ногой, на которой оставалась туфля. Каблук второй туфли застрял в металлической решетке.

– Нет-нет, все хорошо, – пробормотала Эллисон, опустив голову. Что-то было не в порядке, но что именно – непонятно. Ступив на поврежденную ногу, она почувствовала, как снова падает.

– Энн! – крикнул Дэвис, бросаясь к ней.

Но от падения Эллисон удержали другие руки, прижавшие ее к широкой твердокаменной груди. На какой-то момент она прильнула к надежной опоре, одновременно проклиная себя за собственное безволие и за то, что постоянно идет на поводу у сестры. Ну почему она сейчас не дома с каким-нибудь увлекательным романом в руках?

– Дорогая, ты ушиблась! – воскликнул Дэвис.

– Нет, со мной все в порядке. Я просто...

Она подняла голову. Перед ней стоял не Дэвис. У Дэвиса светлые волосы. Этот же мужчина был черноволосый и чернобровый. Шелковый пиджак спортивного покроя и синий галстук. Все плыло в каком-то тумане. Эллисон замигала, пытаясь из отдельных деталей воссоздать цельную картину, однако не могла сфокусировать взгляд.

Господи! Да она потеряла контактную линзу!

– Моя туфля! – Эллисон освободилась от сильных рук, которые держали ее, и снова опустилась на колени, делая вид, что хочет достать туфлю, хотя на самом деле преследовала совсем иную цель: вдруг каким-то чудом удастся найти потерянную линзу.

– Вот твоя сумочка, дорогая. – Дэвис протянул ей отделанную стеклярусом дамскую сумку.

– Я помогу вам. – Это было сказано грудным, низким голосом, совсем не похожим на голос Дэвиса.

Бедный Дэвис, подумала Эллисон. По всей видимости, он шокирован столь нехарактерной для его невесты неуклюжестью. А какое впечатление произвела она на его лучшего друга?

Но сейчас надо беспокоиться не об этом. Нужно думать о том, как она проведет целый вечер, ничего не видя.

Эллисон ахнула, когда теплая рука взяла ее за щиколотку и всунула ногу в туфлю.

– Простите. Я сделал вам больно? – Мужчина осторожно дотронулся до икры.

– Нет. Просто я... – Она запнулась, не зная, как закончить фразу. «Нет, просто я не привыкла, чтобы мужчина помогал мне надевать туфли». Браво, Эллисон. Уж лучше ничего не сказать.

Мужчина снова выпрямился во весь рост. Кажется, для этого ему потребовалось много времени. Эллисон откинула

назад волосы – непривычно ощущать их на плечах. Еще более непривычно ощущать мужскую руку на щиколотке. Хотелось надеяться, что напряженная гримаса на ее лице хоть немного напоминает улыбку.

– Какая я недотепа!

– Ну, ты была несколько неловкой, – сказал Дэвис и нежно обнял ее за плечи, затем поцеловал в висок. – Ты и в самом деле не ушиблась?

– Нет! – жизнерадостно проговорила она, пытаясь увидеть его лицо. – Это твой друг? Спенсер?

Эллисон повернулась к неясно различимой фигуре, протянула руку и натолкнулась на рукав.

– Спенсер Рафт. Энн Лемон, моя невеста, – представил их Дэвис.

– У вас кровоточит рука.

– Ой, простите! – всполошилась она. – Я не испачкала вас?

– Ничего страшного. Вот здесь. – Ее запястье обхватили те же теплые пальцы, что сжимали щиколотку. Это была сильная рука. Сильная и одновременно деликатная.

Эллисон почувствовала, как нечто мягкое прикоснулось к ее ладони, и поняла, что это был батистовый носовой платок.

– Я думаю, нам лучше отвести ее домой, Дэвис, – спокойно сказал Спенсер.

– Нет-нет! – запротестовала она. Энн убьет ее, если она испортит Дэвису вечер. – Право же, со мной все в полном порядке. Мне надо лишь пройти в дамскую комнату и при-

вести себя в порядок.

Авось провидение пошлет ей тросточку или собаку-поводыря, подумала она.

– Ты уверена? – спросил Дэвис.

– Да, вполне.

– В таком случае пошли, душа моя. – По-хозяйски обняв ее за плечи, Дэвис двинулся с ней к дверям ресторана. Спенсер последовал за ними.

В вестибюле Эллисон извинилась перед мужчинами и отправилась в туалет. То, что сейчас она прихрамывала, могло служить оправданием ее неуверенной походки. Добравшись до дамской комнаты, Эллисон вынула вторую контактную линзу и надела очки, которые находились в сумочке.

Осмотрев себя в зеркале, пришла к выводу, что ущерб, нанесенный ее внешнему виду, был небольшим. Несколькими движениями щетки она поправила прическу. Смывла холодной водой следы крови с ладоней и вытерла их насухо. Ссадины оказались не столь страшными, как она опасалась. В чулке повыше колена была дырка, на бедре виднелась ссадина, но тут уж ничего не поделаешь.

Прическа, макияж, одежда не давали возможности усомниться в том, что в зеркале она видит Энн. Когда Эллисон в первый раз надела это шифоновое цвета морской волны платье, то пришла в ужас и немедленно позвонила в клинику, куда только что прибыла Энн.

– Они измерили кровяное давление, скоро сделают мне

рентген. А потом я отправлюсь спать. Операция назначена на завтра, – сообщила Энн.

Посочувствовав сестре, Эллисон спросила:

– Энн, а где лифчик, который ты носишь под это платье? Я много лифчиков перепробовала, но все выглядывают из-под него.

– С этим платьем не требуется никакого лифчика.

– Но... я... я кажусь совсем голой.

– Так и положено.

– Я надену какое-нибудь другое. Что, если...

– Нет! Это любимое платье Дэвиса. Он просил, чтобы сегодня я была в нем.

Происшествие на тротуаре на время заставило Эллисон забыть об этом. Однако сейчас, глядя на свое отражение в зеркале, она снова обратила внимание на платье. На плечах были лишь тонкие тесемки. Глубокий вырез основательно открывал грудь. И зачем Энн еще более пышные формы? Непонятно. Ей казалось, что и ее грудь вот-вот вывалится из платья. Но этому тоже сейчас уже ничем не поможешь.

Она с сожалением сняла очки и убрала в сумочку. Тяжело вздохнув, Эллисон вышла в вестибюль. К счастью, метрдотель довел ее до стола, иначе она не нашла бы мужчин в освещенном свечами зале. При ее появлении оба встали.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросил Дэвис, помогая ей сесть.

– За исключением того, что поехал мой чулок.

– Это не страшно. Выглядишь ты отлично. – Дэвис наклонился и запечатлел легкий поцелуй в губы. Ей пришлось приложить много усилий, чтобы не отпрянуть в сторону.

– Спасибо. Мне очень жаль, что я оказалась такой неуклюжей! Не знаю, что со мной случилось. Я подняла голову, когда ты окликнул меня, – и вдруг свалилась.

Она переживала за Дэвиса. Дэвис Лундстрем никогда ее не волновал, но его обожала Энн. У него приятная внешность, он был щедр, любезен, уравновешен, считался хорошим специалистом в своем деле – оно имело какое-то отношение к компьютерам. Эллисон никак не хотела ставить в неловкое положение своего будущего зятя.

– Произошла случайность, – дружелюбно сказал Дэвис, кладя ладонь ей на колено. Увидев, как вздрогнула Эллисон, он спросил:

– Что такое?

– У меня коленка болит.

– Ах, прости, малышка. Он убрал руку, и Эллисон расслабилась.

– Я рад, что вы ничего не повредили, – сказал Спенсер. Она живо обернулась к нему и была слегка разочарована тем, что не может рассмотреть черты лица. У него был приятный, волнующий голос. Она знала, что он высок. Когда подхватил ее после падения, макушка ее головы не доходила до его подбородка. По всей видимости, мускулистый и сильный. Она помнила, какой надежной опорой оказалась для нее его

крепкая грудь.

– Дэвис давно мечтал о вашем приезде.

– А мне до смерти хотелось увидеть вас. Когда мы ехали из аэропорта, Дэвис без умолку говорил о своей невесте, – улыбаясь, сказал Спенсер. – Но даже столь восторженные слова не способны выразить, насколько вы очаровательны. Я поздравляю друга с его выбором.

– С-спасибо, – заикаясь, поблагодарила она. Ей редко приходилось слышать от мужчин комплименты. Будь на ее месте Энн, она бы наверняка отреагировала какой-нибудь игривой, остроумной репликой. Эллисон же сидела, словно проглотив язык, руки и колени до сих пор еще тряслись, и всего лишь потому, что у мужчины голос по звучанию напоминал виолончель; да и вообще ей не приходили на ум никакие реплики – ни игривые, ни остроумные, ни серьезные.

Как она сумеет есть без того, чтобы не вывалить половину еды себе на колени?

Интересно, а Спенсер Рафт смотрит сейчас на ее грудь? Она вдруг с какой-то внезапной обостренностью ощутила себя голой. Как ни странно, ее не интересовало, смотрит ли на нее Дэвис.

– А вот и напитки, – сказал Дэвис. – Я заказал тебе как всегда.

Эллисон любила перье и лаймовый сок. Она не решалась спросить, что обычно пила Энн. Организм сестры был гораздо более терпим к спиртному, чем ее собственный.

– Сразу два? – спросила она. О Господи, неужели двойная порция?

– Сегодня счастливый день, – пояснил Дэвис и поднял свой бокал. – За старую дружбу! Рад тебя видеть, Спенсер!

– И за тебя, Дэвис, – откликнулся Спенсер, также поднимая бокал.

Эллисон нерешительно потянулась к бокалу. Ей удалось благополучно поднять его.

– За добрых друзей, – проговорила она. Водка «Коллинз», подумала Эллисон, сделав глоток. После половины бокала я окажусь под столом. После двух – потеряю сознание. Боже мой, как выжить при таких обстоятельствах? Может, лучше открыть всю правду, пока не разразился настоящий скандал? Но уж тогда Энн точно порвет с ней всякие отношения.

– Ваша закуска, мадам, – услышала Эллисон официанта, который ожидал, когда она уберет руку, чтобы можно было поставить перед ней тарелку.

– Я заказал для тебя *pate de foie gras*,¹ дорогая, – сказал Дэвис. – Я знаю, что ты его очень любишь.

Она вдруг почувствовала, как к ее горлу что-то подкатило. *Pate*. Как бы красиво ни называли, какие бы приправы ни добавляли, печенка всегда оставалась печенкой и не лезла ей в горло.

– Очень мило с твоей стороны. Но я хочу поделиться с вами обоими. – Она слабо улыбнулась и погладила Дэвиса

---

¹ печеночный паштет (фр.).

по руке. Он поцеловал ее в щечку. Эллисон вдруг пришло в голову, что за сегодняшний вечер ее целовали больше, чем в течение всей жизни.

Подошел официант, чтобы принять заказ.

– Ты, конечно, хочешь грудинку? – спросил Дэвис.

Эллисон испытывала недоверие к мясу и изредка ела лишь хорошо прожаренную говядину в гамбургерах.

– Пожалуй, я лучше возьму омары. Дэвис засмеялся, решив, что она шутит. Наклонившись, он доверительно сказал Спенсеру:

– Когда последний раз она поела омаров, у нее появилась сыпь.

Эллисон покраснела до корней волос, а Дэвис поцеловал ее в ухо и промурлыкал:

– Дорогая, зачем опять играть в эту игру? Я не хочу, чтобы ты снова пережила приступ аллергии.

Эллисон закрыла меню и сделала вид, что весело смеется.

– Да, это было ужасно!

Как ее угораздило забыть, что у Энн аллергия на омары и устрицы?

Когда заказ был сделан, Дэвис отлучился в туалет. Официант предложил убрать тарелку с закуской, и Эллисон обрадовалась, что появилась возможность отделаться от паштета. Она съела три крекера, запив каждый из них содержимым бокала, и у нее закружилась голова и появился звон в ушах.

Чувствуя себя неуютно в присутствии незнакомого муж-

чины, она нашла бокал с коктейлем, отыскивала соломинку и стала рассеянно вертеть ее в руке. Спенсер наклонился к Эллисон. На нее повеяло легким запахом одеколона.

– Вы сильно ушиблись во время падения. Уверены, что чувствуете себя хорошо? – тихо спросил он.

Она ощутила его дыхание на шее и на обнаженной руке.

– Вполне уверена. Я чувствую себя хорошо. – Ей никак не удавалось рассмотреть его лицо, и это сильно раздражало.

– Вы пьете из двух бокалов, – шепотом сказал Спенсер, и хотя Эллисон не могла этого видеть, чувствовала, что он улыбается.

– Разве? – испугалась она, но тут же решила последовать примеру Энн и радостно засмеялась. – Очень глупо с моей стороны.

– И не стали есть паштет, хотя Дэвис упорно утверждал, будто вы его страшно любите.

Энн рассказывала ей, что старинный приятель Дэвиса занят в загадочном бизнесе и исколесил весь мир. Чем бы он ни занимался, но этот человек был вовсе не глуп и гораздо более наблюдателен, нежели Дэвис.

– Я разнервничалась.

– Почему?

– Из-за вас.

– Из-за меня?

– Дэвис хотел, чтобы я произвела на вас хорошее впечатление.

Как могло такое вырваться у нее? Впрочем, может быть, это послужит толчком для непринужденного разговора. Не исключено, что она польстила ему, и он немного расслабится, отодвинется и примет позу человека, которого погладили по шерсти.

К ее ужасу, Спенсер не только не отодвинулся, но даже наклонился к ней ближе.

– В таком случае успокойтесь. Вы произвели на меня впечатление.

Она и сейчас была не в состоянии рассмотреть выражение его лица, однако смогла его почувствовать. Это можно было угадать по голосу – проникновенному, глубокому, волнующему. Она ощущала, как его глаза блуждают по ее груди. Задерживаются на сосках, которые чутко реагируют на магнетический голос.

Эллисон очень обрадовалась, когда в этот момент вернулся Дэвис. Сердце у нее стучало словно молот, ободренные ладони взмокли от пота. Несмотря на саднящее колено, она положила ногу на ногу и плотно их сжала.

– Расскажите мне о свадьбе, – сказал Спенсер так, будто речь шла о погоде.

Эта тема не таила в себе опасностей. Эллисон знала о свадебных планах, поскольку Энн ежеминутно обсуждала с ней подробности.

– Венчание произойдет в церкви, без особой пышности и без больших формальностей. С моей стороны будет только

один человек – моя сестра. А вы, конечно же, шафер Дэвиса?

– У вас есть сестра? – вежливо осведомился Спенсер.

– Да, – в этот момент Дэвис глотнул виски и хмыкнул.

– Ты вспомнил что-то смешное? – спросила Эллисон.

– Я как раз в эту минуту подумал об Эллисон.

– Что именно?

– Успокойся, родная. Я не хочу сказать ничего плохого о ней, но ты должна согласиться, что она со странностями.

– Странностями? – переспросил Спенсер.

Эллисон не успела ответить. Ее опередил Дэвис.

– Они близнецы. Внешне их не отличить одну от другой, но в остальном они не похожи, как день и ночь.

– Мы различны, это верно, но почему ты называешь Эллисон странной? – Весь вечер она пыталась угодить Дэвису, а сейчас он оскорбил ее: да, сделал это бессознательно, но все равно ей больно это слышать.

– Ну, взять, например, то, как она ведет себя, как одевается. – Он обернулся к Спенсеру. – Ее можно назвать первой кандидаткой в старые девы. Если говорить о сексе, то ее интересует лишь секс в лаборатории. Недавно она пришла в страшное возбуждение от того, что две редкие букашки спарились.

– Это были мыши. И ее работа имеет очень важное значение, – сурово отчеканила Эллисон.

– Я не спорю, однако...

– А что это за работа? – перебил друга Спенсер.

– Исследования в области генетики, – резко, с вызовом проговорила она, почти желая того, чтобы сидящий рядом с ней человек сказал что-нибудь уничижительное или двусмысленное.

– Кого интересует сексуальная жизнь тараканов? – спросил Дэвис. – Она возится с этими ползучими, шуршащими мелкими созданиями... Б-рр! – Он сделал гримасу и передернул плечами.

– Работа, которую я... которую проводит Эллисон, интересует всех. Она повлияет на жизнь грядущих поколений... И потом, моя сестра никогда не занималась сексуальной жизнью тараканов! – горячо закончила она.

Спенсер дипломатически заметил:

– Похоже, исследования очень интересные.

Дэвис виновато улыбнулся Эллисон:

– Извини, дорогая, должно быть, я был несправедливо суров. Спенсеру вполне может понравиться Эллисон, когда он с ней познакомится. Он ведь, тоже вундеркинд.

Эллисон сделала еще глоток водки «Коллинз». То ли от этого глотка, то ли от пережитой вспышки эмоций она вдруг почувствовала себя лучше.

– Вот как?

– Да. Светлая голова! Член общества «Фи Бета Каппа». Получал стипендию Рода в Оксфордском университете.

Эллисон с новым интересом взглянула на Спенсера. Ей казалось, что он относится к категории мужчин, которых

она презирала, мужчин, которые смотрят на женщину как на предмет вожделения, для которых нет ничего более важного, чем испытать физическое удовлетворение. По всей видимости, в Спенсере что-то было, несмотря на его ярко выраженную склонность к авантюризму.

– Мне хотелось бы познакомиться с вашей сестрой, как ее – Эллисон? – заявил Спенсер. – Для кого она ведет эти исследования?

– Для Митчелл-Бернса.

– Угу, – кивнул он.

Очевидно, Спенсер был знаком с этой компанией, производившей лекарства и химикалии и финансировавшей исследования в разных областях, начиная от медицины и кончая рациональным использованием энергии.

Официант подал обед. Эллисон заставила себя есть мясо с кровью и пить красное – цвета крови – вино, хотя не любила ни то, ни другое. Напитки комнатной температуры великолепны, когда вы живете на Северном полюсе. Она же предпочитала все либо ледяное, либо обжигающе горячее.

Вино, смешанное с водкой, отнюдь не способствовало улучшению ее зрения. Пытаясь найти фужер с водой, Эллисон опрокинула бокал с вином на рукав Спенсера, на котором тут же появилось темно-красное пятно.

– О Господи! – пробормотала она, сложив руки на открытой груди. – Прошу прощения.

Она никогда не плакала. Вот Энн готова была разразить-

ся слезами, если у нее всего лишь упадет шляпа. Сейчас Эллисон испытывала сильное желание зарыдать. Должно быть, она отчаянно пьяна или дьявольски обижена.

А почему ей не быть обиженной? Сегодня она узнала, что является объектом насмешек во время бесед сестры и Дэвиса. Как много людей считают ее эксцентричной старой девой, имеющей представление о сексе лишь на основании опытов над лабораторными животными! Мысль об этом заставила ее содрогнуться, а желудок, похоже, грозил восстать против той пищи, которую должен был переварить.

– О, оно расплывается! – Без особого успеха Эллисон попыталась промокнуть пятно своей салфеткой.

– Забудьте об этом.

– Дорогая, ты уверена, что здорова? – спросил Дэвис. – Ты сама не своя весь вечер.

Если только что ее душили слезы, то сейчас вдруг захотелось смеяться.

– Я здорова, – повторяла Эллисон между приступами истерического смеха. – Просто меня немного трясет после падения. – Она снова почувствовала прилив угрызений совести и раскаяния. – Честное слово, мне очень жаль, что я испачкала вам пиджак.

– Компенсируйте это мне.

– Как?

– Потанцуйте со мной. Эллисон внезапно протрезвела.

– Потанцевать? – растерянно переспросила она.

Глава 2

– Конечно, Энн, – сказал Дэвис. – Ты наверняка почувствуешь себя лучше. Ведь ты любишь танцевать.

Это верно. Энн в самом деле любила танцевать, обладала грацией и чувством ритма. Эллисон, в сущности, так и не овладела этим искусством. Мать заставляла обеих учиться танцам. Однако, несмотря на все усилия Эллисон, из этого ничего не вышло.

– Прошу вас, – проговорил Спенсер Рафт, поднимаясь с места и протягивая ей руку. – Если, конечно, у вас не болит колено.

– Нет, с коленом все в порядке. – «Меня беспокоят мои неуклюжие ноги», – подумала она.

Каков у нее выбор? Она уже упала в объятия этого мужчины еще до того, как они успели поприветствовать друг друга. Она испачкала кровью его носовой платок. Она испортила ему пиджак стоимостью не менее трехсот долларов. Если он согласен танцевать с ней, несмотря на испачканный рукав, она вынуждена согласиться, хотя у нее поехал чулок. Если откажется, Дэвис наверняка рассердится на Энн за то, что та была нелюбезной с его другом. Допустить этого Эллисон не могла.

Она отложила салфетку и встала. Спенсер взял ее за локоть и повел к танцевальной площадке.

– Мы скоро вернемся, дорогой, – через плечо бросила Эллисон Дэвису.

Ее вдруг охватила паника: показалось, что она покидает Дэвиса навсегда. Этот человек, похоже, обладал способностью заставлять людей подчиняться его воле. По всей видимости, ему ничего не стоило увести женщину куда угодно, даже из-под носа ее нерешительного жениха.

Если бы в этих явно мужских объятиях была Энн, Эллисон заволновалась бы за будущее сестры и Дэвиса. Но в объятиях находилась не Энн.

Не кто иной, как Эллисон оказалась в кольце его рук. Она выпила спиртного больше своей привычной нормы. События вечера развивались катастрофически, впрочем, этого следовало ожидать. Она устала притворяться и выдавать себя за кого-то другого.

И под влиянием уютного тепла, исходящего от Спенсера, Эллисон позволила себе расслабиться. Подобно маленькой девочке, которая хочет спрятаться, она укроется с головой одеялом, полагая, что никто ее не увидит, поскольку она сама никого не видит. Именно так чувствовала себя Эллисон в тот момент. Мир воспринимался ею сквозь какую-то дымку. Она спряталась в этом тумане. И не намерена была отвечать за дальнейшие события.

Но разве не удивительно, что, ведомая Спенсером Рафтом, Эллисон без особых усилий двигалась в танце, хотя никогда раньше не могла понять намерения своего партнера? Даже

несмотря на высокие каблуки, она двигалась в такт музыке в одном ритме с его телом.

– Вы все-таки чувствуете себя неважно, не правда ли? – Губы Спенсера шевелились у самых ее волос, на щеке она ощущала теплое дыхание.

– У меня кружится голова, – созналась Эллисон. Более того, ей казалось, что она парит в невесомости.

Он положил ладонь ей на голову и прижал к груди. Пальцы погрузились в волосы и начали массировать ей затылок. Эллисон блаженно закрыла глаза, но затем вдруг резко открыла их. Что он делает!

– Прошу вас, Спенсер, – проговорила она, пытаясь отстраниться от его руки. – Я... Дэвис...

– Тс-с, все в порядке. У вас сегодня очень трудный день.

Он повел ее в танце к противоположному краю площадки. Теперь между ними и женихом Энн находились другие пары. Свет был сумрачным. Вряд ли Дэвису видна рука Спенсера,двигающаяся вверх и вниз по ее затылку.

– Вы не должны этого делать, – слабо запротестовала она, в то же время подчиняясь диктату его ладони. Эллисон снова прижалась к нему головой, чувствуя щекой его мускулистую грудь.

– Да, не должен. Мне и самому неловко, что я это делаю, – пробормотал он. – Дэвис – мой лучший друг. – Руки его слегка напряглись. – Но вам так хорошо... Я знаю, вам это нравится.

Ей действительно было хорошо – чувствовать себя в его объятиях. Кожа пылала, пожар исходил откуда-то изнутри. Ее грудь никогда не казалась ей столь налитой и тяжелой, как сейчас. А почему так напряглись соски и впились в прозрачный лиф платья? И почему ей хотелось потереться ими о его грудь? Руки и ноги налились свинцом, а вот сердце билось как колокол! И вообще внутри у нее все трепетало.

И никогда еще не ощущала она так близко от себя чье-то тело. Все ее чувства были настроены на него. Считалось, что Эллисон высокого роста, но рядом с ним выглядела малышкой. Ее рука покоилась на его мускулистых плечах, их бедра соприкасались. Чувствовалось, что приятель Дэвиса крепкий и сильный мужчина.

Но это не означало, что он состоит из одних только мускулов. Наряду с физической силой Спенсер обладал гибкостью. Кроме того, был нежен. Большим пальцем он чертил линии на ее ладони, а его правая рука скользила по обнаженному плечу Эллисон.

– Я никогда не видел рыжеволосых с кожей, как у вас. Ведь у большинства рыжих кожа светлая, не правда ли?

– Мы, то есть моя сестра и я, унаследовали цвет лица от бабушки по материнской линии. Она испанка, и кожа у нее была оливкового цвета. От нее у нас и зеленые глаза.

– А рыжие волосы? – Он неторопливо провел по ним пальцами.

– От нашего ирландского дедушки.

– Весьма красочное семейство.

Она засмеялась, уткнувшись ему в рубашку:

– И не только в этом отношении.

– Взять вашу сестру, например. Эллисон подняла голову:

– Дэвис заставил вас поверить, что она настоящее посме-

шище... Это вовсе не так. Он дотронулся до ее щеки:

– Она так же красива, как и вы?

– Благодарю вас. – Ей было несколько не по себе, оттого что он слишком сильно прижимает ее. Но больше всего Эллисон огорчало то, что она не могла увидеть его лицо. Она уткнулась лбом во впадинку пониже плеча. – Мы абсолютно похожи внешне. Но в то же время совсем разные.

– Как это понять?

– Она не позволила бы вам прижимать ее так, как вы сейчас это делаете.

«Вот как. Взвали вину на Энн. То есть нет – на Эллисон. Ведь именно о ней сейчас разговор? О Господи, очень трудно с этим разобраться!» Она не в состоянии думать. Ее умственные способности слабели тем больше, чем крепче обнимал ее Спенсер.

– Я должна вернуться к Дэвису, – сказала Эллисон, пытаюсь высвободиться из объятий.

– Нет. Начался новый танец. – Его руки продолжали удерживать ее.

Чтобы не устраивать унижительной для себя сцены, не злить Дэвиса и не подвергать риску многолетнюю дружбу

мужчин, Эллисон подчинилась.

– Как давно вы и Дэвис помолвлены?

– Около года.

– Вы любите его?

– Конечно! – воскликнула она.

– В самом деле? – переспросил Спенсер.

Эллисон опустила глаза.

– Я очень люблю его, – холодно сказала она.

– Вы живете вместе?

– Нет. – Дэвис неоднократно просил Энн переехать к нему, но из уважения к родителям она отказалась.

– Однако вы вместе спите.

Щеки ее вспыхнули от смущения и гнева.

– Это не ваше дело.

– Я хочу знать, – упрямо повторил он. Демонстрируя не меньшее упрямство, она сказала:

– Конечно же, мы спим вместе.

– Вы удовлетворены вашей сексуальной жизнью?

– Полностью.

– Обманщица.

Возмущенная подобной дерзостью, Эллисон остановилась.

– Как вы смеете говорить мне подобные вещи?

– Как я смею? Я вам сейчас объясню. Если бы вы были удовлетворены сексуальной жизнью с Дэвисом, ваше тело не было бы столь голодным. – Он притянул ее и прижал к себе

так крепко, что ей стало трудно дышать. – Видите, насколько оно голодно, Энн? – Он дотронулся до ее бедра, и тихий, весьма красноречивый стон вырвался из груди Эллисон.

Рассердившись на него и еще больше на себя, она вырвалась из его объятий и бросилась к столику, по пути столкнувшись с двумя парами. Дэвис поднялся и подал ей руку.

– Ну как, теперь чувствуешь себя лучше?

– Гораздо лучше. – У Эллисон подгибались колени, когда она искала стул. Она вся тряслась и ненавидела себя за это.

Эллисон вела себя словно школьница, оказавшаяся в руках мужчины, для которого оболечение было обычным делом. Возможно, он может говорить на любовные темы на шестнадцати языках. Энн, горячо любящая Дэвиса, не позволила бы ему так вести себя и говорить подобные дерзости. Она либо высмеяла бы его, либо залепила пощечину, либо пнула ему коленом в пах и уж, во всяком случае, не стала бы прижиматься к нему, как котенок, которого подобрали ночью в ненастье.

Если она позволит Спенсеру Рафту очаровать себя, Дэвис рассердится не на Эллисон, а на Энн. И Энн снова перестанет с ней разговаривать – ведь под угрозу поставлены ее отношения с Дэвисом. И тогда она...

Нет, Эллисон не допустит этого. Подобная романтика не для здравомыслящего человека, а она относит себя к данной категории.

Во время танца на нее нашло затмение. Ну и что? Ущерба

это никому не нанесло, Любое животное, когда его гладят и ласкают, начинает мурлыкать и млеть от удовольствия. Больше такое не повторится. Впредь она станет избегать нового знакомого.

Остаток вечера Эллисон все внимание дарила Дэвису, а со Спенсером общалась лишь постольку, поскольку этого требовал этикет. Она видела, как общались на людях Энн и Дэвис, и изо всех сил старалась демонстрировать нежные чувства к нему. Похоже, ей удалось убедить Дэвиса в своей искренности. Он млея и грелся в лучах ее обожания. Эллисон старалась не смотреть на Спенсера, чтобы не видеть его реакции.

Когда они вышли, Дэвис попросил швейцара вызвать такси для Спенсера.

– Вот тебе адрес моей квартиры и запасной ключ. – Он вручил другу листок и ключ. – А я провожу Энн домой.

– Я понимаю, – сказал Спенсер. Он сделал шаг ей навстречу, легко коснулся ладонями ее плеч и дружески поцеловал в щеку. – Спокойной ночи, Энн... Вы и в самом деле такая, как о вас рассказывал Дэвис... и даже лучше.

Он убрал руки и отступил, но она все еще ощущала жар в тех местах, до которых дотрагивались его пальцы. Этот человек с волнующим грудным голосом и крупным мускулистым телом таил в себе угрозу, и Эллисон начинала догадываться, какую именно. Она ухватилась за руку Дэвиса как за спасательный круг.

– Благодарю вас, Спенсер. Доброй ночи... Я счастлива, что наконец-то познакомилась с вами.

И лишь только когда такси увезло Спенсера в ночь, она задышала нормально.

Это было непросто, тем не менее ей удалось вынуть контактную линзу, незаметно для Дэвиса надеть очки и доехать до дома Энн. Она тут же их сняла, как только припарковалась и выключила зажигание. Они вышли из машины и направились к дому.

Она открыла дверь, Дэвис вошел вслед за ней. Эллисон испугалась и стала лихорадочно думать, как же ей выпутаться из новой щекотливой ситуации.

– Спокойной ночи, дорогой! – сказала она.

– «Спокойной ночи»? Скорее «Здравствуй»! Я ни разу не поцеловал тебя за этот вечер.

Прежде чем она успела что-то предпринять, он притянул ее к себе и крепко прижался ртом к ее губам. Первым желанием Эллисон было плотно сжать губы, но она понимала, что это не поможет. Поэтому решила позволить ему поцеловать ее так, как он хочет, и неуверенно положила руки ему на талию.

– Господи, Энни, – зашептал Дэвис ей в ухо, когда наконец оторвался от ее губ. – Весь вечер я не мог откровенно поговорить с тобой... Что ты скажешь о Спенсере?

Она не могла ни о чем думать в тот момент, когда рука жениха сестры опускалась с плеча и двигалась к ее груди.

– Гм... он... обаятельный... как ты и говорил.

– То же самое он сказал о тебе. Я рассказывал ему, что ты великолепна и сексапильна. Он охотно согласился.

– Ой! – воскликнула Эллисон, когда Дэвис спустил бретельку платья. Он удивленно замер:

– Что с тобой?

– Н-ничего... Просто я так опозорилась перед твоим другом. Я боялась, что ты рассвирепеешь.

– Признаюсь, мне было неприятно видеть, как ты упала на тротуаре. – Дэвис засмеялся. – Это скорее напоминало Эллисон. – Он окинул ее взглядом с головы до ног. – У тебя ничего сейчас не болит?

– Нет. – Эллисон – недотепа, Эллисон – старая дева, Эллисон – объект подтрунивания одарила его вымученной улыбкой и добавила:

– Я чувствую себя отлично.

– Отлично, – пробормотал он. Губы его заскользили по щеке, а рука, лаская грудь, пыталась извлечь ее из лифа.

Эллисон овладела паника, она отпрянула от него:

– Дэвис!

– Что? – Он упер руки в бока и уставился на нее с видом обиженного мужчины, которому не дают осуществить его сексуальное желание. – Что сегодня с тобой происходит?

Эллисон хотелось недвусмысленно заявить, что с ней ничего особенного не происходит, что она имеет исключительное право сказать «нет», если чего-то не желает. Однако Энн

так не поступила бы. Как повела бы себя Энн, если бы она не хотела заниматься сексом, но чтобы ее отказ прозвучал как можно мягче?

Эллисон подняла дрожащую руку к горлу:

– Ничего особенного. Просто я... – Она отчаянно искала причину, Энн говорила, что он не будет спать с ней, потому что... Почему же? Ах да, таблетки. Эллисон изобразила улыбку на манер Энн. – Просто я не хочу начинать то, что мы не можем довести до конца. – Для убедительности она провела ладонью по его плечу и коснулась пальцами подбородка.

– М-да, пожалуй, ты права. – Он нервно провел рукой по волосам. – Сколько еще нам ждать?

– Недолго. – Ее туманный взгляд излучал обещание. – Я не могу долго обходиться без секса. – Эту фразу она слышала в каком-то кинофильме, хотя и не была уверена, что любовники говорят так в жизни.

– Я тоже, малышка. – Он наклонился и поцеловал ее почти целомудренно. – Мне лучше уйти.

– Хорошо. – Обняв Дэвиса за талию, она довела его до двери. – Спокойной ночи. – Встав на цыпочки, поцеловала в губы.

– Спокойной ночи. – Он ласково потрепал ее по ягодицам. Она смущенно улыбнулась, стала махать ему и махала до тех пор, пока он не сел в машину.

Закрыв дверь, Эллисон прислонилась к стене, закрыла

глаза и сделала несколько глубоких, продолжительных вдохов. И так, она пережила этот вечер. Если не считать падения при народе и того, что позволила другу детства Дэвиса слишком сильно прижимать ее во время танца, никаких особенно больших неприятностей не произошло. Сколько еще будет таких вечеров? Два? Три? Может, притвориться, что у нее вирусное заболевание желудка?

Подобная перспектива немного приободрила ее, и она направилась в спальню Энн.

Эллисон привезла с собой несколько собственных вещей, среди которых была и старая отцовская рубашка, извлеченная из его шкафа несколько лет назад. В ней она обычно спала, подворачивая при этом длинные рукава. Полы рубашки доходили до середины бедра.

Эллисон умылась и почистила зубы. Вспомнив про то, что у нее есть запасные линзы в саквояже, она отыскала и вставила их. Каким замечательным кажется мир, когда человек способен его видеть! Она от души порадовалась, что теперь ей не придется идти к офтальмологу за новыми линзами.

Эллисон собралась было вынуть контактные линзы и идти спать, когда раздался звонок в дверь. Дэвис? Что-нибудь забыл? Она босиком и в рубашке прошлепала через темные комнаты в холл. Приоткрыв дверь, выглянула в щель.

– Привет, Энн.

Из ее груди вырвался звук, похожий на полустон и полувскрик. Перед ней стоял красавец!

Темные, небрежно причесанные и оттого еще более привлекательные волосы. Высокий, свидетельствующий об уме лоб, лохматые, что придавало ему плутовской вид, но выразительные брови. Глаза, напоминающие пронзительные голубые лазеры, обрамленные длинными черными ресницами. Форме носа позавидовал бы сам Аполлон. А рот... У нее что-то оборвалось внутри, когда она бросила взгляд на эти чувственные губы, из которых нижняя была чуть более пухлой.

Каждая клеточка ее женской природы отреагировала на это воплощение мужской красоты. У нее вдруг заняла грудь, встрепенулись соски, она почувствовала сладостное возбуждение внизу живота. Никогда ранее не придававшая большого значения внешности мужчины, сейчас Эллисон обратила внимание именно на привлекательность Спенсера Рафта.

Ей оставалось лишь надеяться, что эта чувственная буря внутри нее не будет замечена. Она спряталась за дверью.

– Дэвис уже ушел.

– Знаю. Я видел, как он уезжал.

– Тогда что вы здесь делаете?

– Я пришел, чтобы повидать вас. Не ее. Не Эллисон. Он пришел, чтобы повидать Энн.

– Вы не должны этого делать.

– Я и сам это знаю. Тем не менее я здесь.

– Как вы тут оказались?

– Я отыскал ваш адрес в телефонной книге и взял такси.

И оставил записку Дэвису, в которой сообщил, чтобы он не

ждал меня рано... Вы не намерены пригласить меня войти?

– Нет.

– Тогда мне придется сделать это самому.

Он несильно толкнул дверь и вошел внутрь.

Эллисон оказалась перед Спенсером в одной мужской рубашке, которая за многие годы от стирок стала мягкой и почти прозрачной. Если он не слепой, то должен был увидеть, что под рубашкой на ней нет ничего, кроме крохотных трусиков.

Голубые глаза заскользили по ее фигуре, задерживаясь на наиболее интересных местах. Казалось, этот взгляд проникает через ткань, стремясь запечатлеть все в памяти.

Он довольно долго смотрел ей в лицо.

– У вас удивительные волосы. – Спенсер дотронулся до волнистой пряди на ее плече.

– А у вас удивительное нахальство! Эллисон оттолкнула его руку и отступила на шаг назад. Она не на шутку рассердилась, но в глубине души отдавала себе отчет, что отчасти гнев ее объясняется тем, что он видел в ней Энн. Если бы она пришла сегодня в ресторан не с распущенными волосами и не в шифоновом платье, а как безвкусно одетая старушка Эллисон, он был бы вежливым и не стал бы сейчас раздевать ее своим горячим, опытным взглядом.

– Вы так считаете из-за Дэвиса?

– Естественно, из-за Дэвиса! – выкрикнула она. – Я очень сомневаюсь, что он знает о ночном визите лучшего друга к

его невесте.

– Вы правы, он не знает.

– А ведь он такого высокого мнения о вас! Я только и слышала от него: Спенсер молодчина, Спенсер умеет то и это, Спенсер изумительный парень. А сейчас я вижу...

– Все ясно! – перебил ее Спенсер. Некоторое время он смотрел в пол. Когда поднял голову, Эллисон увидела боль в его голубых глазах и горестную складку у рта.

– Вы думаете, я планировал увлечься вами? Хотел, чтобы произошло то, что происходит сейчас?

– Ровным счетом ничего не произошло. Она пыталась протестовать, но что-то все-таки происходило. И впервые происходило с ней. До знакомства со Спенсером Рафтом она полагала, что рассказы о мгновенно возникшем влечении между мужчиной и женщиной – это приманка торговцев, рекламирующих духи и зубную пасту. Оказывается, не так. Бывает и на самом деле.

– Ничего не произошло, – повторила она, чтобы убедить себя.

Одна из его бровей вопросительно изогнулась.

– Не произошло?

Эллисон переступила с одной босой ноги на другую и нервно подтвердила:

– Нет.

– Вы опять лжете, Энн. Если бы вы не испытывали чувства вины, то пригласили бы меня с дружелюбной улыбкой

в дом, а может быть, мы даже пригласили бы сюда Дэвиса и организовали вместе полуночную трапезу.

Он был прав. Именно так поступила бы Энн. Но она не Энн! Почему бы ей сейчас не признаться в этом? Почему бы не засмеяться и не сказать: «Знаете, вы, может быть, не верите этому, но дело в том, что...» И все рассказать.

Он почувствовал ее тайные муки, и выражение лица у него смягчилось.

– Я понимаю, вы очень плохо обо мне думаете. Позвольте мне рассказать о себе, чтобы вы перестали считать, будто я часто поступаю таким образом.

– Вы хотите сказать, что редко соблазняете женщин? – ледяным тоном спросила она.

Спенсер усмехнулся, и Эллисон вдруг растаяла. Она была не в силах противостоять этой чувственной улыбке.

– Я вовсе не соблазняю девушку моего лучшего друга. Даже такой любитель приключений, как я, не может позволить себе это.

– Дэвис рассказывал мне о ваших кругосветных путешествиях на своей яхте. Он говорил, будто вы авантюрист, работаете по контракту. Я уверена, что вы играете в эту игру, чтобы позабавиться, но мне это не нравится. Прошу покинуть дом, пока я...

Он сделал шаг ей навстречу.

– Пока вы что?

Она проглотила в горле комок и отступила назад.

– Пока я не позвонила Дэвису и не рассказала ему о ваших намерениях, – задыхаясь, проговорила Эллисон.

– А каковы мои намерения?

– Соблазнить меня. – Эллисон ощутила спиной стену и поняла, что дальше ей отступать некуда. Он же продолжал надвигаться на нее, пока его ноги не переплелись с ее ногами; руками он уперся в стену по обе стороны от нее.

– Я это делаю? – Эллисон ощутила теплое дыхание на лице. Казалось, от него исходили чувственные волны.

– А разве нет?

Он улыбнулся уголками рта:

– Ну да, я делаю все возможное, чтобы соблазнить вас. И только вы можете сказать, действует ли это на вас.

О да, действовало. Она плавилась, прижавшись спиной к стене, мысли в голове путались. Внезапно Эллисон обнаружила биение пульса в совершенно неожиданных местах – тайных, запретных, удивительным образом заявивших о себе.

– Когда вы танцевали, то чувствовали это, разве не так? – Он наклонился и ткнулся носом в ее шею.

Эллисон закрыла глаза. Да, она ощущала это, ведь десять лет изучала биологию. Чувствовала сильные бедра, которые прижимались к ее мягкому животу, силу его желания и возбуждения. Она не могла этого не чувствовать.

Но у нее еще оставались крупницы гордости.

– Чувствовала что? – хрипло спросила она.

– Удивительное щекотание, которое начинается где-то здесь. – Его указательный палец дотронулся до ее живота. – И распространяется потом сюда. – Палец двинулся к груди и описал круг вокруг одного из сосков. – Затем это подкапывает к шее. – Он мягко коснулся ямки на шее. – А потом это плывет, плывет, плывет, – палец скользнул вниз, к пупку, опустился еще ниже, – и взрывается где-то здесь, – шепотом закончил он, накрывая ладонью выпуклый треугольник между бедер.

Эллисон застонала и уткнулась лбом ему в грудь.

– Пожалуйста, не надо. – Она почувствовала, что эхо этого мягкого взрыва распространяется по всему телу.

Он сжал ладонями ее лицо и приподнял его.

– Я содрогаюсь при мысли о том, что предаю своего лучшего друга. И прихожу в отчаяние оттого, что причиняю боль Дэвису. Поэтому вы должны знать, насколько потрясли меня, если сейчас я рискую нарушить многолетнюю дружбу.

– Вам не следует этого делать.

– Да, совесть подсказывает, что мне не следует этого делать.

– Но вы ей не внемлете.

– Я не в силах услышать ее из-за того, что слишком громко бьется мое сердце.

– Это невозможно.

– Разве? А давайте выясним.

Она почувствовала ласковое прикосновение его пальцев

на своих губах. Затем ощутила теплое и влажное дыхание. Когда их губы соприкоснулись, острое наслаждение пронзило ее.

Ощущение было настолько новым и сильным, что она испуганно прошептала:

– Спенсер!

– Да, да, – шепотом ответил он, обнимая и прижимая ее к себе.

Одна его рука легла ей на талию, вторая – на плечи. Он обнял Эллисон крепко, по-хозяйски. Губы и язык скользили по ее сомкнутым губам.

Под бархатистыми прикосновениями ее губы разжались. Это было приглашение, которого он ждал. Его язык нырнул в сладостную глубину ее рта и стал жадно и беспокойно блуждать, пока не удостоверился, что она признала за ним право там находиться.

Бедняжка Энн, подумала Эллисон. Ей суждено прожить жизнь, довольствуясь пресными, скучными поцелуями Дэвиса, и не испытать того, что испытывает она сейчас. Поцелуи Дэвиса были приятными, но в них не было неистовства, не было страсти и ярости. Поцелуи Спенсера были безудержными.

Он поднял ей рубашку и с силой притянул к себе. Его ладонь, соскользнув с талии, легла на ягодицы. Рука Спенсера уютно расположилась между бедрами и теплой подушечкой, и он удовлетворенно заворчал.

Другая его рука отыскала грудь Эллисон под рубашкой и стала легонько ее ласкать. Большим пальцем Спенсер начал массировать сосок, отчего тот превратился в твердый камешек.

– Энн, я знал, что у нас так все будет, – шепотом проговорил Спенсер.

Имя сестры прозвучало как пощечина, и Эллисон пришла в себя. Она высвободилась из его дерзких, хотя и деликатных объятий. Удивленный, он позволил ей это сделать. Эллисон отодвинулась от Спенсера. Стоя посреди гостиной Энн, она зажмурилась, пытаясь собраться с мыслями.

Открыв наконец глаза, Эллисон увидела, как Спенсер пристально наблюдает за ней. Он оставил ее в покое, дав время разобраться в своих чувствах.

– Вы должны уйти, Спенсер. Немедленно. И забудьте... этот поцелуй.

– Если вы просите, я уйду, но поцелуй не забуду.

– Вы должны! – выкрикнула она. Спенсер думал, что перед ним невеста его друга. Сегодня она была Энн, но завтра снова превратится в безвкусно одетую Эллисон, и он больше никогда не посмотрит на нее. И главное – то, что сейчас происходит между ними, способно разрушить отношения Энн и Дэвиса.

– Я не могу это забыть, – твердо заявил он. – У меня не было намерений идти в ресторан и влюбляться в вас, но так уж случилось. Когда я расстался с вами, то подумал: может

быть, вы стали такой желанной потому, что там горели свечи... Или из ревности – ведь Дэвис испытывает к вам такие чувства.

Он шагнул к ней, но когда протянул руку, Эллисон отскочила. Однако на лице Спенсера можно было прочесть решительность и непреклонность.

– Так или иначе, я поцеловал вас. И это свело меня с ума. Неужели вы и в самом деле полагаете, что я могу все забыть?

– Вы хотите сказать, что всегда добиваетесь того, чего желаете?

– Да.

– Невзирая ни на какие последствия?

Он поджал губы, пытаясь справиться со своими чувствами.

– Как бы вам ни казалось, но я человек чести. Я хочу вас, Энн. И судя по всему, вы хотите меня. Но мы должны помнить, что есть Дэвис. И так или иначе придется что-то решать.

После этих слов Эллисон почувствовала, как ее охватила паника. Побелевшими пальцами она сжала воротник рубашки.

– Что вы имеете в виду?

– Предоставьте это мне. – Он сделал к ней три решительных шага и крепко поцеловал.

– Нет, Спенсер, выслушайте меня. Вы не должны...

Он снова поцеловал ее. Затем, пока она еще не пришла в

себя и не восстановила дыхание, вышел из комнаты.

Эллисон несколько секунд тупо смотрела на закрывшуюся дверь. Прикрыв дрожащей рукой рот, она прошептала:

– Господи! Что же я наделала?!

Глава 3

На следующий день ровно в час Эллисон была в клинике, куда приехала справиться о состоянии здоровья Энн.

– Она в реанимации, – ответила сестра, – но вы можете к ней пройти.

Эллисон двинулась по коридору, стены которого были украшены изящными литографиями с подсветкой, между ними стояли кадки с роскошными тропическими растениями. Прежде чем выразить сочувствие находящимся в палатах больным, посетителям предоставлялась возможность полюбоваться этим безмятежным антуражем и едва ли не позавидовать пациентам.

Проведя бессонную ночь, Эллисон в восемь утра позвонила в клинику, и ей сказали, что мисс Леман сейчас повезли в хирургию, где ей сделают анестезию.

В реанимации находились две пациентки. Около каждой дежурила медсестра. Кровать Энн стояла возле двери. Глаза сестры закрыты, однако никаких медицинских аппаратов рядом с ней не было. Она спала, вытянув руки по швам. Под больничным халатом Эллисон разглядела бинты. Она поморщилась.

– Энни! – негромко позвала Эллисон, касаясь руки сестры. – Энни!

Веки Энн шевельнулись, она открыла глаза и через ка-

кое-то время узнала Эллисон.

– Привет! – Было такое впечатление, что она, словно горошины, покатила это слово во рту, прежде чем произнести его.

– Как ты себя чувствуешь?

– Отлично... Очень хочется спать. – Энн пошевелила плечами и поморщилась. – Я бы чувствовала себя паршиво, если бы не мысль о том, как эффектно буду выглядеть в бикини.

Эллисон улыбнулась, но улыбка получилась натянутой. Несмотря на свое возбужденно-эйфорическое состояние, Энн заметила это и произнесла:

– Не надо беспокоиться. Я чувствую себя отлично, честное слово. Доктор сказал, – тут ее глаза подернулись поволокой, однако усилием воли она снова открыла их, – сказал, что все будет чудесно.

– Хорошо. Я рада... А когда они переведут тебя в палату?

– Скоро, наверное. – Энн снова закрыла глаза.

Эллисон почувствовала себя беспомощной. Она провела ночь в тягостных раздумьях, ища способ, как бы поправить дело. И решила, что прежде всего надо обо всем рассказать Энн. Но Энн была не в состоянии слушать.

– Энни, – сделала еще одну попытку Эллисон, теребя руку сестры. Когда та открыла зеленые глаза, Эллисон предложила:

– Давай я позвоню Дэвису. Он с ума сойдет, если узнает, что ты решилась на хирургическую операцию, не поставив

его в известность. Дэвис приедет и будет держать тебя за руку... Он, а не я. Дэвис очень огорчится, когда откроется, что ты сделала это втайне от него.

– Нет, Эллисон, нет, – прохрипела Энн. – Пока что нет.

– Но он должен знать.

– Дэвис узнает... Но я не хочу, чтобы он видел меня, пока не снимут бинты и я не стану красивой.

– Не имеет значения, как ты выглядишь. Он любит тебя.

– Пожалуйста, Эллисон, не надо. – Энни снова закрыла глаза, и Эллисон показалось, что сестра заснула. Спит или делает вид? В детстве Энн нередко избегала многих неприятностей, прикинувшись спящей.

– Я позвоню тебе попозже, – сказала Эллисон, отпустила безжизненную руку сестры и вышла из палаты.

Она невольно рассердилась на Энн. Именно Энн заварила всю эту кашу, а теперь отсыпается. А вот Эллисон надо искать выход из создавшегося положения.

– В конце концов я не виновата, если ее брак с Дэвисом расстроится, – в сердцах проговорила она, открывая тяжелую больничную дверь и выходя на яркое солнце. Тем не менее Эллисон знала, что вина ляжет на нее. Если свадьба не состоится, будут ругать ее, в том числе и она сама.

Идя в лабораторию, Эллисон пыталась найти оправдание себе, однако все ее аргументы казались неубедительными. Она танцевала с мужчиной. Она впустила его в дом Энн. Она позволила ему такие вольности, которые следовало бы пре-

сечь одним гневным взглядом. Она позволила ему целовать ее.

И даже ответила на поцелуй. Самоуверенный повеса затеял игру с Энн, а ведь он никогда ее не видел. Вознамерился разрушить добрые отношения, создать треугольник, в котором фактически никто из троих не был причастен к тому, что происходит. Она была ответственна за этот кавардак и в то же время бессильна что-либо сделать, если не хочет выглядеть старой девой.

«Возможно, я сама напрашиваюсь на неприятности, – подумала Эллисон, входя в здание, где помещалась ее лаборатория. – В моей власти никогда больше не встречаться со Спенсером Рафтом. Он относится к числу тех, кто способен урвать поцелуй у невесты своего лучшего друга, а затем смотреть удочки. Дэвис говорит, что он долго не сидит на одном месте. Возможно, уже сейчас держит курс к тому месту, где пришвартовалась его яхта, чтобы отправиться на поиски новых приключений».

Эллисон нахмурилась, вспомнив его решительный настрой вчера вечером, когда он уходил. Спенсер не похож на человека, из которого фортуна может вить веревки. Он не из тех, кто полагается на волю случая. Спенсер – хозяин своей судьбы. И если способен поцеловать невесту друга, то что еще он может совершить?

Эта мысль настолько взволновала Эллисон, что она никак не могла сосредоточиться на опыте, который проводи-

ла уже несколько месяцев. Ставился важный эксперимент, выявляющий влияние наследственности и окружающей среды на умственное развитие человека. Эллисон знала о существовании взаимоисключающих теорий по этой проблеме. Она была убеждена – истина где-то посередине. Между теми, кто верил в генетическую основу, и теми, кто полагал, что определяющую роль играет воспитание. Сегодня же от этой животрепещущей проблемы ее отвлекли мысли о Спенсере. Лишь после обеда ей кое-как удалось сосредоточиться и записать результаты опытов в журнал.

– Умный дурачок.

Услышав голос начальника, Эллисон обернулась. Было уже поздно. На полу появились длинные косые предвечерние тени. Доктор Хайден смотрел на крысу, которая жила отдельно от других в клетке.

– В самом деле, – гордо сказала она. – Это Александр Великий.

– Родился умным, – прокомментировал ученый. – Как вы. – Доктор Хайден ласково дотронулся до ее носа.

Придя на фирму Митчелл-Бернса, Эллисон стала работать с доктором Дирком Хайденом, которого боготворила. Он отличался внушающим уважением консерватизмом и свойственной гениям рассеянностью. Мог искать очки, находящиеся у него на лбу; на галстуке его легко обнаруживались следы пищи; халат, как правило, был чистый, но редко – отглаженный. Однако доктор Хайден – лидер в их области,

и Эллисон была счастлива, что входила в его команду. У них были теплые отношения, и они взаимно восхищались друг другом.

Эллисон посмотрела на Александра Великого, сунула палец в клетку, чтобы погладить зверька. Лицо у нее было грустное и задумчивое.

– Похоже, вас не очень волнует то, что опыты подтверждают правильность вашей гипотезы, – сказал доктор Хайден.

– Почему же, я рада. Просто сейчас меня беспокоит и кое-что еще. Моя сестра лежит в хирургическом отделении.

В глазах доктора Хайдена отразилось беспокойство.

– Надеюсь, ничего серьезного.

– Нет-нет, ничего серьезного, – поспешила заверить его Эллисон. – Но естественно, я беспокоюсь.

Доктор Хайден ценил преданность Эллисон своему делу, но в то же время хотел, чтобы ее интересы не замыкались лабораторией. Подобная односторонность молодой женщины – нечто нездоровое. За годы работы с ней он стал относиться к Эллисон не просто как к одаренному коллеге.

– Что вы собираетесь делать дальше? – спросил доктор Хайден.

– Продолжить и углубить опыты.

– С нетерпением жду ваших конкретных предложений, – сказал он, держась за лацканы пиджака и раскачиваясь на пятках. – Жаль, что мы не можем провести эксперимент на людях, правда ведь?

Эллисон засмеялась:

– Это заветная мечта ученого – взять идеальную пару, в умственном и физическом отношении, спарить их, задокументировать рост зародыша. После рождения ребенка растить и воспитывать его по тщательно разработанной программе. Кто знает, может быть, к тому моменту, когда ребенок пойдет в первый класс, он будет читать и понимать Шекспира.

Доктор Хайден склонил набок голову.

– Вы можете быть вполне подходящей матерью для такого эксперимента. А потенциальный отец имеется?

Она засмеялась, сняла халат и, вешая его на крючок, сказала:

– Независимо от отца я вряд ли подойду для подобного опыта.

– Почему же? Вы образованны и умны, представляете собой великолепную особь в физическом отношении, и мне известны многие мужчины, которые согласятся со мной.

– Мужчины уважают во мне ученого. Вряд ли я для них интересна как женщина.

– А вы давали им шанс? Она закрыла дверцу шкафчика и обернулась к нему.

– Как протекает ваша сексуальная жизнь, доктор?

Он покраснел до корней волос.

– Простите. Я, кажется, вмешиваюсь не в свои дела. – Подойдя к Эллисон, он положил ей ладони на плечи. – Вы очень

много работаете. Вам нужно больше отдыхать. Сходите куда-нибудь сегодня вечером... выпейте вина. Потанцуйте...

На сей раз Эллисон засмеялась вполне безмятежно. Вчера вечером она сделала выход, выпила вина, потанцевала – и вляпалась в невероятную историю.

– Я не отношусь к числу девиц, которые любят вечеринки. Однако спасибо за внимание и заботу. – Она похлопала его по щеке и направилась к выходу.

Едва Эллисон вошла в квартиру Энн, как зазвонил телефон.

– Алло!

– Энн, дорогая, привет! Это был Дэвис.

– Привет.

– Где ты была весь день? – Эллисон едва не брякнула: «На работе», но вовремя спохватилась. Энн была в отпуске. Она сказала Дэвису, что будет заниматься покупками, связанными с предстоящей свадьбой.

– Ходила по магазинам.

– Купила что-нибудь?

Вдруг он захочет взглянуть на покупки?

– Это будет послесвадебный сюрприз для тебя. – Похожа она сейчас своим жеманством на Энн?

– Угу... Нет сил ждать. – Эти слова Дэвис произнес страстным шепотом, после чего в полный голос добавил:

– У меня тоже есть для тебя сюрприз. Спенсер и я поедем через пятнадцать минут и заберем тебя.

– Сюрприз? – Меньше всего ей сейчас нужны были сюрпризы. – Как, и Спенсер тоже?

– Да, я пригласил его. Надеюсь, ты не возражаешь?

– Нет, конечно. Мне будет приятно снова увидеть его.

Наверняка именно так сказала бы Энн. Правда, Энн никогда бы не позволила произойти тому, что случилось вчера. И ладони у Энн не покрылись бы нервным потом при упоминании имени мужчины и при мысли о том, что она снова его увидит.

Эллисон бросила взгляд на защитного цвета юбку, на столь же невзрачную блузку и туфли на низком каблуке.

– А форма одежды парадная или обычная?

– Конечно, обычная. Мы со Спенсером потом собираемся сыграть в теннис.

– Ладно. Я буду готова. Стало быть, пятнадцать минут?

– Да, душа моя. – Он чмокнул, изображая поцелуй, и повесил трубку.

То, что Эллисон увидела в зеркале, ее не слишком вдохновило. Надо было поторопиться, если она хочет перевоплотиться за пятнадцать минут. Она сбросила одежду и стала изучать содержимое гардероба Энн, который был настолько же пестрым, насколько одноцветным был ее. Энн умудрялась носить одежду всех цветов радуги и каким-то образом достигать потрясающего эффекта.

Эллисон остановилась на хлопчатобумажных брюках, которые Энн называла бесцветными, а Эллисон – оранжевыми,

и на такого же цвета вязаном пуловере.

Она надела сандалии с яркими бисеринками на ремешках. Вынув из волос шпильки, Эллисон провела щеткой по рассыпавшимся по плечам волосам. Коснулась кисточкой ресниц, чуть поддрумьянила щеки и подкрасила губы помадой персикового цвета. В тот момент, когда она размышляла, какие духи выбрала бы Энн, раздался звонок в дверь.

– Привет! – произнес Дэвис, едва она открыла дверь. Широко улыбаясь, он положил руки ей на талию и притянул к себе. Дэвис поцеловал ее так крепко, что Эллисон задохнулась. Каким-то чудом она сдержалась и не стала вырываться из его объятий. Но, увидев стоящего позади человека, обвинила руками шею Дэвиса и вложила всю страсть в поцелуй, веря в то, что Господь и сестра поймут и простят.

Энн не объяснила, как ей следует вести себя во время поцелуев. Что нужно делать при этом? Поцелуи Дэвиса ее определенно не возбуждали. Это не то, что... Впрочем, она не станет думать об этом.

Когда Дэвис наконец поднял голову, Эллисон тихонько засмеялась и провела пальцами по его губам, чтобы стереть с них следы помады.

Дэвис ткнулся носом ей в ухо:

– Я очень скучал по тебе сегодня. – Он провел руками по ее спине. – Зачем ты надела лифчик?

Собираясь на эту встречу, Эллисон дала себе слово, что приложит все усилия, чтобы находить выход из любой си-

туации, которая может возникнуть. И вот не прошло еще и тридцати секунд, как она мучительно ищет ответ на шепотом произнесенный вопрос.

Эллисон прижала губы к уху Дэвиса:

– Чтобы не искушать тебя, как в прошлый раз. Ты ведь знаешь – нам сейчас нельзя.

– Да, понимаю, – пробормотал он. – Хотя мне это страшно не нравится. – Запечатлев еще один короткий поцелуй, Дэвис отошел, чтобы она могла поприветствовать Спенсера.

– Привет, Энн.

Эллисон показалось, что его голос проник в самые дальние уголки ее души, затронул какую-то струну и вызвал резонанс во всем теле.

– Привет, Спенсер, – с напускной веселостью произнесла она.

У нее едва не подогнулись колени, когда их взгляды встретились. Глаза его напоминали ясные голубые огоньки под лохматыми бровями. Лицо было обветренным и загорелым. Спенсер был худощав и мускулист. На нем были белые шорты и голубая трикотажная рубашка, обтягивающая торс. Шикарные солнцезащитные очки сдвинуты на буйную черную шевелюру.

Боясь покачнуться, Эллисон ухватила за руку Дэвиса.

– Дэвис целый день вас занимал сегодня?

– Он водил меня на завод компьютеров, – любезно ответил Спенсер. – Весьма интересно.

– Да. Меня это тоже впечатляет.

– Дэвис говорил мне, что вы тоже работаете с компьютерами. Что именно вы делаете?

Улыбка сбежала с лица Эллисон. Ну почему она ни разу не прислушалась к тому, о чем часто болтала Энн, делая впечатлениями о работе?

– Я... гм...

– Ей скромность не позволяет сказать тебе, что она программист компании.

Эллисон наградила Дэвиса благодарной улыбкой. Он вовремя пришел ей на помощь.

– У меня сейчас отпуск, и я не хочу говорить о работе. А какой сюрприз вы приготовили мне?

Дэвис заговорщицки посмотрел на Спенсера:

– Подержим ее в неведении и дальше?

– Только посмей! – воскликнула Эллисон на манер Энн и ткнула его кулаком в живот, который не был таким плоским и упругим, как у Спенсера.

– Я нашел сегодня дом и хочу, чтобы ты взглянула на него. Думаю, это как раз то, что нам надо.

– Замечательно, мой дорогой! – Она обняла его за шею. Энн и Дэвис искали подходящий дом уже несколько месяцев. Эллисон знала, что эту новость Энн должна встретить с большим энтузиазмом. – Где он находится? Он нам по карману? Как он выглядит?

Довольный, Дэвис засмеялся:

– Мы сейчас поедem и все тебе покажем.

Эллисон устроилась на переднем сиденье рядом с Дэвисом, но постоянно ощущала присутствие Спенсера, который напоминал молчаливого телохранителя. Всю дорогу она держала ладонь на колене Дэвиса.

Сравнивать двух этих мужчин – дело бесполезное, однако Эллисон не смогла удержаться. Ноги у Дэвиса были не столь загорелыми, как у Спенсера. Они казались бледными и рыхлыми. Эллисон было неприятно прикасаться к ним, зато страшно хотелось потрогать жесткие волосы на загорелом теле Спенсера и ощутить стальную твердость его мышц.

Впрочем, она поспешила отогнать эти мысли и сосредоточила все внимание на Дэвисе, демонстрируя ему свои нежные чувства.

У нее упало сердце, когда Дэвис остановил машину перед одноэтажным приземистым домом. Энн он понравился бы. Эллисон же дом показался ужасным.

Это был обычный современный дом, лишенный какой-либо индивидуальности.

– О Дэвис! – произнесла она, стараясь не показать голосом разочарования.

Даже двор казался каким-то искусственным. Кусты были высажены на абсолютно одинаковом расстоянии друг от друга. Дэвис повел ее по тротуару к агенту по продаже недвижимости, который открыл перед ними дверь.

Внутри пахло краской и клеем, свежей древесиной и

недавно испеченным хлебом. Стены – идеально ровные, без каких-либо ниш, куда можно было бы поставить книжную полку или небольшой чайный столик. Камин в гостиной выглядел настолько стерильным, что в нем даже не хотелось разводить огонь. Не возникало желания уютно расположиться перед ним с огромной подушкой и каким-нибудь шпионским романом. Кухня напоминала лабораторию Эллисон. Она не могла себе представить, чтобы на этих безупречно вылизанных столах и в шкафчиках появились следы муки, какие-то приправы и соусы и что-то аппетитно булькало на плите.

– Вот погоди, сейчас ты увидишь ванную, – возбужденно проговорил Дэвис и потащил Эллисон по узкому белому коридору, который напомнил ей больницу.

В ванной комнате оказалась мраморная ванна ниже уровня пола и встроенные в стены раковины. Ей всегда хотелось, чтобы ванна была с витыми ножками, а раковина – с латунными кранами...

– Ты что-то ничего не говоришь, – вдруг обеспокоенно спросил Дэвис.

Эллисон повернулась к нему и, как бы желая успокоить, положила ладонь на его руку.

– Я потрясена. – Насколько ей не нравился этот дом, настолько он окажется по вкусу Энн. Эллисон это хорошо понимала.

– Я не знаю даже, что сказать... Это так...

– Я не хочу оказывать на тебя давление. Ты уверена, что тебе это нравится? – спросил Дэвис, глядя ей в глаза.

– Конечно. Мне нравится. И я знала, что мне понравится. – Она прижалась к нему, пряча от него глаза. Чтобы он не заметил контактные линзы или, хуже того, что она лжет.

– Мистер Лундстрем, я хочу показать вам рабочий стол в гараже, – сказал агент.

Дэвис похлопал ее по подбородку и двинулся вслед за агентом. Эллисон осталась в ванной вдвоем со Спенсером. Он все время ходил вслед за Дэвисом и Эллисон по комнатам, однако от каких-либо комментариев воздерживался.

– Вам не нравится это. Правда же?

Она резко повернулась к нему, рассерженная и напуганная тем, что он раскусил ее.

– Мне нравится. Вы ведь слышали, что я сказала Дэвису.

– Да. – Он подошел поближе к ней. – Вы это сказали Дэвису, но вы врете.

– Нет!

– Я сразу понял, этот дом не для вас. Вам нравится что-то более теплое и уютное, окна со ставнями... Винтовая лестница с колоннами... Нестандартные комнаты. Полы, которые потрескивают под ногами.

– Это похоже на дом с привидениями. Он сделал еще шаг и оказался совсем рядом с ней – Эллисон пришлось поднять голову, чтобы заглянуть ему в лицо.

– Я видел вас во сне, а когда проснулся, долго не мог за-

снуть. А вы?

– Спала сном младенца. Он поднял руку и провел указательным пальцем по темным кругам под ее глазами.

– Вы не спали. Лежали в кровати и думали о нашем поцелуе. Как и я. Да и утром вы не могли об этом забыть. И весь день. Разве не так?

– Нет, – прошептала она и сама уловила отчаяние в своем голосе.

– Вы размышляли о том, как неожиданно возникло между нами влечение.

– Нет. Я думала о...

– И о том, как сливались в поцелуе наши губы.

– Перестаньте!

– И о том, как вашей груди уютно в моей руке. И как мы подходим друг другу.

– Перестаньте! Если Дэвис услышит...

– Зачем вы это делаете, Энн?

– Что я делаю?

– Притворяетесь, что любите Дэвиса.

– Я не притворяюсь. Я действительно его люблю.

– Возможно. Но недостаточно для того, чтобы выйти за него замуж.

– Я хочу выйти за него.

– Из чувства долга? Зачем? Вы ощущаете вину из-за того, что он влюблен в вас больше, чем вы в него? Зачем вы обрекаете себя на несчастливое замужество? Этим вы и Дэвису

не оказывает услуги. Рано или поздно он все поймет.

– Я не желаю больше вас слушать! – Она сделала попытку отойти от него, но он крепко схватил ее за руку.

– Я знаю, что вы думаете обо мне, ведь Дэвис представил вам мою жизнь в слишком привлекательном виде. Он изобразил меня богатым повесой, который бороздит на своей яхте океаны, каждую ночь спит с разными женщинами!

– А разве не так? Он усмехнулся:

– Видите ли, я привык все делать основательно.

– Как это понимать?

– Признаюсь, что когда я только купил яхту и начал на ней путешествовать, то получал от этого удовольствие. Побывать в разных странах, познакомиться с различной культурой, различными женщинами...

– Избавьте меня от скабрёзных подробностей.

– Позвольте мне закончить. Я устал жить только для себя.

Вы перевернули мою жизнь. До вчерашнего вечера, когда вы оказались в моих объятиях, я не знал, что такое настоящая любовь.

– Не говорите...

– Выслушайте меня, – приказал он, слегка встряхнув ее. – Я знаю, что вы были потрясены так же, как и я. Для меня острый нож, что вы принадлежите Дэвису. Он мой лучший друг. Мы словно братья. Но будь я проклят, если допущу, чтобы трое людей оказались несчастны!

Перед глазами Эллисон возник образ Энн. Казалось, сест-

ра обвиняла ее. Неужели она и дальше будет слушать эти искусительные речи? Неужто способна разрушить счастье Энн? Эллисон сделала попытку вырваться из этой романтической паутины, в которой запуталась.

– Я не несчастна! Я люблю Дэвиса.

– Вы пытаетесь полюбить его, – мягко, почти сочувственно проговорил Спенсер, словно понимая, какую жертву она приносит. – Вы целуете его и дотрагиваетесь до него. Но я чувствую вашу скованность. – Он схватил ее за плечи и притянул к себе. – У вас не было подобной скованности, когда вчера вы прильнули ко мне. Разве не так? И вы знаете не хуже моего, что это был не просто поцелуй. Это был акт любви.

Спенсер наклонился к ней. Губы шептали нежные слова. Язык погрузился в глубину ее рта, пробуждая в ней желание. Она прильнула к Спенсеру и обвила его руками.

Эллисон никогда не думала, что жаждет такой любви. В ее жизни для этого не оставалось места. Любовь казалась чем-то выдуманном и несуществующим.

Разве не знала она лучше многих других, что секс – явление механическое? Он имеет биологическую и физическую природу и никак не связан с эмоциями. Две особи одного и того же вида способны спариться. И для этого не нужно ничего иного, кроме нормально функционирующих репродуктивных органов.

И вот сейчас она больше не прагматик-ученый, а женщина в объятиях мужчины. Адреналин разносится по венам, а

сердце как колокол стучит в груди. Тело поет и хочет близости. Ее органы чувств способны воспринять все импульсы, исходящие из его тела.

Это давало ей головокружительное ощущение власти – осознавать, что возбуждена не только она. Губы его были жадными, язык – хищным, тело – напряженным от желания.

Он хочет ее.

Но Спенсер целовал не ее. Он целовал Энн. Если бы сейчас Энн в его объятиях подобно Золушке превратилась в Эллисон, его желание немедленно пропало бы. Он целовал красноголовую девушку, которая имеет дерзость носить оранжевые брюки и открытые сандалии, кокетливо украшенные бисером, которая может выпивать два коктейля, при этом не пьянея, которая любит такие изыски в еде, как *rate de foie gras*, и дворики с однообразно подстриженными газонами.

Да и кто не потеряет голову и не позволит лучшему другу жениха ухаживать за собой и целовать?

Эллисон оттолкнула Спенсера. Грудь ее тяжело и часто вздымалась, губы были красными и влажными после поцелуя, в глазах блестели слезы.

– Это не может больше так продолжаться, Спенсер.

– Я знаю. – Спенсер отошел от нее на шаг и бросил взгляд через плечо – он услышал, что Дэвис и агент возвращаются из гаража. – Пока у вас имеется это, – он показал на кольцо с бриллиантом на левой руке, – я не дотронусь до вас. Это

идет вразрез с моими принципами, ибо я не предаю друзей. Я должен рассказать Дэвису о своих чувствах. И я это сделаю.

Она вдруг ухватила за налитые бицепсы Спенсера.

– Вы не сделаете этого! Вы ничего ему не скажете! Поняли? – отчаянно зашептала Эллисон, слыша приближение Дэвиса. – Я собираюсь выйти за Дэвиса Лундстрема, и это мое окончательное решение.

Она увидела решимость на лице Спенсера и поняла, что ее слова его не убедили. Будущее Энн висело на волоске, и она была в этом виновата. Несмотря на унижение, которое ей предстоит испытать, Эллисон ничего не оставалось, как сказать правду.

– Послушайте, Спенсер. Я должна сказать вам нечто важное. Я не...

– Послушайте, вы должны посмотреть этот гараж, – произнес, входя в ванную, Дэвис. – Туда можно ставить две машины, душа моя, и еще останется место.

Шанс был упущен. Мистификация должна продолжаться. Эллисон бросилась в объятия Дэвиса:

– Я полюбила этот дом, дорогой! Но еще больше я люблю тебя.

Добравшись до квартиры Энн, она тут же кинулась к телефону. Дэвис и Спенсер собирались поиграть в теннис, а затем пообедать с друзьями.

– Надеюсь, ты не станешь возражать, если я покину тебя

в этот вечер.

– Конечно, нет, дорогой. – Если бы он только знал, как она обрадовалась. Тем не менее Эллисон сочла нужным надуть губы, как это делала Энн. Положив ладонь ему на грудь, она добавила:

– При условии, что такое будет случаться не очень часто.

Он поцеловал ее. Этот поцелуй подействовал на нее не более чем дружеское рукопожатие. Прощание показалось вечностью. Эллисон не могла дождаться, когда за Дэвисом закроется дверь.

После второго звонка Энн взяла трубку. Из-за анестезии голос ее казался каким-то ватным.

– Энни, я должна поговорить с тобой и хочу, чтобы ты выслушала меня.

– Слушаю, Эллисон. Внезапно Эллисон стало совестно, что она даже не спросила сестру о здоровье.

– Как ты себя чувствуешь?

– Испытываю некоторый дискомфорт из-за бинтов. И еще подташнивает после анестезии.

– Прости, но я...

– Как твои дела? Как на работе?

– На работе? – Меньше всего Эллисон хотела говорить о работе сейчас, когда ей казалось, что на нее гора обрушилась. – На работе все в порядке, Энни...

– Что ты делала сегодня? Эллисон вздохнула и потеряла висок, в который молотком стучал некий демон.

– Я сейчас изучаю влияние наследственности на умственное развитие.

Энн как-то неестественно засмеялась:

– Тебе нужно родить ребенка... Представляешь, какой из него получится гений! Теперь демон стал стучать в оба виска.

– Да, так и доктор Хайден говорит. Проблема в том, чтобы найти высокоинтеллектуального отца. Послушай, Энн, я звоню тебе вовсе не для того, чтобы рассказывать о своей работе. У нас есть проблема посерьезнее. Дэвис возил меня сегодня смотреть дом. Ему он нравится, думаю, тебе тоже понравится. Но я не могу за тебя решать.

– Успокойся, Эллисон. Я съезжу посмотреть дом сразу же, как выйду из клиники.

– Ты не понимаешь, насколько это срочно. Агент по продаже имущества настаивал на том, чтобы Дэвис немедленно подписал контракт. Я попросила отсрочки, сказала, что хочу подумать. В Дэвиса я вселила надежду, что недвижимость упадет в цене, однако... Энни, ты слышишь меня? Ты не заснула?

– Слышу, – сонным голосом проговорила Энн. – Как дом выглядит? Эллисон описала его.

– Мне кажется, это то, что ты хочешь.

– Я доверяю твоему мнению. Иди и соглашайся на подписание контракта.

– Нет! Ни за что! Если тебе он не понравится, ты потом

будешь винить меня.

– Ну тогда ладно, – устало проговорила Энн. – Потяни канитель.

– Я не могу! – воскликнула Эллисон.

Потянуть канитель можно с Дэвисом. Со Спенсером это не пройдет. За те недолгие часы, что она провела с ним, четко выявилась одна из черт его характера: если он задался какой-то целью, никакая сила его не остановит. Он сотворит нечто ужасное, прежде чем узнает правду.

– Я приведу Дэвиса в больницу завтра утром, – сказала Эллисон.

Дэвис и Энн помирятся. Спенсер убедится, насколько они без ума друг от друга. Он либо оставит их в покое, либо начнет борьбу за Энн. В любом случае Эллисон выйдет из игры.

– Нет-нет, прошу тебя, не надо! – с неожиданной энергией запротестовала Энн. – Ведь ты обещала, Эллисон!

– Я скоро с ума сойду от того, что притворяюсь тобой. Поставь себя на мое место. Ты смогла бы хоть короткое время изображать меня?

Продолжительное молчание Энн говорило само за себя.

– Нет, не смогла бы... Но я не желаю, чтобы Дэвис преждевременно узнал об операции. Еще бы денек или два!.. Прощу тебя...

Эллисон скрипнула зубами и решила пойти другим путем. Перейдя на шепот, она сказала:

– Энни, ты ведь знаешь, какой нежный Дэвис. Он беспре-

станно целует меня... Целует так, как целует тебя. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

– Понимаю, куда ты гнешь, но это не сработает. Я не ревную к тебе, Эллисон. Я знаю твое мнение о мужчинах. Тем более ты относишься к Дэвису как к зятю. Не притворяйся, что тебя до бесстыдства возбуждают его поцелуи. Чтобы тебя раскочегарить, нужно нечто большее.

«Не желаешь ли побиться об заклад?» Если бы Энн видела ее в объятиях Спенсера, она не признала бы в своей сестре старой девы с неразогретым мотором. Тут не потребовался даже поцелуй. Всего один его взгляд – и она рванулась словно ракета.

– Надеюсь, ты не обиделась? – спросила Энн.

– Нет.

– Я считаю тебя вполне привлекательной. Но ты ведь не станешь шантажировать меня тем, что расскажешь Дэвису об операции. – Она тихонько засмеялась. – Целуй его сколько хочешь. Практика пойдет тебе на пользу.

Игнорируя последнюю фразу, Эллисон, отступая, вздохнула. Она пыталась. Пыталась рассказать правду Спенсеру, но ее перебили. Пыталась убедить Энн, но не смогла.

– Ладно, Энн. Еще денек я буду продолжать игру, но не исключены неожиданные последствия. Надеюсь, ты будешь готова к ним.

– Не будет никаких последствий... Когда Дэвис узнает, мы все посмеемся и он будет рад тому, что я сделала.

Да, но как быть со Спенсером? Ей не хотелось произносить его имя. Будет лучше, если Энн никогда не узнает о ее чувствах к лучшему другу Дэвиса.

– Спокойной ночи! Отдыхай и выздоравливай. Я постараюсь навестить тебя завтра во время ленча.

– Спокойной ночи, Эллисон. И спасибо. Я знаю, что тебе это дается нелегко. Ну, об этом можно сказать и сильнее.

Эллисон склонилась над слайдом. Глаза у нее устали после очередной бессонной ночи, контактные линзы вызывали раздражение. В конце концов она вынула их и надела очки. Волосы стянуты в узел на затылке. Под халатом на ней было оливкового цвета платье. Туфли внешне страшноваты, зато ногам в них очень удобно. Никаких драгоценностей в лабораторию она не надевала, за ухом у нее торчал карандаш.

Этот ансамбль разительно отличался от оранжевых брюк и вульгарно броских сандалий.

– Мисс Лемон? Эллисон Лемон? Она подняла голову и резко обернулась на пронзительно знакомый голос. А затем оцепенела.

– Да? – хрипло произнесла она.

– Меня зовут Спенсер Рафт.

Глава 4

Эллисон невольно сделала шаг назад. Ее спина уперлась в мраморную плиту стола и словно прилипла к ней. Она была не в силах ни пошевелиться, ни что-либо произнести.

Дружелюбно улыбаясь, он двинулся в глубь комнаты. Остановившись в нескольких футах, с ног до головы окинул ее взглядом.

– Невероятно! – шепотом произнес Спенсер. – Вы абсолютно одинаковы! – Слегка тряхнув головой, он еще шире улыбнулся и добавил:

– Простите, что так невежливо разглядывал вас. Как я уже сказал, меня зовут Спенсер Рафт.

Должно быть, он ожидал, что Эллисон протянет ему для пожатия руку, однако она не могла пошевелиться. Тем более дотрагиваться до него ладонью, на которой еще были заметны следы незаживших царапин. Да и после поцелуев разве не выглядело бы их рукопожатие несколько смешным.

– Эллисон Лемон. – произнесла она, при этом голос у нее стал, как у подростка.

– Я недавно познакомился с вашей сестрой. Сходство потрясающее. Если бы не очки, вас бы не отличить.

Сколько же она будет тут стоять, словно статуя? Нужно что-то сказать.

– Энн говорила мне о вас. Вы друг Дэвиса, если не оши-

баюсь?

– Да. – Некоторое время Спенсер изучал ее лицо, затем окинул взглядом лабораторию. Чувствуя себя вполне непри-
нужденно, он стал перемещаться от клетки к клетке, в кото-
рых обитали крысы и мыши, семейство обезьянок и несколь-
ко поколений кроликов... – Энн говорила о вашей работе.
Это очень интересно.

Был ли он всего лишь снисходительно вежлив или в самом деле так думал?

– Да, вы правы.

Он резко обернулся, уловив в ее голосе натянутость, гра-
ничающую с враждебностью.

– Может быть, я помешал вам, столь неожиданно ворвав-
шись?

– Нет. – Устыдившись собственной грубости, она заста-
вила себя оторваться от стола. – Пока что я выполняю под-
готовительную работу для опыта, который собираюсь скоро
проводить.

Эллисон облизала губы и сделала попытку расслабиться.
Но это было совсем непросто. Меньше всего она предпола-
гала, что Спенсер появится в лаборатории. И сейчас испытыва-
ла самые противоречивые чувства. С одной стороны, она бо-
ялась, что он обнаружит обман. С другой – была слегка разо-
чарована тем, что он не подошел к ней поближе, не всмотрелся в нее повнимательнее и не узнал ее.

В мелодраматическом сценарии, который Эллисон проиг-

рывала в своем уме, Спенсер должен был броситься к ней со словами: «Дорогая и любимая, неужели ты думаешь, что я не узнаю тебя?» Затем выдернуть шпильки из ее волос, чтобы они водопадом упали ей на плечи. Он обнимет ее и поцелует. Его нетерпеливые руки расстегнут пуговицы платья, и он прикоснется губами к груди, бормоча о любви и страсти.

«Господи, какая я дурочка», – подумала Эллисон. Да разве она когда-нибудь позволит, чтобы мужчина так обращался с ней. – В чем смысл вашего следующего эксперимента? – спросил Спенсер.

Эллисон поправила на переносице очки.

– Я хочу определить, как влияет диета на умственное развитие.

– А она может влиять?

– Опыты это подтверждают. Я хочу определить, в какой степени.

– Понятно. Продолжайте.

Пожалуй, из него получился бы хороший актер. Можно было подумать, что он и в самом деле заинтересован проблемой.

Она подошла к клеткам, возле которых стоял Спенсер, в двух словах объяснила суть предстоящего опыта и взглянула на него: не потерял ли он интерес к проблеме? Нет, не потерял. Его глаза внимательно смотрели на нее.

– А что потом? – спросил Спенсер.

– Потом я проведу аналогичный эксперимент с примата-

ми.

Она сунула палец в клетку к обезьянам. Самая маленькая из обезьянок с радостью ухватилась за него.

– Это Оскар. Ужасно испорченный парень! – Сунув руку в карман, она достала земляной орех и дала малышу. Тот жадно набросился на него.

Спенсер засмеялся, и Эллисон почувствовала, что все внутри оборвалось и проваливается в некую бездну.

– У вас очень интересное дело, – проговорил он.

– Временами. Большею частью это рутинная, кропотливая работа, которая требует выдержки и терпения. Природа проявляет себя не так-то скоро.

Оскар расправился с орехом и теперь тянул за палец Спенсера.

– Лабораторные животные дорого стоят.

– Да. Но поскольку мы не занимаемся изучением болезней, продолжительность жизни у наших подопечных побольше. Мы разводим их для проведения опытов. Так что используем с двойной целью.

– Вы еще и сваха.

Сказано это было шутливым тоном, и она решилась снова взглянуть на собеседника. Создав Спенсера, Господь разбил форму. Повторить этот образец невозможно.

– Обычно спаривание производится в клинике.

– Искусственное осеменение?

– Да.

Спенсер бросил взгляд на родителей Оскара и сочувственно улыбнулся самцу.

– Это не очень-то справедливо. Когда он обратил взгляд на Эллисон, в глазах его сверкнули озорные искорки. Она с трудом сглотнула, отвела глаза и спросила:

– Не хотите ли кофе, мистер Рафт? И, не дожидаясь ответа, направилась в дальний конец комнаты, где на столике можно было заметить кофеварку, набор чашек, сахар и сливки.

– Да, благодарю вас. Черного, – сказал он, устремляясь за ней. – И пожалуйста, зовите меня Спенсер. – Он уселся на высокий стул и уперся каблуком в перекладину. Серые брюки плотно обтянули бедра.

Эллисон снова проглотила комок в горле. Руки ее тряслись до такой степени, что она едва не пролила кофе. Чтобы как-то скрыть волнение, она сказала:

– Я всегда рада показать людям лабораторию, но, полагаю, вы не за этим пришли сюда с визитом.

Она передала ему чашку с кофе, и взгляды их встретились, – Вы правы, Эллисон. Я пришел для того, чтобы поговорить об Энн.

Беря свою чашку, она прислонилась ко второму высокому столику.

– Об Энн? Что вас интересует?

– Я хочу затащить ее в постель. Эллисон поперхнулась, залив свой халат и его сто долларовую рубашку горячим кофе.

Она кашляла целую вечность, слезы ручьем текли из глаз, и ей никак не удавалось глотнуть воздуха.

Положив одну руку Эллисон на плечо, второй рукой Спенсер похлопал ее по спине.

– Ну как, получше? – спросил он, когда она перестала кашлять.

– Да, получше, – прохрипела Эллисон.

– Дать воды?

– Да, пожалуйста.

Он взял пустую чашку, наполнил ее из крана и подал Эллисон. Она вначале сделала один неуверенный глоток, затем выпила всю воду и скосила глаза на испачканный край халата. Спенсер подал ей носовой платок – уже второй за последние сорок восемь часов. Правда, он не знал об этом.

– Благодарю вас, – сказала Эллисон, возвращая платок. – Простите, что испачкала вам рубашку.

Он бросил взгляд на пятна, которые уже подсыхали:

– Это отстирается. С вами все в порядке?

– Да... Только... То, что вы сказали... вы...

– Я должен извиниться. Мне не следовало быть столь прямолинейным. Я полагал, что поскольку вы близнецы, то должны быть откровенны друг с другом.

– О да, мы очень близки... Просто я не ожидала, что вы вот так появитесь и скажете... то, что сказали.

Спенсер обворожительно улыбнулся.

– Боюсь, откровенность – один из моих недостатков. Я не

трачу времени на то, чтобы ходить вокруг да около.

– Да, я знаю, – пробормотала она.

– Простите? – наклонившись к ней, спросил он.

Эллисон спохватилась:

– Да нет, ничего. Просто я хочу сказать, что вас ждет разочарование. Энн собирается выйти за Дэвиса через несколько недель. Она от него без ума.

– В самом деле?

– Да.

– Это непреложный факт? Эллисон знала, что это так. Энн любила Дэвиса.

– Да. Она только о нем и говорит. – Эллисон изобразила доверительную улыбку, но поняла, насколько она вышла неубедительной.

Спенсер легко соскочил со стула и зашагал по комнате. Стоя спиной к ней, он сунул руки в карманы брюк, которые натянулись, обозначив зад и крепкие бедра. Что с ней случилось? Уж не дьявольские ли это проделки? Она не помнит, чтобы раньше с таким интересом смотрела на ягодичы мужчины. Что с ней происходит? Ведь сейчас даже не его лицо, а его брюки, его спина приводят ее в трепет.

– Я с вами не согласен, Эллисон, – резко поворачиваясь, сказал Спенсер. Его глаза впились ей в лицо. – Энн не столь сильно любит Дэвиса, как заявляет об этом.

– Поч... почему?

– Потому что я поцеловал ее. Я считаю, что, если женщина

собирается выйти замуж за любимого мужчину, она не будет целоваться с другим.

– Ах, вы целовали ее, – тихо сказала Эллисон.

– Пожалуйста, поймите меня. Я не отношусь к тем, кто целуется, а потом болтает об этом. Я никому не рассказываю о своей интимной жизни. Сейчас – исключительный случай. – Он провел ладонью по волосам.

Эллисон сняла очки, чувствуя, что начинает задыхаться. Но тут же надела их, потому что у нее все поплыло перед глазами.

– Исключительный? Как это понимать?

Он поднял бирюзовые глаза на Эллисон, и ей показалось, что сейчас у нее подогнутся колени.

– Попытаюсь объяснить. Я хочу ее так, как не хотел ни одну женщину. Это не просто похоть. Ее я мог бы удовлетворить с любой другой женщиной. Это, черт побери... ну, не знаю, что это. Я похож сейчас на идиота, который несет вздор. Но вы ведь знаете, какое пленительное создание ваша сестра!

Пленительное создание? Ее сестра? В конце концов понимает ли он, кто она? Или просто смеется над ней?

– Энн рассказывала мне о вашей встрече. Она считает, что опозорилась перед вами.

Спенсер тихонько засмеялся и снова сел на стул. Он слегка расслабился и, подавшись вперед, вытянул длинные ноги.

– Да, начало было довольно обескураживающее.

Эллисон взяла бумажную салфетку и стала промокать следы кофе на халате. Это должно было придать ей беззаботный, непринужденный вид.

– Если она вела себя столь неуклюже, то как вас, городско-го, привлекательного и умудренного опытом человека, повидавшего женщин по всему миру, могла привлечь женщина, подобная мне... хочу сказать, подобная Энн?

Он поднял бровь и посмотрел на нее сквозь частокол черных ресниц. Уголок рта его растянулся в ленивой улыбке.

– Кто вам сказал, что я городской, привлекательный и умудренный опытом? Энн? Она говорила вам обо мне?

– Кое-что, – уклончиво сказала Эллисон, бросая на стол салфетку, которая превратилась в бесформенный влажный комок бумаги в ее потной руке.

– А не очень неприлично будет спросить вас о том, что именно она говорила? – запустил он пробный шар.

– Я не могу распространяться о том, что сестра по секрету рассказала мне. Он откинул назад голову и вздохнул.

– Да, конечно, все правильно... Но, отвечая на ваш вопрос, скажу: Энн привлекла меня прежде всего своей красотой. – Он мягко улыбнулся. – Она так героически вела себя после того досадного падения, которое расстроило бы до слез многих дам. Я никогда не видел женщину с таким решительным характером. Ради Дэвиса она готова на все. Я понял, что для нее очень важно порадовать Дэвиса и произвести хорошее впечатление на меня. Она взяла себя в руки и

была просто неотразима в тот вечер. Мне захотелось лучше узнать женщину с такой силой воли.

Эллисон порадовалась бы комплиентам в свой адрес, но не могла себе этого позволить. Он был сражен внешностью Энн, а не Эллисон. Она ухватилась за одно утверждение Спенсера, чтобы попытаться убедить его в преданности сестры Дэвису.

– Вы сказали, что Энн ради Дэвиса готова была на все в тот вечер. Разве это не означает, что она любит его?

Спенсер встал и снова сунул руки в карманы брюк. Проклятие! Лучше бы он этого не делал!

– Она притворяется, что любит его. Я думаю, Энн относится к нему как к другу.

– Она любит его, – заявила Эллисон. Он сурово взглянул на нее:

– Тогда почему отстраняется, когда Дэвис обнимает ее?

– Она не отстраняется.

– Нет, отстраняется! Последите за ними в следующий раз. Все происходит бессознательно. Ее тело не льнет к его телу, как бывает у любовников. Разве это нормально? Нет, конечно... Я думаю, она руководствуется чувством долга. Дэвис заказал ей обед, но он ей не понравился. Она только делала вид, что в восторге... Ради него. Притворялась, что ей нравится дом, который Дэвис облюбовал, но на самом деле дом ей тоже не понравился.

Эллисон вскочила.

– Энн понравился дом! Она мне сказала об этом.

– В таком случае она лжет и вам, и себе. Если бы вы были там, вы бы меня поняли.

Эллисон сжала ладони и закусила нижнюю губу. Сейчас у нее была возможность убедить Спенсера, что Энн безумно любит жениха, однако ничего не получилось. Потому что он общался не с Энн, а с ней. И все его наблюдения были исключительно точными.

– Энн позволяет ему заказывать еду, чтобы Дэвис вырос в собственных глазах, почувствовал, насколько она уважает его.

Спенсер удивленно уставился на нее:

– Чтобы он вырос в собственных глазах? Вы исповедуете эту вышедшую из моды теорию о роли полов? Когда мужчина командует, а женщина подчиняется и никогда не принимает решение самостоятельно?

Эллисон нервно передернула плечами:

– Ну, что-то вроде того.

Он хлопнул ладонью себя по лбу.

– Никогда не поверю в это! Энн гораздо умнее. Вы хотите сказать, что она готова обречь себя на жизнь в таком доме, лишь бы не ущемить его чувства, его самолюбие?

– Это их дело, а не мое и не ваше.

– Это и мое дело тоже! – почти выкрикнул Спенсер. – Это же сплошное лицемерие. Неужели вы верите в эту чепуху?

Их взгляды встретились. Его глаза требовали ответа, и она

сказала правду – не от имени Энн, а от имени Эллисон.

– Нет, не верю.

– Думаю, Энн тоже не верит. Просто она попала в колею, из которой не знает, как выбраться.

– А может, ей нравятся такие отношения. Вы не думали об этом?

– Возможно, нравились, но только до последнего времени.

– Пока она не встретила вас? – с вызовом спросила Эллисон.

– Ну что ж, скажем «да». Пусть это покажется самодовольством с моей стороны, однако скорее всего ей стал претить мужской шовинизм.

– А разве не мужской шовинизм, когда вы заявляете, что хотите затащить ее в постель? – сердито возразила Эллисон.

Спенсер засмеялся.

– Признаю себя виновным. Но, – он вытянул руку, – она хочет заняться любовью со мной не меньше, чем я.

Раздражение Эллисон сменилось замешательством. Ей вдруг стало жарко.

– Почему вы так считаете?

– Я чувствовал это всякий раз, когда обнимал ее. Не мне объяснять вам, биологу, физические признаки возбуждения. Я, мужчина, распознаю их в женщине.

Она прокашлялась, ибо в горле у нее появилась какая-то пробка.

– Вам не надо этого объяснять. – Она взяла чашку с кофе

и, не поднимая глаз, спросила:

– Если вдруг Энн разорвет помолвку с Дэвисом и... придет к вам... что вы станете делать?

– Что стану делать?

Это было очень трудно, тем не менее Эллисон подняла глаза и встретила с его взглядом. Но тут же отвернулась, чтобы он не догадался, что любопытство ее было отнюдь не праздным.

– После... после...

– После того, как мы станем любовниками? – уточнил Спенсер. Эллисон снова посмотрела на него. Он опять дразнил ее. Однако, насладившись ее румянцем, напомнившим ему об Энн, Спенсер посерьезнел и озабоченно сдвинул брови. – Честно говоря, не знаю сам, Эллисон... Я никогда не раздаю женщинам обещаний, которые не собираюсь выполнять, но полагаю, это вовсе не преходящая фантазия... Ваша сестра заинтриговала меня. Думаю, понадобится немало времени, прежде чем я узнаю о ней все, что мне хочется узнать. – Он вздохнул. – Я постарался высказаться предельно честно.

– Ценю вашу искренность, – глухо произнесла Эллисон, разглядывая носки своих туфель. – Как сестра Энн, – поспешила она добавить. Эллисон почти забыла о том, что разговор идет об Энн, а не о ней. Возвращаясь к сказанному ранее, она добавила:

– Если вы испытываете сильные чувства к Энн, то не

должны требовать от нее, чтобы она пожертвовала замужеством и домом ради романа, который неизвестно чем завершится.

– Я никогда не причиню ей боли.

– Причините! Если Энн покинет ради вас Дэвиса, позже она будет жестоко страдать.

– Вы так думаете?

– Да! Когда вы уплывете на своей яхте и оставите ее одну.

– Но она не свяжет свою судьбу с нелюбимым.

– Энн любит Дэвиса. Вы сами это сказали. – Она сделала паузу, чтобы набрать побольше воздуха. – Могу я высказаться? – Спенсер кивком выразил согласие. – Вы отличаетесь от всех тех мужчин, которых знала Энн. Возможно, вы потрясли ее и ослепили. – Эллисон быстро облизнула губы. – Но я клянусь, что она никогда не пожертвует Дэвисом ради какого-то романа с вами.

Спенсер дотронулся до ее пальцев.

– Вы очень умная молодая женщина, Эллисон.

Умная. Ну конечно. Она и одежду, и туфли, и прическу носит такие, как подсказывает ей разум. У нее хватает ума вести разговор на любую тему. Но не хватает женских чар столь похожей на нее сестры. И поэтому она всего лишь умная.

Однако можно ли говорить о здравомыслии, если от его прикосновений по телу пробегают токи; если глаза готовы утонуть в бездонной голубизне его глаз, если по зову этого

хрипловатого властного голоса она способна отправиться на край света.

Однако Спенсер видел в ней умную Эллисон. Он не заметил женщину, которая пробудила в нем страсть. Она вдруг с удивлением отметила, насколько это ранит ее.

– Скажите откровенно, – продолжал Спенсер. – После всего, что я вам рассказал, считаете ли вы, что я испытываю к Энн тривиальное влечение? Думаете, я способен пожертвовать дружбой с Дэвисом ради мимолетного романа? Должно быть, вы уже сформировали мнение обо мне. Признаюсь, я знал женщин, но все же создан вовсе не для того, чтобы разрушить красивую любовь двух людей ради эгоистических целей, а после этого безмятежно удалиться восвояси.

Пальцами он касался тыльной стороны ее ладоней, и Эллисон злилась на себя, что она так реагирует на эти прикосновения.

– Вы искренне считаете, что Энн по уши влюблена в Дэвиса? – вполголоса спросил он.

– Да, – твердо ответила Эллисон. – Я это точно знаю.

Он вздохнул, отпустил ее руки и отступил на шаг. Довольно долго смотрел в окно на газон.

– Простите меня, Эллисон. Я знаю, что для Энн вы самый близкий человек на свете. И все же не могу согласиться с вами.

Наверное, вам надо побыть в шкуре мужчины, поддержать ее в объятиях... Только тогда вы сможете понять то, о чем я

говоря. Я, безусловно, доверяю своему чутью. Оно никогда меня не подводило. – Спенсер улыбнулся ей. – До свидания! Уверен, мы еще увидимся. И я предпочел бы, чтобы вы не рассказывали о моем визите своей сестре.

Он пошел к двери, но она бросилась за ним:

– Что вы собираетесь делать? Спенсер остановился:

– Не знаю. Но мне не по душе всякие уловки. Я предпочитаю играть в открытую, касается ли это деловых или личных отношений. – Увидев испуг на ее лице, он ободряюще улыбнулся. – Не беспокойтесь, Эллисон. Все разрешится наилучшим образом.

Спенсер ушел. А она осталась стоять, нервно потирая руки и покусывая нижнюю губу.

Спенсер покинул фирму Митчелл-Бернса в подавленном настроении. Подобное ему было не свойственно, и он не знал, как с этим бороться.

Он сел в машину, опустил стекло и, откинувшись назад, задумался.

Что дальше? Он отыскал сестру Энн, надеясь, что та что-то прояснит, подарит ему хоть какую-то надежду. Вместо этого Эллисон убежденно заявляет, будто Энн любит Дэвиса.

Он был разочарован. Он был зол. Он был в отчаянии.

Больше всего его раздражала эта самоуверенность. С женщинами у него никогда не было проблем. Если дама ему нра-

вилась, он брал ее. Если возникали какие-то сложности, то он отступал без всяких сожалений. Невелика потеря.

Сейчас все обстояло иначе. Нужно заполучить Энн во что бы то ни стало, иначе он будет ощущать эту потерю очень долго.

Несмотря на заверения Эллисон, интуитивно Спенсер чувствовал, что Энн тоже стремится к нему.

Эта борьба между желанием и чувством вины сводила его с ума. Если Энн любит Дэвиса, надо оставить ее в покое. В конце концов, Дэвис встретил и полюбил ее раньше. С другой стороны, если Энн тянет к нему, как и его к ней, они уже обманывают Дэвиса. Спенсер всегда был сторонником честной игры. Почему нельзя откровенно поговорить, ведь они взрослые люди?

Он готов принять как должное любой приговор.

Выбравшись из машины, он направился к телефонной будке. Отыскал нужный телефон в справочной книге и набрал номер.

– Мистера Лундстрема, пожалуйста... Это Спенсер Рафт... Да, я подожду. – В ожидании он постукивал пальцем по металлической полочке под телефоном и думал о том, какие на вкус губы у Энн.

– Привет, Дэвис. Не желаешь встретиться и выпить после обеда? Да, я знаю, что ты намерен увидеться с Энн, но я хотел бы вначале поговорить с тобой... Как освободишься... Я не отниму у тебя много времени, но это очень важно. В

пять? Дай мне адрес. Отлично. До встречи.

Он повесил трубку и некоторое время стоял в задумчивости. Затем, опустив голову, направился к машине.

Эллисон пришла на квартиру сестры и облачилась в наряд Энн. Позвонил Дэвис и сообщил, что обед у них состоится попозже. Она собиралась навестить в клинике Энн, но когда позвонила, сестра попросила ее не беспокоиться.

– У меня все в порядке. Честное слово, отлично. Доктор смотрел и сказал, что бинты снимут завтра. Ты бы только посмотрела на меня, Эллисон! Сиськи теперь роскошные!

– Поздравляю, – механически сказала Эллисон. – Значит, завтра я могу снова стать собой?

– Да. Завтра к вечеру я выйду из клиники.

Эллисон вздохнула с облегчением:

– Хорошо. Ты уверена, что тебе ничего сегодня не понадобится?

– Уверена. Поцелуй за меня Дэвиса.

– Очень смешно.

Она повесила трубку, понимая, что последующие двадцать четыре часа чреваты многими неожиданностями. Тяжелые предчувствия так и не покинули ее.

В девять часов Дэвис не объявился. Эллисон вышагивала по комнате между окном и диваном. Наконец она увидела, как к дому подъехала его машина. Эллисон открыла входную дверь – и обомлела, увидев, как Дэвис заплетающимся шагом пересек тротуар, что-то при этом невнятно бормоча.

Когда Дэвис заметил ее на крыльце, лицо его сморщилось, он бросился и припал к ней с такой силой, что она едва удержалась на ногах. Обвил ее руками и положил качающуюся голову на грудь.

– Энни... Энни! – зарыдал он. – Как ты могла? Как ты могла отдать свою любовь этому дамскому угоднику Спенсеру?

Глава 5

– О Боже! – простонала Эллисон. На виду у нескольких любопытных соседей она пыталась удержать жениха сестры, который рыдал, словно ребенок. Неделю назад она ни за что не поверила бы, что такое возможно.

Поскольку в ее планы отнюдь не входило подвергать риску репутацию Энн, она поспешила втащить Дэвиса в дом и вместе с ним рухнула на диван.

– Дэвис! Дэвис! – обратилась к нему Эллисон, пытаясь его растормошить. – Да она...

Спохватившись, Эллисон прикусила язык. Она уже и так нанесла непоправимый урон отношениям Энн с Дэвисом. Еще один день – и с обманом будет покончено. А пока нужно что-то делать.

– Дэвис, послушай меня! – твердо произнесла она, пытаюсь приподнять его голову со своей груди.

Но эффект оказался обратным – Дэвис еще сильнее прижался к ней.

– Энни, я люблю тебя, – заплетающимся языком пробормотал он. – Как ты могла обойтись так со мной? С нашей любовью? Я думал, ты меня любишь.

– Я и люблю. – На сей раз ее попытка удалась. Отведя назад прилипшие ко лбу волосы, она прошептала:

– Я люблю тебя всей душой, дорогой. – Нежно поцеловав

его в губы, Эллисон потерлась носом о его влажную щеку. – Расскажи мне, что с тобой произошло.

Дэвис забарахтался среди диванных подушек, пытаюсь сесть. Кулаками вытер слезы. Все это тронуло Эллисон: он в самом деле любил Энн.

– Ты говоришь, что любишь меня? И все еще хочешь выйти за меня замуж?

– Конечно!

Дэвис облизал губы и недоуменно замигал глазами.

– Но он сказал...

– Кто сказал?

– Спенсер.

Эллисон гневно сжала губы. Ну и нахальство у этого человека!

– Что он тебе сказал?

– Мы встретились, выпили... Кажется, я в стельку пьян, – сокрушенно признался он.

Она провела ладонью по его волосам.

– На сей раз я тебя прощаю. Продолжай. Что тебе сказал Спенсер? У Дэвиса снова задрожали губы.

– Что вы оба... ну, ты знаешь... почувствовали влечение друг к другу... прямо с первой минуты... Я могу в это поверить... То есть Спенсер – интересный парень. В школе девочки увивались вокруг него.

– Ничего особенного между нами не произошло. Я просто была любезна с ним, а он, как всякий самовлюбленный

маньяк, навоображал себе невесту что.

– Но он говорил, что ты несколько раз целовала его. Это верно, Энни?

У Спенсера Рафта нет ни сердца, ни души, ни совести. Разве можно так обращаться с другом? Не желая, чтобы между Энн и ее суженым были какие-то недомолвки, она посмотрела в тоскливые глаза Дэвиса и вымолвила:

– Да... Но это ничего не значит.

– Он сказал, что ты ответила ему более страстно, чем любая другая женщина, которую он когда-либо целовал. И что ни с какой другой женщиной ему так не хотелось заняться любовью, как с тобой. – Дэвис закрыл лицо руками и покачал головой. – Я не мог в это поверить. Но я должен был тебя увидеть. Должен был услышать от тебя, что ты больше меня не любишь и предпочитаешь Спенсера.

Эллисон почувствовала, что у нее остановилось дыхание. Горячий румянец вспыхнул на ее лице и распространился по всему телу. Она самая страстная женщина из всех, кого Спенсер целовал? Желаннее, чем любая другая женщина? Ей так хотелось посмаковать и обдумать услышанное, но Дэвис выглядел настолько несчастным, что не время было предаваться сладостным грезам... В эту минуту важно как-то исправить положение.

Она положила руки Дэвису на плечи и крепко их сжала. Дэвис оторвал ладони от лица и поднял на Эллисон страдальческие глаза.

– Спенсер действительно интересный и привлекательный. И я целовала его. Но для меня это значит не больше, чем поцеловать красивую фотографию. Твой друг пустой человек, у него ничего нет за душой. Я не могла бы полюбить никого, кроме тебя, Дэвис. Прости меня за этот небольшой грех. – Конечно, когда выяснится вся эта история с подменами, Энн будет полностью оправдана. – Я хочу выйти за тебя замуж и жить в доме, который ты выбрал для нас.

– Зачем вы лжете ему, Энн? Оба вскочили, услышав эту фразу. Негромкий, чуть хрипловатый голос произвел на них эффект больший, нежели выстрел пушки. Эллисон вскочила с дивана. Не до конца протрезвевший Дэвис скатился на пол. Кое-как ему удалось подняться. Выпрямившись, он стоял, слегка покачиваясь, возле Эллисон.

– Убирайтесь отсюда! – холодным тоном произнесла Эллисон. – Вы едва не разбили нам жизнь.

Спенсер стоял у двери, которую она забыла закрыть, когда тащила пьяного Дэвиса. Высокий и мускулистый, он мог показаться грозным, если бы не букет роз в его руке. Черные брови насуплены – признак явного неодобрения разыгранной «Энн» сценой преданности и любви.

– Я не уйду до тех пор, пока все не разрешится.

– Все решено, – твердо заявила Эллисон, пытаясь удержать Дэвиса от раскачивания. Ему было трудно стоять, тем более соблюдать при этом равновесие. – Я люблю Дэвиса и собираюсь выйти за него замуж, а посему прошу вас не вме-

шиваться в наши личные дела. Как вы могли нанести ему такую травму?

– Как мог? – рывкнул Спенсер. – Скажите лучше, как вы могли? Я поступил по-джентельменски: откровенно поговорил с Дэвисом, объяснил ситуацию. Разве лучше делать вид, будто вчерашнего поцелуя и поцелуя в первый вечер в этой самой комнате не было?

Дэвис качнулся к Эллисон.

– Ты и здесь его целовала? В самый первый вечер? – Он со стоном осел на диван и вновь закрыл лицо руками.

Эллисон опустила перед ним на колени.

– Дэвис, дорогой, не надо! Я не в силах этого вынести. Перестань рыдать.

Спенсер пересек комнату и мягко положил ей руку на плечо.

– Энн, пусть он выплачется. Ему станет легче.

Она вскочила на ноги.

– Да заткнитесь, пожалуйста! Вы просто бессердечный, безжалостный тип! Посмотрите, что вы натворили!

Спенсер воинственно выставил вперед подбородок:

– Может быть, мое появление и положило начало заварухе, но вы ее продолжили! Не надо закрывать глаза на правду. И теперь вам предстоит сделать выбор между нами.

– Ах, Энни, Энни, – застонал Дэвис. – Как ты могла? Он не создан для тебя.

Эллисон выпрямилась, открыла рот и вдруг пронзитель-

но завизжала. Развернувшись, она гусиным шагом отошла от обоих мужчин. Зажмурила глаза, сцепила зубы, сжала кулаки, чтобы сдержать подступившую ярость.

Однако это не помогло. Взрыв произошел.

Повернувшись, она бросилась к Дэвису, который мешком лежал на диване. Схватив его за манишку, подняла на ноги. То, что он был на семьдесят пять фунтов тяжелее ее, похоже, не сыграло роли. Она несколько раз смачно ударила Дэвиса по щекам.

– Немедленно протрезвей! – крикнула Эллисон. – И ради Бога перестань распускать нюни!

– Вы! – Повернувшись к огорошенному Спенсеру, она ткнула указательным пальцем ему в живот. – Вы поедете с нами. – Она схватила сумку и ключи, лежавшие на кофейном столике.

– Куда?

– Пошевеливайтесь! – Эллисон подтолкнула Спенсера к двери, схватила и потащила за собой покачивающегося Дэвиса. – Садитесь в мою машину! – скомандовала она Спенсеру, закрывая за собой дверь квартиры. Плевать на подглядывающих соседей, подумала Эллисон. Прежде всего во всем виновата сама Энн.

Она втолкнула Дэвиса на переднее сиденье и так свирепо взглянула на Спенсера, что он покорно забрался на заднее.

Включила зажигание, выжала педаль сцепления, и машина рванулась по дороге. Пассажиры проявили мудрость и на

протяжении всего пути даже не делали попытки завести разговор.

Клиника находилась недалеко от дома Энн, и через десять минут они подъехали к ее воротам. Пять минут было сэкономлено за счет превышения скорости и нарушения правил безопасности.

– Куда это мы? – пробормотал Дэвис.

– Вылезай! Нам нужно в это здание. Когда все трое выбрались из машины, Эллисон взяла Дэвиса за руку и буквально потащила его к слабо освещенному входу, предоставив Спенсеру следовать за ними.

Запертая дверь клиники привела ее в ярость. Она отчаянно забарабанила кулаками по стеклу.

– Откройте! – закричала она.

– Энн, – отважился было Спенсер.

– Я сказала, чтобы вы заткнулись! – бросила она через плечо.

На шум в вестибюль вышла несколько перепуганная сестра. Она приоткрыла на дюйм дверь:

– Простите, но время визитов прошло. Наши пациенты спят...

– Мне надо сейчас! – проговорила Эллисон, оттолкнула сестру и вошла, таща за собой Дэвиса. – Эти мужчины – со мной.

– Извините нас, – вежливо сказал Спенсер, проходя мимо ошарашенной сестры. – Она расстроена, – пояснил он.

Эллисон прошествовала к палате Энн и распахнула дверь. Включив свет, она подтолкнула Дэвиса, и он, спотыкаясь, ввалился в комнату в тот момент, когда Энн открыла глаза и заморгала, реагируя на свет.

– Что здесь происходит? – спросила она, садясь в постели. – Дэвис? Что ты здесь делаешь? Эллисон?

– Эллисон?! – в один голос переспросили мужчины.

Дэвис устремил воспаленные глаза на больничную пациентку. Он узнал ночную рубашку Энн, – Энни? – спросил он фальцетом. Энн укоряюще посмотрела на Эллисон:

– Эллисон, я готова убить тебя! У меня сейчас такой безобразный вид. Ведь ты обещала, ты...

– Да помолчи ты! Вся эта каша из-за тебя! – прикрикнула Эллисон.

Кажется, впервые в жизни Энн спасовала перед сестрой. Никогда в жизни она не видела, чтобы глаза Эллисон полыхали таким ярко-зеленым пламенем. Ее сестра пребывала в ярости.

Эллисон наставила палец на сестру.

– Дэвис, это Энн. Ей увеличивали размеры бюста. Она хотела сделать тебе сюрприз, чтобы ты не знал об этом до тех пор, пока все не закончится. Поэтому и попросила меня в течение нескольких дней выдавать себя за нее.

Дэвис вытаращил на Энн глаза:

– Увеличивали размеры бюста? Ты хочешь сказать...

– Да. Ты рад? – робко спросила Энн. Дэвис закивал голо-

вой:

– Да-да, конечно... Только...

– Я не могу дождаться, когда ты увидишь...

– Прошу тебя, Энн, дождаться момента, когда вы останетесь наедине, – перебила ее Эллисон, – если, конечно, ты не хочешь отдаться Спенсе... – Она сделала шаг в сторону, открывая взору Энн стоящего позади мужчину. – Энн, это Спенсер Рафт, лучший друг Дэвиса, – сардонически улыбаясь, проговорила Эллисон. Выхватив из его рук розы, к этому времени уже слегка увядшие, она небрежно бросила их на кровать. – Это тебе! Между прочим, он хочет переспать с тобой.

– Что-о? – воскликнула Энн, еще выше приподнимаясь в постели. Завороженный Дэвис уставился на ее грудь, которая даже под ночной рубашкой впечатляла своим размером.

– Только потому, что поцеловал тебя несколько раз, он считает, что ты разорвешь помолвку с Дэвисом и сбежишь с ним... Чуть не забыла, возвращаю тебе твое кольцо.

– Но я никогда... – начала было Энн.

– Здравствуйте, Энн, – перебил ее Спенсер.

В приступе стыдливости она натянула на себя одеяло.

– Привет! Рада познакомиться...

– Я тоже.

Эллисон издала громкий вздох.

– Можно мне закончить, чтобы потом уйти? – Она обернулась к Спенсеру. – Это я упала на тротуаре, испачкала вас

кровью, пролила вино на ваш костюм. Когда я упала, то потеряла контактные линзы, поэтому была не просто неуклюжей, но и вообще слепой... и пила из двух бокалов и все такое... Я та самая, к кому вы приходили сегодня в лабораторию и кто облил вас кофе.

– Ты упала? Где? Когда? – спросила озадаченная Энн. – Эллисон, что здесь в конце концов происходит?

– Я как раз и пытаюсь объяснить. Спенсер хочет тебя. Он считает, что ты не любишь Дэвиса, потому что он наблюдал за тем, как отношусь к нему я, а из меня, по всей видимости, актриса никудышная.

– Ты хочешь сказать, что я целовал... – Похоже, Дэвис вышел из шока и теперь виновато смотрел на Эллисон. – Гм... Эллисон... но я... – Щеки его вдруг запылали. – Энни, я целовал ее, но думал...

– Я понимаю, любимый, – перебила Дэвиса Энн, похлопывая его по руке. – Это была моя идея. Сядь со мной рядом. Я соскучилась по тебе. – Она потянула его за руку, и он, опустившись на край кровати, поднес ее руки к губам.

– Как я уже говорила, – громким голосом Эллисон перекрыла шепот любовников, – Спенсер пришел сегодня вечером к Дэвису и заявил, будто ты хочешь его, а он тебя. Дэвис до умопомрачения напился, полагая, что ты бросишь его и переметнешься к этому волоките. Дэвис с рыданиями пришел ко мне, то есть к тебе, и стал умолять, чтобы ты не губила любовь. Вдруг появился Спенсер и очень рассердился,

что ты хочешь остаться с Дэвисом. Так что тебе надо сделать выбор между ними. – Эллисон набрала полные легкие воздуха. – Вот так! Полагаю, я вкратце изложила факты и все теперь в курсе дела... А я выхожу из игры. И оставляю вас, чтобы вы трое разобрались, кто кого любит.

Выпрямившись и расправив плечи, она выскочила из палаты.

Ее запал пропал, как только она добралась до своей квартиры, в которой отсутствовала несколько дней. На Эллисон пахнуло затхлостью. А затем вдруг до нее дошла чудовищность случившегося.

Она дала волю слезам и плакала до тех пор, пока не обесилела. Когда рыдания сами собой прекратились, Эллисон задумалась: зачем она плачет? Разве она не рада, что все закончилось?

Взгляд рассеянно блуждал по комнате. Эллисон раньше нравилась ее небольшая и уютная квартирка. Но после пребывания в течение нескольких дней в доме Энн ей вдруг показалось, что она находится в камере заключения и стены давят на нее.

В комнате царил идеальный порядок. Каждая вещь находилась на своем месте. Здесь никогда не было ничего лишнего. Невозможно себе представить, чтобы на спинке стула висела какая-нибудь мужская тенниска или на полу валялась газета, развернутая на полосе со спортивными новостями. На кухне в раковине стоял лишь стакан. Один стакан, а не

два. Дом Энн похож на жилье, квартира Эллисон была стерильной, как ее лаборатория. Впрочем, и ее жизнь тоже.

– Перестань жалеть себя, – пробормотала Эллисон, поднявшись с кровати и направляясь на кухню.

Она сама сделала выбор и живет в соответствии с этим выбором. Энн все время ходила на танцы и вечеринки, когда училась в колледже. Эллисон оставалась дома и занималась. Энн постоянно находилась в окружении парней – потенциальных женихов. Эллисон избегала контактов с мужчинами. Энн и Эллисон были умны, но каждая из них распорядилась способностями сообразно своим интересам. Эллисон целиком сосредоточилась на работе. И часто негодовала по поводу того, что Энн зря растрчивает умственный потенциал.

Но так ли уж она растрчивает? Энн счастливая. А Эллисон... какая она? Смирившаяся со своей судьбой? Во всяком случае, слово «счастливая» к ней не подходило.

Вплоть до последнего времени Эллисон была довольна жизнью. Сейчас же испытывала беспокойство, которое раздражало ее. Чего она хочет?

Выключив свет, Эллисон забралась на узкую односпальную кровать. За последние дни она привыкла к королевских размеров постели Энн, без всякого сомнения, способной принять двоих.

А еще привыкла к красивым платьям и макияжу. Ей понравилось чувствовать волосы на плечах и ощущать запах духов.

Эллисон забеспокоилась, когда поняла, что будет скучать по многим женским причиндалам. Но еще больше ее беспокоило то, что ей будет недоставать мужского присутствия. Мужского запаха. Мужских прикосновений. Поцелуев. Она почувствовала, что к глазам вновь подступают слезы.

Господи! Неужто и в самом деле она станет плакать о мужчине? О том мужчине?

Он заявил, что испытывает желание к Энн. К Энн, но не к Эллисон. Он даже не узнал, что она была той женщиной, которую ласкали его руки и губы. Спенсер – повеса, завсегда курортов – сегодня здесь, завтра там, человек, которого интересуют лишь собственные мысли и чувства. Лучше бы вообще не приезжал в Атланту. Он не создан для Энн. И конечно же, не создан для нее. И слава Богу, что она никогда больше его не увидит.

Тогда почему она чувствует себя такой одинокой и несчастной?

– Давай, Распутин! Вот молодчина! Ты такой красавец. Знаю, что я не объект твоей любви, но должна это сделать. Ну как, тебе приятно?

– Похоже, очень приятно.

Не вынимая руку из клетки кролика, продолжая оставаться все в той же не очень светской позе, Эллисон повернула голову и увидела Спенсера, стоящего всего в ярде от нее.

– Что вы здесь делаете?

– А что вы там делаете? – Он кивнул на клетку.

Эллисон вынула руку, потрепав на прощание кролика, и закрыла дверцу. На руке у нее была перчатка из кроличьего меха. Спенсер с любопытством уставился на Эллисон. В глазах сверкнули озорные огоньки, на губах появилась усмешка. Его спокойствие и абсолютное самообладание раздражали ее, тем более после этой кошмарной ночи, большую часть которой она проплакала.

Эллисон с вызовом приподняла подбородок:

– Я глажу его живот перчаткой из кроличьего меха.

– И для какой же цели?

– Мне нужно получить образец спермы. Это возбуждает его.

Глаза Спенсера снова сверкнули.

– Вы хотите добиться возбуждения? Тогда потрите мой живот.

Это был тот самый хриплый мужской голос, при звуке которого она испытывала слабость. Но не желая уступать, Эллисон сердито сдернула с руки перчатку и отбросила ее.

– Прости, Распутин, я займусь тобой попозже, – пробормотала она. Отойдя на безопасное, по ее мнению, расстояние, добавила:

– От вас я уже получила все, что мне требовалось, мистер Рафт.

В его улыбке не чувствовалось и намека на раскаяние, она скорее была самоуверенной.

– Вовсе нет. Вы еще много от меня получите.

В ней боролись между собой гнев и желание. Хотя она и пыталась проигнорировать его дерзкие слова, ее тело на них отреагировало.

– Я уже устала от ваших вульгарных намеков. Изображая сестру, я вынуждена была их терпеть ради душевного спокойствия Дэвиса. Но сейчас могу говорить от своего имени, поэтому заявляю, что вы ведете себя отвратительно.

– Вы очень эффектны! Ей вдруг захотелось зарыдать, и она поспешила отвернуться.

– Перестаньте насмехаться надо мной. – Она и до этого считала его высокомерным и эгоистичным, но подобной откровенной жестокости от него не ожидала.

– Насмехаться над вами? – Спенсер быстрыми шагами приблизился к ней и положил руки на плечи. Когда он попытался повернуть к себе ее лицо, она вырвалась из его рук.

– Ох и посмеялись вы, наверное, вчера в клинике после того, как я ушла. – Интересно, его пальцы действительно легонько ласкают ее затылок или ей так кажется?

– Не припоминаю никакого хохота. Дэвис и я заполнили несколько пробелов в этой истории. Энн ужаснулась тому, что произошло, и очень сочувствовала вам. Она пыталась даже дозвониться до вас и принести свои извинения.

– Я отключила телефон. – Освободившись наконец от его рук, Эллисон подошла к окну и стала играть со шнуром шторы, не поворачиваясь к Спенсеру лицом. – Мне ни с кем не хотелось разговаривать, даже с Энн.

– У нее грудь такая же, как у вас? Повернувшись, она метнула на него быстрый взгляд. Он что, уже затащил ее в постель и хорошо знает размер груди? Эллисон слышала, как стучало ее сердце.

– Такая же.

Спенсер смотрел на ее грудь, и длилось это бесконечно долго, целую вечность. Затем встретился с ней взглядом:

– И зачем ей это нужно было?

Эллисон показалось, что она тонет в его голубых глазах. Этот взгляд вызывал головокружение, пробуждал жар и томление в теле. Ей так нравились эти роскошные лохматые брови, шершавая кожа, морщинки на его лице. Эллисон до чертиков хотелось прикоснуться к нему пальцами.

Однако она заставила себя выйти из оцепенения и отойти на пару шагов.

Спенсер заговорил первым:

– Энн поддразнивала Дэвиса за то, что он целовал вас. А он был в шоке от того, что обращался с вами как со своей невестой. Боюсь, Дэвис еще долго не сможет смотреть вам в глаза.

Эллисон подошла к одному из лабораторных столов, где находились микроскопы, горелки Бунзена и мензурки. Посмотрела в микроскоп, прекрасно зная о том, что на предметном стекле ничего нет. Уголком глаза она видела, как Спенсер сел на стул рядом с ней. Он поставил ногу на перекладину, и его колено уперлось в бедро Эллисон.

– А что вы делали все это время, когда Энн поддразнивала шокированного Дэвиса?

– Я? Я испытал чувство огромного облегчения по поводу того, что мне не придется приносить в жертву свою дружбу с Дэвисом ради женщины, которая мне нравится.

Она живо повернулась к нему, оказавшись в опасной зоне между его бедрами.

– Что вы сказали? Неужели вы не поняли? Энн любит Дэвиса и собирается за него замуж. Она впервые увидела вас только вчера вечером.

– Я-то понял. По-моему, вы не поняли. – Каким-то образом он умудрился схватить ее за руки и притянуть к себе. Прежде чем Эллисон успела что-то сообразить, она ощутила, что их животы соприкоснулись. – Все эти дни я гоняюсь за вами, Эллисон, а не за вашей сестрой. Я не только не рассердился за розыгрыш и переодевания, а, наоборот, счастлив. Теперь вы и я вольны продолжить то, что мы начали в первый вечер.

Эллисон насколько возможно отвела голову назад и уставилась на него, словно на сумасшедшего.

– Вы не столь умны, как я полагала, мистер Рафт. Неужто до вас не дошло? Взгляните получше. Вы танцевали с Энн. Вы целовали Энн. Вы обнимали Энн, а не меня. – Эллисон развела руками. – А я – вот она.

Он бросил взгляд на конский хвост, на карандаш за ухом, на очки, которые Эллисон надела вместо контактных линз,

поскольку от слез и бессонной ночи у нее появилась резь в глазах. Не оставил без внимания и ее халат, старомодную юбку и растоптанные туфли.

– Вы очаровательны. И особенно нравитесь мне, когда мечете громы и молнии, как это было вчера вечером. Вы были изумительно сексапильны! Мне хотелось завалить вас на пол и взять тут же, невзирая на присутствие Дэвиса.

Ошеломленная этими словами, Эллисон вырвалась из его объятий и отодвинулась подальше.

– Вчера вы пришли сюда, пробыли полчаса со мной и не признали во мне ту женщину, которую целовали за день до этого.

– Потому что я не искал вас, Эллисон. – Он встал со стула и приблизился к ней. – Иначе я узнал бы вас сразу.

Эллисон не знала мужчины, который двигался бы так стремительно. Его рот прижался к ее губам, руки крепко обвили вокруг талии раньше, чем она поняла, что происходит. Не теряя времени, он заставил губы приоткрыться, и его язык проник в глубину ее рта. В ответ она тихо застонала.

Эллисон ощутила, как тело ее воспламенилось, словно факел. Он потерялся животом об нее, чтобы рассеять все сомнения в том, что испытывает желание именно к ней. И тело мгновенно откликнулось – Эллисон прижалась к крепкому мужскому торсу.

подавлять растущее желание было непросто, тем не менее она боролась, как могла. Раньше Эллисон никого не под-

пускала к себе столь близко, создав нечто вроде крепостной стены. Сейчас каждый поцелуй Спенсера пробивал новую брешь в этой стене и, похоже, способен был достигнуть самого сердца, в корне изменив ее жизнь.

Упершись ладонями в его плечо, Эллисон вырвалась из объятий. Она сделала несколько частых вздохов, надеясь, что Спенсер примет их за выражение гнева, а не страсти.

– Вы забываете, что я позволяла вам целовать себя только потому, что вы друг Дэвиса. А сейчас я больше не намерена выносить ваши бесчестные объятия.

– Бесчестные?

– Да, бесчестные. А теперь уходите.

Не знаю, зачем вам понадобилось приходить сюда, но вы здесь нежеланны. И пожалуйста, не пытайтесь больше встречаться со мной.

Не спуская с нее глаз. Спенсер отступил на шаг. Эллисон первая отвела взгляд, в котором он мог прочесть, что она говорит не правду.

– Я вам совсем не нравлюсь?

– Нет! То есть да. Я хочу сказать, что не нравитесь.

– Даже самую малость?

Игривый, поддразнивающий тон вызвал в ней раздражение. Она скрипнула зубами:

– Да.

– Ай-ай, это очень плохо. Любопытство взяло верх, и она настороженно взглянула на него.

- Почему?
- Потому что я пришел, чтобы стать добровольцем.
- Добровольцем? Каким добровольцем?
- Отцом ребенка, которого вы хотите иметь.
- Поистине отличная идея!

Глава 6

Она ошеломленно посмотрела вначале на Спенсера, сделавшего столь оригинальное предложение, затем на доктора Хайдена, который с порога одобрил его. Спенсер не отвел глаз от Эллисон. Первым из трех мизансцену нарушил Хайден. Он подошел к ним. В глазах его светился явный интерес...

– Вы не говорили мне, что производите отбор кандидатов, – дружелюбно улыбаясь, проговорил доктор Хайден.

– Я не отбирала никаких кандидатов, – с трудом сумела проговорить Эллисон. – Не знаю, откуда он взял эту сумасбродную идею.

– Ну, наверное, услышал ее от вас, – сказал доктор Хайден. – Вы говорили мне об этой идее всего несколько дней назад. Здравствуйте, молодой человек, – добавил он, протягивая руку Спенсеру. – Дирк Хайден.

Спенсер от всей души пожал протянутую руку:

– Спенсер Рафт. Рад познакомиться с вами, доктор Хайден.

Эти слова сыграли роль детонатора, и Эллисон вновь продемонстрировала характер.

– Вы, джентльмены, могли бы поговорить и в другом месте, а мне надо работать. – Она круто повернулась и рванулась к клеткам. Спенсер поймал ее за полу халата и остано-

вил.

– Но мы обсуждаем научный эксперимент. Ромео может подождать.

– Распутин! – парировала она, тщетно пытаясь выдернуть халат из стальных тисков. – И потом, я ничего не знаю о научном эксперименте, который касался бы вас.

– Знаете, – невозмутимо возразил Спенсер. – Вчера вечером Энн говорила мне об этом. Она более подробно рассказала о вашей работе, чем это сделали вы с Дэвисом за обедом. Энн сообщила, что вы собираетесь провести опыт, подтверждающий взаимосвязь наследственности и умственного развития. И вы говорили ей, что если бы нашли подходящего производителя, то согласились бы родить ребенка, чтобы на нем проверить свои теории.

Как случилось, что случайно оброненные слова таким рикошетом ударили по ней?

– Энн еще не вполне пришла в себя после наркоза! – воскликнула Эллисон. – На ее вопрос о работе я в шутку сказала, что, к своему стыду, не могу провести эксперимент на человеческом ребенке. Вот и все. Говорила я не всерьез. И нельзя же в буквальном смысле понимать мои слова.

– А почему бы и нет, если есть мужчина-доброволец, способный выступить в роли отца?

– Действительно, почему бы и нет? – поддержал Спенсера доктор Хайден.

– Почему бы нет?! – задохнулась от возмущения Эллисон.

Уж не осталась ли она единственным человеком на планете, который не сошел с ума?

– Могу повторить, что, на мой взгляд, это отличная идея, – сказал доктор Хайден. – Я уже говорил вам, что из вас получится идеальная мать. Вам нужно лишь найти равного по всем качествам отца. – Он проигнорировал упорный взгляд Эллисон и обратился к Спенсеру:

– Пожалуйста, не сочтите обидными мои вопросы.

– Валяйте, – с полной готовностью отреагировал Спенсер, снова садясь на стул. Он чувствовал себя вполне непринужденно.

– Вы знаете, каков ваш коэффициент интеллектуальности?

– Что-то около ста семидесяти. Брови доктора Хайдена взметнулись вверх – цифра произвела на него впечатление. Он опустил очки со лба на глаза и внимательно изучил внешность Спенсера.

– Отличный образец в смысле физического развития. Ваши родители живы?

– Да.

– В добром здравии?

– В отличном.

– Есть ли братья или сестры?

– К сожалению, я единственный ребенок.

– Надеюсь, никаких наследственных болезней в семье?

– Насколько я знаю, нет.

– Весьма приятной внешности молодой человек. – Доктор Хайден повернулся к Эллисон, которая стояла, скрестив на груди руки, сердито притопывая ногой. – Поздравляю! Вы выбрали великолепный образец.

– Я его не выбирала! Отдаю должное достоинствам мистера Рафта, но я вовсе не собираюсь рожать ребенка от первого встречного жеребца из общества «Фи Бета Каппа».

Доктор Хайден внимательно выслушал ее и, повернувшись к Спенсеру, чуть нахмурясь, спросил:

– Вы действительно «жеребец», который всего лишь выбрался погулять?

– Нет. – Спенсер поднялся со стула и, не обращая внимания на испытующий взгляд доктора Хайдена, встал перед Эллисон. – Эллисон мне очень нравится. Думаю, и я ей тоже нравлюсь. Я хочу, чтобы наши отношения развивались и дальше.

– Ну так чудесно! – заявил доктор Хайден, сияя счастливой улыбкой и потирая руки.

– Но она страшно упряма, – продолжал Спенсер. – Она противится тому, чтобы мы были вместе.

Доктор Хайден посерьезнел.

– Да, я знаю, она бывает упрямой. Эллисон продолжала дуться и молчать. Тем не менее горячий блеск в глазах Спенсера прибавил доктору Хайдену оптимизма. Он хлопнул нового знакомого по спине:

– Я верю в вашу способность убедить ее, мой мальчик.

Эллисон, я жду периодических отчетов о ходе выполнения проекта. А сейчас прощаюсь с вами обоими.

И с этими словами он покинул лабораторию.

Сердитые зеленые глаза скрестились с излучающими радостью голубыми.

– Вы, конечно, думаете, что вы очень умны.

Он буквально ослепил ее прямо-таки голливудской улыбкой.

– Похоже, так считает доктор Хайден.

– А я – нет! Я считаю, что вы ловки, надменны и страшно тщеславны.

– Ну вот видите, как хорошо: мы уравновешиваем друг друга, потому что вы чрезвычайно скромны и смиренны.

Кипя от гнева, она встала к нему спиной и сделала вид, что занялась работой. Положив руки на плечи Эллисон, он повернул ее лицом к себе, снял с носа очки и отложил в сторону.

– Это лишь подтверждает мою правоту.

– Что? – спросил Спенсер, убирая ленту с ее волос.

– Вас привлекало во мне сходство с Энн. Ну почему вам не перестать играть в эту извращенную, патологическую игру? – Эллисон пыталась говорить резко, но голос ее задрожал, когда Спенсер провел ладонями по распущенным волосам. Она должна сопротивляться, бороться. Однако вместо этого позволила ему прижаться к ней.

– Это вовсе не игра, а немного извращенным я буду лишь

поначалу.

Он дотронулся пальцами до ее ушей и стал их массировать. Она застонала:

– Оставьте меня...

– Я не в силах этого сделать, Эллисон, – шепотом произнес он и приник губами к ее шее. Они оба покачивались. – Признаюсь, мне больше нравится, когда ваши волосы распущены, тогда я могу перебирать их пальцами... А что касается очков, то вы в них привлекательны, как бутон... Я снял их просто из-за того, чтобы они не разбились.

– Не разбились? – сдерживая дыхание, переспросила она. Его губы ласкали ее ухо. – Что вы собираетесь делать?

– Заставить вас привыкнуть к тому, что вы уже знаете.

Губы Спенсера отыскивали ее рот. Поначалу поцелуи были легки и целомудренны.

– Теперь будьте внимательны – начинается самое интересное, – прошептал он.

Его язык погрузился глубоко в ее рот. Руки Спенсера отыскивали грудь. Даже через халат, блузку и лифчик она чутко ощущала ласку. Спенсер притянул Эллисон к себе, и его возбужденная мужская плоть уперлась в ее живот.

Когда он оторвался от Эллисон, она была теплой и податливой словно воск.

– Мы сделаем чудесного малыша, – пробормотал Спенсер. – Подумайте об этом, а я заеду к вам в восемь вечера. Надеюсь получить ответ во время обеда.

Когда он отпустил ее, Эллисон едва не повалилась на пол будто тряпичная кукла. Потребовалось немало времени, чтобы у нее перестало бешено колотиться сердце, успокоилось дыхание и она смогла взять себя в руки.

Почему бы нет? Почему бы нет? Почему бы нет?

– Почему бы нет? – сказала она своему отражению в зеркале на задней стенке гардероба. – Миллион причин для этого, вот почему нет.

Ее единственное стоящее платье не идет ни в какое сравнение с любым платьем из гардероба Энн, ну да ладно. Голубая горжетка с плотным лифчиком делала ее похожей на то, чем она и была в действительности, – на старую деву.

А какая тебе разница, какой ты ему покажешься?

Ладно, будем считать, что есть разница. Просто ты не хочешь, чтобы он принял тебя за старую деву.

Но вернемся к ребенку. К ребенку? Неужели ты всерьез думаешь об этом? Да, потому что он ожидает ответа. У тебя масса причин отказаться. Конечно, Спенсер весьма умен и за словом в карман не лезет.

Но, во-первых, он тебе не нравится. Правда, когда дело будет сделано, Спенсера уже и след простынет. Ты только используешь его... его... семя. (Это же надо употребить ученому такое ветхозаветное слово!) И совсем не имеет значения, нравится он тебе или нет. Да, доктор Хайден прав – если бы пришлось выбирать отца для своего ребенка, Спенсер Рафт был бы отличной кандидатурой.

Во-вторых, завести ребенка, не имея мужа. Но это вряд ли может служить достаточным контраргументом в наше время и в моем возрасте. Тысячи одиноких женщин воспитывают детей без мужей.

А как родители? Они будут шокированы, что их башковитая Эллисон, которую никогда не интересовали никакие живые существа, кроме обитающих в лаборатории, вдруг родит ребенка вне брака. Еще одна библейская аллегория.

А почему тебя волнует, кто и как о тебе подумает, будь это даже твои родители? Ты собираешься это сделать для себя, разве не так?

Эллисон оторвалась от зеркала и обвела взглядом комнату.

Да, для себя. Это будет мой малыш. Мой ребенок. Существо, которое я буду любить и которое будет любить меня.

В-третьих...

В глубине ящика она отыскала тюбик с тушью для ресниц. Тушь высохла, но, размочив ее, Эллисон удалось подкрасить кончики ресниц.

Она впервые надела жемчужные сережки, которые мать подарила ей на Рождество. Волосы собрала пучком, на сей раз пучок был значительно более пышным, нежели обычно. На шею и на лицо выпустила несколько локонов. Взглянув в последний раз в зеркало, она осталась довольна результатами своих усилий.

Когда в дверях зазвонил звонок, Эллисон подпрыгнула и

почувствовала, что ладони мгновенно взмокли. Аргументы относительно того, почему бы им не зачать ребенка, не выдержали даже ее собственных контраргументов. Они, без сомнения, просто рухнут под напором критики Спенсера.

– Черт бы его побрал за то, что он мне учинил, – пробормотала Эллисон, выключая свет в спальне и направляясь к двери.

В течение долгих секунд после того, как Эллисон открыла дверь, она видела только его глаза, которые буквально ошупывали ее с ног до головы, вызывая жар во всех частях тела.

– Вы очень красиво смотрите, Эллисон. – Спенсер вошел в комнату, взял ее руку, поднес к губам и поцеловал в запястье, где бешено бился пульс. Затем нежно прикоснулся к губам.

– Вы тоже великолепно выглядите, – каким-то чужим голосом произнесла Эллисон, когда Спенсер отпустил ее. Он был в двубортном голубом блейзере, зеленовато-серых брюках и белоснежной рубашке. Галстука на нем не было. воротник рубашки Спенсер расстегнул, открыв загорелую шею и верхнюю часть груди с черными-завитками волос. Из нагрудного карманчика блейзера щегольски выглядывал уголок шелкового красного платка. – Такое впечатление, что вы собираетесь поднять якорь и выйти в море.

Он дотронулся пальцами до ее щеки.

– Пока нет.

Где-то внутри Эллисон затеяли танец бархатные бабочки.

Одна из них достигла горла, мешая говорить.

– Вы уже подготовились к отъезду?

– Сначала мне хотелось бы увидеть ваши апартаменты.

– Особенно нечего смотреть. – Она показала рукой на гостиную и кухню за разделяющим их баром. – Вот и все.

Когда они снова взглянули друг на друга, Эллисон ничего не смогла прочесть в его глазах.

– Пойдемте. У вас есть шаль или накидка?

– Нет.

Они стали спускаться по лестнице. Эллисон нервно вздрогнула, когда Спенсер обнял ее. Пальцы у него мозолистые и жесткие, но прикосновения были очень деликатные. У машины он придержал ей дверь. Когда они оказались в салоне, возникла пауза. Спенсер не спешил заводить машину. Напряженно сидящая Эллисон обернулась к нему.

– Что случилось? – спросила она.

– Об этом хотел спросить вас я.

– Не пойму, что вы имеете в виду.

– Каждый раз, когда я дотрагиваюсь до вас, вы вздрагиваете, словно боитесь меня. Это меня чертовски раздражает, и, может, нам лучше сразу же поставить точки над *i*. Я не собираюсь вас насиловать, Эллисон. Я не делал этого ни с кем и никогда, поэтому не надо вести себя так, словно вам предстоит стать моей первой жертвой.

Эллисон отвела в сторону глаза:

– Я не замечала, что так веду себя.

– Замечали... Поверьте, если я соберусь заняться с вами любовью, вы первая узнаете об этом. – Их взгляды встретились. – Если бы я хотел заняться с вами любовью до обеда, мы бы уже были в вашей спальне. Я бы снял с вас платье, комбинацию, лифчик, колготки, трусики, и вы бы лежали подо мной совершенно нагая. Я бы целовал вас и гладил вашу грудь, живот и бедра, вы бы просили меня о любви, и я был бы готов к этому. – Он смотрел на нее магнетическим взглядом. – А пока что вам надо расслабиться.

Расслабиться? После того как он перечислил все предметы одежды под ее платьем, словно просветил рентгеном? После того как откровенно и детально описал любовную игру? И все же она кивнула головой, хотя бы для того, чтобы он наконец завел машину и перестал смотреть на нее столь пронзительным взглядом.

Как ни странно, едва они отъехали, Спенсеру удалось вовлечь ее в непринужденную беседу. Они говорили обо всем и ни о чем в особенности. Он спросил ее, разговаривала ли она в этот день с Энн.

– Да, когда приехала домой, я ей позвонила. Энн уже дома и готовит праздничный обед для Дэвиса. По ее словам, чувствует она себя отлично.

– С ума сойти – сделать такую вещь, – засмеялся Спенсер. – Надеюсь, Дэвис будет доволен.

– Думаю, что да. – Они улыбнулись друг другу, и Эллисон поняла, что она уже расслабилась.

Ведя ее к ресторану, он положил руку ей на талию и улыбнулся, довольный тем, что она не вздрогнула. В течение всего обеда, похоже. Спенсер делал все, чтобы она чувствовала себя непринужденно. Несколько раз Эллисон от души смеялась. До десерта Спенсер не касался предмета, который они хотели обсудить за обедом.

Сделав глоток кофе, он поставил чашку на блюдце и спросил:

– Вы обдумали наш проект? Чтобы не уронить ложку, Эллисон поспешила сунуть ее в остатки шоколадного мусса. Аппетитный и прохладный, он вдруг показался ей совершенно безвкусным.

– Да.

– И что решили?

– Возникнет целый ряд проблем.

– Позвольте прояснить некоторые туманные моменты. –

Он отодвинул чашку с блюдцем, положил на стол руки и наклонился к ней. – Прежде всего вам не следует беспокоиться о финансовой стороне дела. Я обеспечу вас и до, и после появления ребенка.

– Я не прошу об этом.

Он бросил на нее испепеляющий взгляд:

– Да, я знаю, вы горды и упрямы. Именно поэтому я настаиваю на своем. Теперь помолчите и дайте мне закончить. Во-вторых, как вы намереваетесь рожать?

Она видела всю абсурдность подобного разговора, но тем

не менее ответила:

– Это будут естественные роды, если не случится осложнений.

– Хорошо. Я хочу присутствовать при этом.

Ее глаза округлились.

– Присутствовать?

Ей казалось, что в таком интимном деле должны участвовать люди, которые любят друг друга.

– Да. – Он улыбнулся белозубой улыбкой. – Неужели вы полагаете, что меня не будет интересовать рождение собственного ребенка?

– Допускаю, вас это интересует. – Некоторое время она разглядывала ложку, затем негромко спросила:

– Спенсер, а почему...

– Скажите это еще раз!

– Простите?

– Снова назовите меня по имени. Вы ведь это сделали впервые.

– Я называла вас по имени множество раз.

– Но не как Эллисон.

Он настолько пристально смотрел на ее губы, что они будто начинали пылать, и она провела по ним кончиком языка, чтобы немного охладить.

– Спенсер, зачем вам это нужно?

– Вы поверите мне, если я скажу: это способ завоевать ваше сердце?

– Нет.

– Что ж, тогда давайте считать, что я делаю это, чтобы послужить развитию науки.

Она не могла заставить себя поднять глаза, когда задала следующий вопрос:

– А вы... Есть ли... Это будет ваш первый ребенок? Он сжал ее руку.

– Да. Первый и единственный. И я хотел бы часто видеться с ним. Давайте заблаговременно условимся, что с вашей стороны не будет никаких препятствий на этот счет.

– Конечно же, не будет. Я хочу, чтобы мой ребенок рос счастливым. Он должен знать своего отца. – На самом деле она не надеялась, что Спенсер со столь неумемной любовью к странствиям обоснуется где-нибудь поблизости и станет вмешиваться в воспитание ребенка. Ему это быстро придется. Если и будет навещать, то лишь изредка. Поэтому на подобное условие согласиться нетрудно.

– Вы говорите о ребенке так, словно непременно родится мальчик, – заметила она. – А если будет девочка?

Не имеет значения. Я даже представляю себе эдакую рыжеволосую дочку. Эллисон уже была готова застенчиво улыбнуться, но после следующего вопроса у нее вытянулось лицо, и она не сразу сумела ответить.

– Вы планируете кормить грудью? Она не подозревала, что ее пальцы настолько чувствительны к ласке. Спенсер гладил их, и на нее накатывали сладостные волны. А может, это

происходило потому, что он так откровенно разглядывал ее грудь? Или же потому, что она представила себе, как кормит ребенка – темноволосого, голубоглазого малыша, а Спенсер с восхищением смотрит на них.

– Постараюсь выкормить грудью, – каким-то скрипучим голосом ответила она.

– Отлично. Одобряю. – Взгляд его подернулся дымкой, лицо приобрело какое-то мечтательное выражение.

– Когда вы будете готовы к воспроизведению?

Это был вполне закономерный с научной точки зрения вопрос. Однако он вызвал в ней чувственную дрожь. Она в смятении опустила глаза. Эллисон, постоянно оперирующая понятиями способность к, воспроизведению потомства и размножение, внезапно испытала не меньшее смущение, нежели викторианская девственница.

– В конце недели, – хриплым шепотом проговорила она. – Но нет необходимости слишком спешить.

– Я думаю, что чем скорее, тем лучше. Разве не так?

– Пожалуй. Но вообще-то это можно сделать в любое время, если я буду иметь... гм... ваш образец.

– Образец?

– Да. Он будет заморожен.

Спенсер прищурился и склонил набок голову.

– Должно быть, я что-то недопонял...

Что будет заморожено?

Она подняла на него глаза, но тут же их опустила.

Ну... вы же знаете что... Сперма.

– Будет заморожена! – Он громко рассмеялся, чем привлек внимание посетителей, обедающих за соседними столами. Эллисон нервно заерзала на стуле.

– Все на нас смотрят, – тихо зашептала она.

Он наклонился к ней, пытаясь подавить смех.

– Вы говорите об искусственном осеменении?

– Да, и, пожалуйста, не так громко. Спенсер вновь раскатисто рассмеялся.

Когда наконец смех его утих, он сказал конфиденциальным тоном:

– Мисс Лемон, вот что я вам скажу. У меня ничего не заморозишь. Распутина можно удовлетворить с помощью меховой перчатки, что касается меня, то, уверяю вас, это невозможно.

Эллисон покраснела до корней волос.

– Я надеюсь, вы не имеете в виду...

– Проверьте свою теорию.

Эллисон наклонилась к нему и прошипела:

– Вы знаете другой способ оплодотворения?

Спенсер широко улыбнулся:

– Да. Старый, традиционный способ.

– Н-но я не м-могу... традиционным способом!

– Никаких проблем! Мы сделаем это в любой позиции, какая вам только понравится. Я человек разносторонний, почему бы мне не попробовать что-то новое...

– Перестаньте! Я имею в виду, что, – она рукой провела разделительную линию, – между нами это невозможно.

– Почему?

– Потому что мы обсуждаем лишь одно: необходимо произвести человеческое существо. Все, что мне нужно, это получить образец спермы от вас, а затем я могу делать сколько угодно попыток, пока не произойдет оплодотворение.

Спенсер плутовато сверкнул глазами:

– Это нисколько не помешает воспользоваться моим способом. Мне вполне по душе идея сделать как можно больше попыток. – Он не дал Эллисон вскочить, удержав ее за руку. – Почему для вас это такая неожиданность? Вчера я сообщил вам, что хочу вас. Я откровенно сказал, что хочу затащить вас в постель.

– Вы сказали это, имея в виду Энн.

– Проклятие! Да я еще и в глаза не видел Энн, когда это сказал.

Похоже, Спенсер не на шутку рассердился. Он крепко сжал ее пальцы, его рот вытянулся в жесткую линию.

– Ну... я вовсе не желаю идти с вами в постель.

– Обманщица.

– Нет!

– Да! И к тому же вы хотите ребенка. Эллисон решила зайти с другого бока. Приведенные ею аргументы явно не действовали.

– Неужели вы думаете, что я поверю, будто вы хотите

ребенка от женщины, которая стукнулась лицом о тротуар, весь вечер тыкалась как слепой котенок из-за того, что потеряла контактную линзу, спотыкалась и делала все невпопад, и вообще...

– Я приехал за вами, не правда ли? Так что перестаньте городить эти глупости и скажите прямо: да или нет?

Она закусила нижнюю губу.

– Не знаю. Я совсем о другом думала. Мне и в голову не приходило, что вы падете так низко и потребуете от меня этого.

– Вы очень удивитесь, насколько далеко я пойду в своем желании, – сказал он, подзывая знаком официанта. – Подумайте об этом. У вас есть время подумать, пока мы будем добираться до вашей квартиры.

Они ехали молча. Лишь один раз Спенсер заговорил:

– Вы думаете о том, о чем я просил?

– Да. Помолчите.

У двери квартиры она набрала побольше воздуха в легкие и повернулась к нему лицом.

– Ладно. Я хочу ребенка. Это важно для моей работы и жизни. Поскольку никакой другой мужчина с подходящими данными не ждет меня с распростертыми объятиями и раз вы этого хотите, я согласна, чтобы вы стали его отцом.

– На моих условиях? – Его голос ласкал не меньше, чем губы, касающиеся мочки уха.

Эллисон проглотила комок в горле:

– Да. На ваших условиях. Хотя я считаю, что вы бессовестный шантажист.

Он сжал ей мочку уха зубами и тихонько хмыкнул.

– Может, поговорим о том, каким должен быть отец вашего ребенка?

– Я позвоню вам позже, в конце недели, когда придет время, – одним духом произнесла она. Теплый влажный язык Спенсера коснулся ее шеи.

– Исключено.

Она высвободилась из его объятий.

– Что вы хотите этим сказать?

– Мы люди, а не подопытные животные, которых заставляют все делать в определенное время. Хотя я не возражаю, чтобы вы взяли с собой ту меховую перчатку.

– Куда взяла?

– Мы едем в Хилтон-Хед и проведем время вдвоем на моей яхте.

Он словно вышиб из-под нее опору.

– Но мне нужно отпроситься с работы и упаковать вещи!

– Уверен, что один звонок доктору Хайдену все решит.

Предоставьте это мне. А вы будьте готовы завтра к обеду. Несколько часов на машине, и мы в Хилтон-Хеде. Прибудем туда в самое замечательное время – на закате.

– Но...

– Не берите с собой никакие графики, термометры и прочий инструмент. Мы отгородимся от мира на яхте, и будь что

будет, когда придет наше время.

– Кто из нас ученый – вы или я?

– Много одежды не нужно. Она вам не понадобится. А сейчас давайте попрактикуемся.

– Попрактикуемся?

Спенсер сжал ладонями ее лицо и стал покрывать его поцелуями. Начал с виска, затем губы переместились ко лбу. Он поцеловал ей веки и по очереди – щеки. Даже клюнул в нос. Затем поцеловал подбородок. И прижался ко рту.

Он сделал это так уверенно, что она не стала сопротивляться. Его язык скользнул к нижней губе.

– Спенсер, – тихо проговорила она.

– Гм?

– Мне щекотно.

Он засмеялся. Затем обнял ее и крепко прижал.

Эллисон не знала, что делать со своими руками, поэтому положила их на плечи Спенсеру.

– Я хочу тебя сегодня, – прошепело у нее над ухом, и его рука начала расстегивать платье.

Надо прекратить это, тревожно подсказывал разум, но тело отказывалось подчиниться. Ее губы ныли и молили о поцелуях. Это было безумие, но ей так надоело постоянно быть слишком умной.

Когда все пуговицы были расстегнуты, его рука скользнула под лифчик, накрыла тугую округлость ладонью и нежно сжала ее.

– Какая красота, – прошептал он возле ее губ. – Нежная, полная, упругая... Да это само совершенство!.. Не могу дождаться, когда увижу... Когда поцелую.

Он снова завладел ее ртом, не переставая ласкать сосок, который превратился в жесткую бусину. Затем подобной же мучительной ласке подверглась другая грудь.

Ноющее ощущение во всем теле Эллисон становилось невыносимым. Почему она отказывала себе в этом? Почему решила, что сексуальность у человека имеет чисто механическую и физическую сущность? Это не так. Вся ее душа желала того, к чему стремилось тело.

Ладонь Спенсера скользнула вниз, к животу, затем накрыла и сжала трепещущее лоно. Эллисон сдавленно вскрикнула и стала стыдливо отталкивать нескромную руку.

– Да-да, я понимаю, – прерывистым шепотом сказал Спенсер, неохотно убирая руку. – Мне так хочется оказаться внутри тебя, что у меня не хватает терпения. Но я хочу, чтобы в первый раз у нас все прошло идеально.

Он заставил себя оторваться от Эллисон. Щеки ее пылали от возбуждения и стыда. С первых секунд их знакомства этот человек взял какую-то непонятную власть над ней. Когда она оказывалась рядом с ним, то не узнавала себя.

Он застегнул ее платье, приподнял пальцем подбородок:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Как будто бы, – ответила она, улыбаясь дрожащими губами.

– Завтра к полудню будешь готова?

– Буду.

Эллисон вошла в спальню. Включив свет и бросив сумку на кровать, она подошла к зеркалу и долго изучала свое отражение. Ее ясные, чистые глаза излучали счастье.

Она уедет с ним завтра. И вовсе не потому, что намерена отбросить всякую осторожность и закрутить роман. И отнюдь не ради науки. И даже не потому, что хочет родить ребенка, который придаст смысл ее жизни.

Все объяснялось тем, что она любила Спенсера Рафта.

Глава 7

Итак, Эллисон призналась себе в том, что любит Спенсера. Но сколько женщин подпало под власть его чар? Наверняка он оставил целую цепь разбитых сердец по всему миру. Эллисон будет еще одним звеном в этой цепи.

Конечно, он не любил ее, однако испытывал к ней влечение. Непонятно почему, но Спенсер нашел Эллисон достаточно интересной, чтобы начать охоту. Может быть, его привлекли ее наивность и бесхарактерность?

Эллисон не обманывалась относительно характера его чувств к ней. Спенсер – авантюрист и донжуан и скоро ее покинет. Если она забеременеет, то станет видеться с ним, когда он соблаговолит навестить ребенка. Эллисон не будет камнем на его шее. Зато у нее останется живая частица Спенсера.

Если даже не будет ребенка, она сохранит воспоминания об этих днях, и они скрасят ее одиночество и поддержат в трудные минуты. Эллисон Лемон нужны были воспоминания о том времени, когда к ней испытывал нежные чувства мужчина. Она прямо-таки отчаянно нуждалась в них.

Поэтому Эллисон без колебаний решила отправиться в путь. Если потом и пожалеет, это будет лишь потом, и она как-нибудь справится.

Ее разбудил телефонный звонок.

– Алло!

– Я не могу поверить! Я просто не могу в это поверить!
Страхнув с себя остатки сна, Эллисон села в постели.

– Привет, Энн. Чему ты не можешь поверить?

– Что ты отправляешься в Хилтон-Хед вместе со Спенсером.

– Он не терял времени даром и уже раззвонил о своей победе, насколько я понимаю?

– Не задирайся! Он звонил сюда, чтобы сообщить Дэвису о том, что сегодня уезжает. Дэвис выудил у него подробности. Когда Спенсер сказал нам, мы даже не могли поверить.

– Ты уже это говорила. – Ну что из того, если Спенсер пригласил ее провести несколько дней на яхте? Ведь он наверняка не говорил им ничего о ребенке.

– Ты пойми меня правильно. Я могу поверить, что Спенсер предложил тебе поехать, но не могу поверить в то, что ты приняла предложение.

Эллисон облегченно и благодарно вздохнула. Он оказался джентльменом и не распространялся о подлинных целях их поездки.

– Я думаю, есть смысл отвлечься на несколько дней. Я никогда не была в Хилтон-Хеде и...

– Эллисон, я хочу услышать не об этом! Я хочу знать все пикантные подробности твоего головокружительного романа.

– Нет никакого головокружительного романа.

– А по словам Спенсера, есть. Когда он наконец раскололся и сознался, что ты едешь с ним, его так понесло! Он только и говорил о том, какая ты красивая, как очаровала его с первого взгляда. Кстати, я тебе еще всыплю за то, что ты не рассказала мне об этом во всех подробностях... Ну, ладно, – Энн вздохнула, – мне надо поторапливаться.

– Мне тоже, Энни. Нужно до обеда переделать уйму всевозможных дел. Который сейчас час? О Господи, уже десятый! Пока, Энн. Я позвоню тебе...

– Минутку! Прими душ и одевайся. Я в десять подкачу к тебе, и мы отправимся за покупками. Ворвемся в магазин, едва он откроется.

– В магазин? Зачем?

– Купить одежду, подходящую для того, чтобы крутить роман. Не спорь! Пока!

Последующие несколько часов были до предела суматошными. Выпив кофе, Эллисон изложила в письменном виде указания относительно того, что делать с квартирой во время ее отсутствия. Наскоро приняв душ, она принялась разбирать свой довольно скудный гардероб, пытаясь найти что-нибудь подходящее для круиза на яхте. Убедившись в тщетности поисков, Эллисон оценила идею Энн.

Сестры отправились в самый роскошный магазин женской одежды. В течение полутора часов Энн терзала продавцов, пока все не завершилось приобретением трех пар брюк, двух симпатичных сарафанов и полдюжины плавок и лиф-

чиков. Если у Эллисон не было времени что-то примерить, Энн делала это за нее, учитывая, естественно, новый размер своей груди.

Немало времени провели у прилавка косметики. Когда ле-
ди ушли, продавец находился в состоянии нервного истоще-
ния.

Они вернулись к Эллисон, опередив Спенсера всего на несколько минут. Быстро срезав ярлыки с ценами, Энн стала укладывать вещи в чемодан. Эллисон оделась в один из только что купленных нарядов – свободного покроя хлопчатобумажные брюки и пышную блузку.

– Надеюсь, ты не возьмешь с собой ту кошмарную отцовскую рубашку?

– Нет. Возьму только эту прозрачную до бесстыдства ночную сорочку, которую ты называешь negligee.

– Хорошо. Ты всю новую косметику уложила?

– Да.

– Ты уверена? Если будешь в Хилтон-Хеде ходить как чу-
чело, я перестану с тобой разговаривать!

– Да положила я ее! О Господи! – охнула Эллисон, услышав звонок в двери. – Вот и он.

– Открывай дверь. А я пока закрою чемодан, – предложила Энн.

У двери Эллисон на момент остановилась, чтобы перевести дыхание. Однако сердце стучало словно колокол. Удивительно, как могла она, весьма прагматичная женщина, за-

разиться романтическим энтузиазмом Энн. Эллисон почти уверовала в то, что ей предстоял тайный побег или медовый месяц. Когда она открыла дверь, вид Спенсера отнюдь не рассеял этого предположения. Голубые глаза буквально раздели ее.

– Привет!

– Привет.

Он вошел, но вдруг остановился, увидев Энн. В новом наряде, с распущенными волосами, со следами косметики на лице, Эллисон была как две капли воды похожа на сестру. Спенсер несколько раз поочередно посмотрел на девушек, затем улыбнулся, заключил Эллисон в объятия и от души поцеловал ее.

– Готова? – спросил он, отрываясь наконец от нее.

Энн уперла руки в бока и спросила:

– Каким образом вы различили нас, учитывая, что Дэвис заглотив наживку вместе с леской и грузилом?

Они посмеялись над ней, хотя смех Эллисон был несколько натянутым и нервным. Поцелуй Спенсера лишил ее способности вести непринужденную беседу.

– Я сама позвонила доктору Хайдену, – сказала Эллисон, пытаясь придать своему голосу твердость.

– Я знаю. Он сказал, что разговаривал с тобой.

– Вы тоже звонили ему?

– Я хотел, чтобы у тебя не осталось ни малейшей возможности для отступления.

– Я бы ей этого все равно не позволила, – вмешалась Энн. – Чемоданы готовы. – Она кивнула головой в сторону спальни.

Через пятнадцать минут, обнимаясь на прощание с сестрой, Энн шепнула ей на ухо:

– Не говори «нет», что бы тебе ни было предложено.

Эллисон оказалась в машине рядом с человеком, которого знала меньше недели, и ехали они к океану, чтобы оказаться вдвоем на яхте с единственной целью – заниматься любовью.

– Мне нравится твой наряд, – любезно сказал Спенсер, явно для того, чтобы поддержать разговор.

– Спасибо.

– Новый?

– Да.

– И волосы просто великолепны.

– Спасибо.

– Воздух из кондиционера не слишком холодный?

– Нет.

– Похоже, кроме односложного ответа мне сегодня ничего не дожидаться.

Эллисон посмотрела на Спенсера, увидела лукавый блеск в его глазах и смущенно засмеялась.

– Прошу прощения.

– Великолепно! Уже прогресс! Целых два слова! – Он положил руку на ее бедро. – Ты собираешься всю дорогу так сидеть?

– А как я должна сидеть?

Он ласково притянул ее к себе. Она подвинулась к нему, так что теперь они прижимались друг к другу. Спенсер обнял Эллисон за плечи и погладил ее шею.

– Окажи мне любезность, – сказал он.

– Какую?

– Положи ладонь мне на бедро. Она ожидала, что он попросит: «Взгляни на карту дорог», «Включи радио», «Защелкни свою дверцу» или что-либо в этом роде, но никак не «Положи ладонь мне на бедро». А поскольку убедительно-го контраргумента сразу не нашлось, пришлось его просьбу выполнить.

На нем были дорогие голубовато-серые брюки из мягкой ткани. Бедро, казалось, отлиты из железа. У нее появилось искушение погладить внутреннюю сторону его ноги. Однако ее рука осталась неподвижно лежать на месте.

– Спасибо, – промурлыкал он и оторвал взгляд от дороги, чтобы ткнуться носом ей в ухо.

Спенсер начал рассказывать о своем детстве, о родителях, о дружбе с Дэвисом, об учебе в колледже и о тех видах спорта, которыми занимался. Голос успокаивал и убаюкивал, и Эллисон почти привыкла к ласковым прикосновениям мозолистых пальцев.

Вдруг он сказал:

– Знаешь ли ты, как действует на меня мысль о том, что всего каких-нибудь шесть дюймов от кончика моего пальца

до маковки твоей груди?

У Эллисон перехватило дыхание.

– Энн не позволила мне надеть сегодня лифчик.

– Уж не знаю, благодарить ли ее или ругать. Ведь это мука.

Сладостная, утонченная, но тем не менее мука.

Спенсер убрал руку. А Эллисон испытала сложные чувства. Ей нравились его ласки, но этого было мало – она стала воспринимать ласки как неизбежные и необходимые. Но не следовало забывать, что этот роман носит временный, проходящий характер.

Он взял ее ладонь, которая все еще лежала у него на бедре, поднес к губам и поцеловал в чувствительные подушечки, отчего у Эллисон сладостно засосало под ложечкой, затем снова положил к себе на бедро, на сей раз повыше, и прижал ладонью.

Если появлялось желание, они останавливались. На одной из остановок выпили кока-колы и съели пакет арахиса, на другой купили мороженое. Лизнув мороженого, они целовались. Затем снова лизали и снова целовались. Пока не запутались в том, что идет в какой последовательности. Смеясь, Спенсер стал промокать ей бумажной салфеткой подбородок, на котором остались следы шоколада.

Эллисон рассказала ему несколько забавных историй из их с Энн детства, связанных с путаницей из-за поразительного сходства. Ей хотелось, чтобы он понял, насколько они, сестры-близнецы, привязаны друг к другу. Не скрыла она и

того, что у близнецов есть и свои проблемы и трудности.

– Мне порой кажется, что я какая-то недоделанная, что Энн самое существенное забрала себе, а мне оставила все ненужное. – Бросив на Спенсера робкий взгляд, она спросила:

– Может, это звучит для вас дико?

– Нет. Но я не заметил в тебе никаких недостатков. Ты просто более сдержанная. Я не могу представить, чего у тебя такого нет, что есть у Энн.

Для поднятия настроения он попотчевал ее рассказами о людях, которых встречал в разных странах.

Но что бы они ни делали. Спенсер постоянно касался ее. Так или иначе его руки дотрагивались до нее. Эллисон подумала, что для стороннего наблюдателя они вполне могли сойти за влюбленную пару. Понятно, почему Спенсеру ничего не стоило соблазнить любую женщину, в какой бы части света он ни оказался. Он был мастак в этом деле. Спенсер интуитивно обращался с женщиной так, как она того хотела. Он сумел внушить Эллисон, что она сексапильна, привлекательна, красива, остроумна, пленительна, хотя на самом деле в плен попала как раз она сама.

Чем ближе был океан, тем более равнинным становился ландшафт и тем сильнее давала о себе знать влажность. За массивными дубами виднелись кусты, пышно цвели цветы, высоко в небо вздымались сосны. Машина пересекла границу, разделяющую Джорджию и Южную Каролину, и выехала

на дорогу, ведущую к курорту.

Планировщики Хилтон-Хеда поступили мудро, не сделав ставку лишь на коммерческий подход. Каждое здание хорошо вписывалось в окружающий ландшафт. Курорт представлял собой гармоничное сочетание видов на море и южного пейзажа. Покрытые светлым песком пляжи были окружены густым сосновым бором, дубравами и миртовыми рощами.

– Как тут славно! – возбужденно проговорила Эллисон, выглядывая в окно. – Удивительно, что я ни разу здесь не была. Ты всегда держишь яхту в доке?

– Зависит от обстоятельств. Если дела вынуждают меня бросить якорь в этой части страны, я предпочитаю этот порт.

– А чем конкретно ты занимаешься?

– Я совсем опустошил холодильник перед отъездом, – сказал он, выруливая на автостоянку перед супермаркетом. – Нам нужно заглянуть за продуктами.

Обиженная тем, что Спенсер проигнорировал ее вопрос, она заупрямилась и осталась сидеть в машине, хотя он обошел вокруг и открыл ей дверцу.

– Почему твоя работа так засекречена? Это нелегальный бизнес?

– Нет.

– В таком случае что ты делаешь?

– Я имею дело с производством.

– Каким производством?

– Это тебя не касается.

– Что ты делаешь со своей продукцией? Производишь? Торгуешь ею? Что именно?

– Я забираю ее в одной стране и перевожу в другую, – загадочно ответил он. Эллисон побледнела:

– Занимаешься контрабандой? Ты контрабандист?

– Ты намерена помочь мне закупить продукты? – упрямо спросил он.

В ее голове рисовались жуткие картины подпольной торговли алмазами, наркотиками, ядерным оружием, когда юна все-таки вышла из машины.

Как и предполагалось, они прибыли в бухту, где стояла яхта, как раз в тот момент, когда солнце опускалось в море. Зрелище было потрясающим. Гигантский оранжевый шар окрасил воду и небо в багряные и фиолетовые цвета.

– Каков закат, а? Что я тебе говорил? – шепнул Спенсер на ухо Эллисон. Они стояли на пирсе, и он обнимал ее за плечи.

– Да, это даже больше, чем я ожидала. В немом восхищении они наслаждались живописным зрелищем, пока солнце не исчезло полностью, а день сменился индиговыми сумерками.

– А теперь я горю нетерпением показать тебе «Обманщицу».

– Это имя твоей яхты?

– Именно.

– За этим именем что-то кроется?

– Ничего такого, что тебе следует знать.

– Вот этого я и боялась.

Он засмеялся и громко крикнул:

– На палубе!

Показалась голова молодого человека лет шестнадцати.

– Здравствуйте, мистер Рафт! Я не ожидал, что вы придете сегодня.

– Я прибыл несколько дней назад. Все в порядке? – спросил Спенсер, помогая Эллисон подняться на яхту.

– Полный порядок! Здравствуйте. – Это уже относилось к Эллисон.

– Здравствуй, – сдержанно ответила она.

При мысли о том, что паренек догадается о причине ее пребывания на яхте, Эллисон стало не по себе.

Спенсер представил молодого человека как члена семьи, которой принадлежала яхта, стоящая на причале по соседству.

– Я нанял Гарри, чтобы он приглядывал за яхтой в мое отсутствие, – пояснил он.

– Рассчитаемся потом, – сказал паренек. – До свидания! – Он спрыгнул на пирс и направился к своей яхте.

– Передай благодарность твоим родителям за то, что они позволили тебе побыть здесь!

– Обязательно!

Помахав рукой, паренек ушел. Спенсер и Эллисон остались одни в густеющей темноте.

– Давай покажу тебе яхту.

Яхта представляла собой шестьдесят два фута комфорта и роскоши. Эллисон ничего не знала о яхтах, но, похоже, «Обманщица» имела все мыслимые и немыслимые удобства. Палуба была идеально чистой, нигде не видно ни соринки. Дерево отполировано, латунные приборы сверкали.

Рулевая рубка была оснащена новейшими навигационными приборами и выглядела, пожалуй, более внушительно, чем приборная доска на самолете. Камбуз напоминал современную, отлично оборудованную кухню. Вдоль трех стен гостиной располагались белые кожаные диваны. Пол застлан голубым ковром. Тут были стерео – и видеосистемы, телевизор, бар. Спальня казалась удивительно просторной. Здесь находились стулья с белой замшевой обивкой, черные лакированные сундучки и большая кровать у окна. В гальюне не было ванны, но душ и различные аксессуары вполне компенсировали этот недостаток.

– Нравится? – спросил Спенсер у Эллисон, которая с любопытством разглядывала спальню, напоминающую восточный дворец наслаждений.

– Мне нравится, – хрипло проговорила Эллисон. Затем, встрепенувшись, повернулась к нему, улыбаясь чуть нервной улыбкой. – Даже очень.

– Отлично. Располагайся и будь как дома. Мне нужно время, чтобы разгрузить машину.

– Требуется моя помощь?

Он быстро, но смачно поцеловал ее.

– Нет. Лучше постарайся отдохнуть. Ты должна хорошо выглядеть.

Сделав это многозначительное заявление, Спенсер хлопнул ее по попке и ушел. Первым делом он принес пакет с едой, чтобы побыстрее загрузить скоропортящиеся продукты в холодильник. Эллисон стала их раскладывать, а Спенсер ушел за вещами.

Принеся ее чемоданы в спальню, он прикоснулся к ее губам.

– Последняя ходка.

Она укладывала свои вещи в пустые ящики, когда он появился с двумя бокалами охлажденного белого вина.

– Я думаю, мы должны выпить за хорошее начало.

Принимая из его рук бокал, она засмеялась:

– Я помню, как мы пили с тобой последний раз. Я едва различала свой бокал. А тебя вообще не видела.

– Ты была очень разочарована, когда в первый раз меня увидела?

– Напрашиваешься на комплимент?

– Да.

Улыбка ее постепенно погасла. Она смотрела на его обветренное и загорелое лицо. У него были какие-то удивительные, прямо-таки интригующие глаза, глядящие из-под буйных бровей. Удивительным был не столько их цвет, сколько некая жизненная сила, которую они излучали, притягивая к себе. Глаза свидетельствовали о неумной энергии этого че-

ловека.

Красивой формы голова была обрамлена всклокоченными, растрепанными волосами. Верх рубашки расстегнут, на загорелой груди курчавились черные волосы.

– Нет, я не была разочарована, – тихо созналась она.

Уголки его губ тронула улыбка. Они чокнулись бокалами.

– За нас! И за успех нашего путешествия.

Она стала пить, глядя на Спенсера поверх очков. Отпив всего лишь один глоток холодного, бодрящего вина, он взял из ее рук бокал и вместе со своим поставил на стол.

Спенсер запустил руки в водопад ее волос.

– Я изголодался по тебе за день. – Говоря это, он медленно, дюйм за дюймом, прижимал ее к себе. – Я больше не могу ждать.

Спенсер нагнулся к ее губам, которые уже были приоткрыты и ожидали поцелуя. Его язык погрузился в глубину с яростью, которая привела Эллисон в возбуждение. Руки стальными обручами обвили ее вокруг нее и притянули к себе. Ладони Спенсера скользнули к ягодицам и стали их мять и массировать.

Потом он положил обе руки ей на бедра и стал их гладить. Нижняя часть живота ее наполнилась сладостным теплом, которое разливалось по всему телу.

– Спенсер, – тихонько простонала она.

В следующее мгновение он снял с Эллисон пояс и опустил ее на кровать. Он сорвал с себя рубашку. Эллисон успела

бросить взгляд на его бесподобную грудь, прежде чем он лег на нее и осыпал жгучими поцелуями.

Рука Спенсера пробралась под ее блузку и мучительно медленно двинулась вверх, к груди. Эллисон выгнула спину и, застонав, прошептала его имя. Лишь после этого он взял в руку ее ноющую грудь и стал ласкать ее, пока в его ладонь не впился твердый сосок. Спенсер захватил сосок кончиками пальцев.

– Боже мой! – простонала Эллисон. Он сел на кровати и, потянув блузку вверх, обнажил грудь. Кое-как совладав со своим дыханием. Спенсер произнес:

– Ты прекрасна...

Он стянул блузку через голову и отбросил ее в сторону. Уже ничто не мешало ему наслаждаться обольстительным зрелищем.

Полные груди Эллисон были увенчаны нежно-розовыми, чуть выпуклыми сосками, которые вздрагивали от его ласк. Они тянулись вперед, словно моля о прикосновениях, и подрагивали от желания.

– Я так давно хотел попробовать их на вкус.

Он наклонился над Эллисон. Она, не веря в то, что это происходит с ней, успела увидеть, как его губы смыкаются вокруг ее соска. От прикосновения языка она испытала своего рода шок, словно ее ударило током. Вскрикнув, откинулась назад, а затем закусилась нижней губой, чтобы не закричать. Рот Спенсера творил чудеса.

Подняв голову, она стала наблюдать, как его язык по очереди энергично ласкал тугие соски, отчего они стали блестящими и влажными.

– Милая! – прошептал Спенсер, увидев, что Эллисон наблюдает за ним. – Ты изумительна! – Он взял ее руку и приложил к своей груди.

– Слышишь, как бьется мое сердце? – хриплым шепотом спросил он. – Видишь, что ты сделала со мной? – Затем потянул руку Эллисон вниз и положил ее ладонь на вздыбленную мужскую плоть. – И здесь тоже.

Внезапно она почувствовала, что желание ее ушло, уступив место панике. Комок подступил к горлу, и Эллисон ощутила медный привкус во рту.

Она вдруг осознала, что Спенсер – просто-напросто самец. Она выдернула руку и откатилась в сторону, на край кровати. Дотянувшись до блузки, прикрылась ею.

Некоторое время в каюте было слышно лишь частое дыхание. Никто не шевелился. Эллисон сидела, опустив голову и закрыв глаза.

Наконец Спенсер нарушил молчание:

– Эллисон, ты могла бы мне сказать, что с тобой стряслось?

«Что со мной стряслось? Каждый раз, когда женщина говорит „нет“, почему-то принято считать, что с ней что-то стряслось. Ну а как в этом конкретном случае?»

– Я пыталась объяснить тебе, что не гожусь для подобных

вещей, – сердито сказала Эллисон, сидя к нему спиной. Она понимала, что ее спина обнажена, открыта для его взгляда, который чувствовала всем нутром. – А ты не хотел меня слушать.

– Мне казалось, ты вполне годишься для этого, – возразил он с такой холодностью, которая не только не развеяла ее страхи, а даже усилила. – Может, я действовал слишком поспешно? Я чем-то обидел тебя?

– Я не хочу говорить об этом.

– Зато я, черт возьми, хочу! – выкрикнул он.

Эллисон через плечо метнула на него язвительный взгляд:

– Если ущемлено твое самолюбие, то успокойся. Причина моей реакции не в тебе, а во мне.

– А что с тобой? Ты не хочешь дотрагиваться до меня?

Она проглотила подступивший к горлу комок.

– Не хочу.

После короткой паузы Спенсер сказал:

– Понятно... А можешь объяснить – почему?

– Нет.

– Я вызываю в тебе отвращение? Ужас – да. Отвращение – нет.

– Нет.

– Ты должна была понимать, что я возбужден. И не бояться моих прикосновений.

– Но я боюсь! – Эти слова вырвались у нее раньше, чем она успела подумать.

– Я не понимаю тебя. Ты ведь знаешь, что испытывает сексуально возбужденный мужчина.

Эллисон соскочила с кровати и резко повернулась к нему.

– Теоретически знаю! А практически – и понятия не имею.

Вот оно! Теперь слово сказано! Прежде чем отвернуться, она успела увидеть ошарашенное лицо Спенсера. Кровать закрипела под ним.

– Ты – девственница?

– Не стоит говорить так, словно это болезнь. Уверена, это не заразно. – Эллисон подошла к окну и жадно вдохнула прохладного морского воздуха, чтобы освежить голову. Почему она не осталась в своей лаборатории, где ей не грозили никакие неприятности? Зачем отважилась на то, с чем совершенно не была знакома? Почему ей понадобилось делать из себя посмешище?

Она не сводила глаз с линии горизонта. Спенсер встал с кровати и подошел к ней.

Когда он положил ей на плечи руки, Эллисон нервно вздрогнула.

– Ладно-ладно, больше не буду. Обещаю, что не буду торопить события. – Он говорил спокойно, негромко, как родитель, успокаивающий перепуганного ребенка. Развернул ее лицом к себе, хотя и не попросил посмотреть ему в глаза – она уткнулась лицом в его шею.

– Мне жаль, что так получилось, Эллисон. Честное сло-

во, я сожалею об этом. Мне и в голову не приходило, что ты девственница. Я обращался с тобой подобным образом, так как думал, что ты имела дело с мужчиной. – Спенсер перебирал пальцами волосы у нее на голове, и ей показалось, что он нежно поцеловал ее в макушку. – Бедная малышка! Я ворвался в твою жизнь как гангстер... Неудивительно, что тебя коробили мои фамильярности. Начиная с этого момента, мы не будем спешить. Все пойдет по твоему расписанию. Договорились?

Эллисон уткнулась носом в его грудь. От Спенсера исходил неуловимый аромат. Ее губы помнили вкус его губ.

Эллисон отважно подняла голову и, встретив взгляд внимательных голубых глаз, сказала:

– Я отнесусь с пониманием, если ты решишь отправить меня назад, в Атланту.

Он посмотрел на взъерошенные рыжие волосы, заглянул в светло-зеленые глаза, задержался взглядом на опухших от поцелуев девичьих губах.

– И не надейся, милая леди, – шепотом произнес он. – Ты останешься рядом со мной. – Ему страшно хотелось поцеловать ее, однако вместо этого он сделал глубокий вдох и отступил на шаг. – Я думаю, никому из нас сейчас не улыбается заниматься приготовлением обеда. Не пойти ли нам в ресторан?

Подобное проявление деликатности с его стороны тронуло Эллисон. Если бы они остались сейчас вдвоем на яхте, то

испытывали бы чувство неловкости. Им сейчас нужны были люди, огни, общество.

– Это отличное предложение. Только я хотела бы принять душ и переодеться.

– Конечно! Принимай душ, а я подожду на палубе.

Одевшись после душа в махровый халат, Эллисон подошла к лестнице и позвала Спенсера. Он спустился вниз, перешагивая через ступеньку, и остановился как вкопанный, увидев ее в халате, не прикрывавшем бедра.

– Я оденусь, пока ты будешь мыться, – поспешно сказала Эллисон.

– Отлично, – каким-то хриплым голосом ответил Спенсер.

Она облачилась в только что купленное платье, верх которого представлял собой лиф с тонкими бретельками и заниженной талией, юбка в сборку доходила до икр. Платье было светло-розового оттенка – она никогда не носила наряды такого цвета. Настояла на его покупке Энн. Взглянув на свое изображение в зеркале, Эллисон успокоилась: этот цвет не вызвал в ней протеста.

Кажется, Спенсер тоже не обратил особого внимания на цвет платья, когда через пятнадцать минут присоединился к ней. От него пахло мылом и одеколоном, волосы были еще влажными после душа. Эллисон обеспокоенно взглянула на Спенсера, невольно подняв и скрестив перед собой руки.

Глаза Спенсера мгновенно стрельнули туда, куда, как она

полагала, они и должны были стрельнуть.

Верх платья напоминал трико танцовщицы. Он облегал фигуру так, словно был второй кожей. В этом-то и заключалась проблема.

– Энн не упаковала мои лифчики. Должно быть, именно в этот момент я направилась к двери, потому что ты позвонил.

Спенсер с трудом отвел взгляд от ее груди и взял Эллисон под руку. Когда они поднимались на пирс, он ворчливо шепнул:

– Надеюсь, ты не простудишься сегодня.

– Простужусь?

– Да... И потом, если твои соски станут еще больше, чем сейчас, все мои благие намерения не торопить события разлетятся в пух и прах.

Глава 8

За обедом Спенсер вел себя как истинный джентльмен, хотя Эллисон знала: давалось это ему нелегко. Ей раньше и в голову не могло прийти, что человек, подобный Спенсеру, способен выйти из равновесия, тем не менее это было так. Он то и дело с несчастным выражением лица останавливал взгляд на ее груди. Возможно, Эллисон и пожалела бы Спенсера, если бы не испытывала чувство гордости как женщина, понимая, что она причина его страданий.

– Я вижу, что у тебя нет аллергии к омарам, – обронил он, когда она опустошила тарелку.

Эллисон засмеялась:

– Верно И я не очень люблю мясо, а уж печеночный паштет тем более. Так что можешь представить, каково было мне в тот вечер. – Она передернула плечами.

– Потому-то ты мне сразу и понравилась. Вела себя очень мужественно. – Он дотронулся до ее руки. – Единственно, чего я не мог понять, – почему ты из кожи лезешь вон, чтобы ублажить жениха, которого не любишь. Мне, во всяком случае, было ясно, что ты не любишь Дэвиса.

– У тебя хорошая интуиция.

– Вероятно. А все объяснялось элементарно: ты без конца краснела.

Они прошли под руку через Харбор-Таун – самое ожив-

ленное место на острове после захода солнца. Здесь манили огнями рестораны и людные лавки. Дети и взрослые, семьи и влюбленные парочки ели, пили, пели и танцевали под открытым небом, вдыхая пахнущий океаном целительный воздух.

Спенсер нашел свободные места на невысокой каменной стене у пирса, и они получили возможность послушать молодого певца, который выступал на сцене под огромным виргинским дубом. Голос артиста был удивительно звонким, его веселость – заразительной. Спенсер и Эллисон хлопали в ладоши в такт музыке и от души смеялись, слушая традиционные эстрадные шутки.

Спенсер распределял свое внимание между Эллисон и сценой. Когда представление окончилось, они оказались в толпе. Чтобы не потерять Эллисон, он пристроился к ней сзади, положив обе руки на талию.

На спине у платья был глубокий вырез, три верхние пуговицы рубашки Спенсера были расстегнуты. В узком проходе толпа нажала, и Эллисон ощутила, как их тела соприкоснулись.

Благодарение Богу, что он не мог видеть ее лица. Она закрыла глаза и наслаждалась неожиданной лаской. Нельзя сказать, чтобы Спенсер равнодушно отнесся к этому. Его руки сплелись вокруг талии Эллисон, и она ощутила его губы на своих волосах. То, о чем оба думали, произошло: ее ягодички плотно прижались к нему.

Когда толпа снова двинулась, они возбужденно дыша-

ли, изо всех сил пытаюсь выглядеть невозмутимыми. Оказавшись на палубе «Обманщицы», Эллисон снова испытала приступ застенчивости и неловкости.

– Не хочешь ли вина? – спросил он. За обедом она уже выпила два бокала, но особо заметного эффекта не ощутила.

– Нет. Я уже свою норму выполнила. – Она виновато улыбнулась. – Я мало на что гожусь... Даже на то, чтобы выпить вина.

Его руки скользнули с ее талии на бедра.

– Ты все время возводишь на себя напраслину, – сердито сказал он. Повернувшись к ней спиной, Спенсер сделал несколько шагов по палубе к носу, нацеленному в океан, затем вернулся назад. – Если бы я не хотел, тебя бы здесь не было, ты это понимаешь? И запомни, говорю я это в последний раз. Перестань прибедняться и извиняться и скажи мне определенно, чем ты хочешь заняться до конца вечера. Смотреть телевизор? Слушать мои коллекционные пластинки? Играть в карты? Или, может, что-то еще?

Его тон задел Эллисон. Кто он такой, чтобы так отчитывать ее?

– Я хочу спать, – холодно произнесла она. – Сегодня был трудный день.

Она прошествовала мимо него. Юбка мягко обвилась вокруг ее ног. В последний момент Спенсер поймал Эллисон за руку, повернул к себе и дотронулся до ее волос. В его голубых глазах отражалась луна. Само лицо было в тени. На

нем появилась белозубая ухмылка.

– Ты гораздо сводить с ума... И делаешь это быстрее, чем любая другая женщина... Ты вроде спички, которая может в любой момент вспыхнуть. Должно быть, это из-за рыжих волос, – раздумчиво добавил он, пропуская густые пряди сквозь пальцы. – Но мне это по душе. Твой нрав приводит меня в дьявольское возбуждение.

Его взгляд блуждал по ее лицу, отмечая гордо вздернутый подбородок, вызов в зеленых глазах, живой блеск волос. Он опустил глаза, чтобы насладиться созерцанием груди.

Все его тело ныло от желания. Но он помнил свое обещание. Спенсер боялся, что не сможет вовремя остановиться. После этого она перестанет доверять ему. Он должен завоевать доверие до того, как завоюет ее тело.

Спенсер мягко отстранил Эллисон. Что-то промелькнуло в ее глазах. Уж не разочарование ли?

– Если тебе что-то понадобится, позови меня. Я некоторое время побуду на палубе. Спокойной ночи, Эллисон.

– Спокойной ночи. – У самого входа в каюту Эллисон обернулась. Спенсер не шевелился, но смотрел на нее. Ей вдруг стало стыдно за то, как она вела себя.

Облизнув губы, Эллисон сказала:

– Спасибо за хороший вечер, Спенсер.

Он улыбнулся и наклонил голову. Эллисон спустилась в спальню, которая была несколько более роскошной, чем ей положено. Сняв покрывало, с удивлением обнаружила под

ним белоснежные атласные простыни. Она всегда спала на хлопчатобумажных. Эллисон надела одну из купленных вместе с Энн пижам. Она состояла из двух частей и была из черного шелка. Верхняя часть имела глубокое декольте и держалась на двух тонких бретельках. Нижняя часть была настолько экономной, что Эллисон задала себе вопрос, зачем вообще ее надевать.

При виде подобного сочетания – шелка, собственного обнаженного тела, атласных простынь – Эллисон испытала неведомое ей ранее чувственное возбуждение. Наверное, такое всякий раз переживал Распутин, когда она подходила к нему с меховой перчаткой.

Когда Эллисон услышала, что Спенсер спустился вниз и вошел в ванную, она легла и притворилась спящей. До нее доносился плеск воды, потом Спенсер выключил свет, открыл дверь и вошел в спальню. Она лежала не шевелясь.

Лишь после того, как он снял рубашку, расстегнул молнию брюк и сбросил на пол туфли, Эллисон открыла глаза. Как только вторая половина кровати прогнулась под тяжестью его тела, она повернулась и села в постели.

– Что ты делаешь?

Он не спеша натянул на себя простыню. Луна светила в окна, освещая комнату и его тело, которое словно пришло из эротических снов. Белые, пугающе короткие трусы на фоне загорелой кожи подчеркивали мужественные формы. Волосы на теле являли собой дополнительный чувственный раз-

дражитель.

– Я ложусь спать, – спокойно ответил Спенсер.

Эллисон была настолько поражена таким поворотом событий, что начисто позабыла о глубоком декольте в верхней части пижамы и о том, что грудь почти вылезла наружу. Лишь увидев, что Спенсер не может оторвать глаз от соблазнительного зрелища, она натянула на себя простыню.

– Ты не можешь спать здесь.

– Посмотри на меня. – Он вытянул длинные ноги под простыней, положил голову на подушку и удовлетворенно вздохнул. Затем, сплетя пальцы, потянулся, словно ленивая пантера. После этого подложил руки под голову и широко зевнул. И лишь затем, расслабившись и удивленно приподняв бровь, невинно спросил:

– А ты что, собираешься спать сидя?

Эллисон заворуженно смотрела на игру его мышц, любясь оттенком кожи и грацией движений, не в силах что-либо сказать. Когда у нее наконец прорезался голос, она постаралась придать ему твердость:

– Я не собираюсь спать вообще, по крайней мере здесь. – Она сбросила простыню, словно спеша сбежать от чего-то очень соблазнительного и недостойного, пододвинулась к краю кровати и опустила на пол босые ноги.

– Вот оно что! – Спенсер протянул руку, чтобы удержать Эллисон. То, за что он схватил, оказалось нижней частью пижамы, а попросту – эластичной узкой полоской из черного

шелка.

Эллисон застыла, ибо если она дернется, трусики останутся в его руке.

– Пусти! – выдохнула она. Он стал смеяться – сначала потихоньку, затем все громче и раскатистее.

– Не раньше, чем черти в аду перемерзнут, душа моя. А вот уйти ты можешь в любой момент. Давай, смелее вперед!

– Ты настоящее чудовище!

– Ну-ну, не надо обзываться. – Он дернул за трусы, и Эллисон испуганно ахнула. – Очень симпатичная попка... Круглая, гладенькая, мягкая. Если ты не хочешь, чтобы мы так и оставались в этом положении, забирайся обратно на кровать.

В конце концов, проглотив обиду и покорившись, Эллисон села на кровать. Спенсер отпустил ее, однако она не успела вскочить, так как его рука обвилась вокруг ее талии. Он подтащил Эллисон к себе. Верх пижамы задрался, обнажив живот, которым она прижалась к волосатому животу Спенсера. Эллисон оказалась на нем сверху, а он с торжествующей дьявольской улыбкой смотрел снизу на нее.

– Совсем неплохой вид отсюда, – проговорил он без всякого смущения, заглядывая в глубокий вырез пижамы.

Эллисон сделала отчаянную попытку освободиться.

– Ты извращенец, сексуальный маньяк, ты...

– Твой несносный характер принесет тебе когда-нибудь уйму разных неприятностей, Рыжик, – посетовал он, пощел-

кивая языком.

– Дай мне встать.

Спенсер улыбнулся демонической улыбкой:

– Лучше перестань дергаться и выслушай меня. – Эллисон прекратила всякие попытки освободиться. Ее глаза стали большими и испуганными, когда она посмотрела ему в лицо. – Ты готова выслушать то, что я хочу сказать?

– Да, – хрипло проговорила она. Спенсер не шутил. Она ощущала давление мужской плоти на свой живот. И ее тело отнюдь не было безразлично к этому. Когда голая кожа соприкасается с такой же голой кожей – это наслаждение! У нее возникло удивительное желание – потрогать, ощупать все его тело.

– Ну, тогда хорошо.

Он ослабил хватку и позволил Эллисон соскользнуть с него. Однако руки его продолжали обнимать ее за талию. Они лежали на боку лицом друг к другу. Эллисон благоразумно отодвинула ноги, вызвав тем самым улыбку Спенсера. Дыхание у обоих было неровным и учащенным. Если он что-либо знал о женщинах – а знал о них Спенсер достаточно, – она была возбуждена в такой же степени, как и он.

– Это единственная кровать на яхте, – начал Спенсер.

– Ты мог бы спать на одном из диванов.

– Мог бы, но мне не хочется.

– В таком случае на диване буду спать я.

– Нет, Эллисон. – Он дотронулся ладонью до ее щеки и,

понизив голос до доверительного шепота, сказал:

– Мы ведь здесь для того, чтобы достичь поставленной цели, разве не так?

Эллисон не могла оторвать глаз от обнаженной груди Спенсера.

– Да. Но при нынешней ситуации это невозможно.

– Я все еще хочу сделать ребенка. И для этого один путь: надо преодолеть страхи.

– Не уверена, что смогу.

– Положись на меня, – сказал он, целуя ее в лоб. Эллисон почувствовала, как тело ее расслабилось. Она больше не пыталась отстраниться от Спенсера. Соски Эллисон касались его груди, сводя Спенсера с ума. Однако он держал себя в руках. – Перво-наперво ты должна привыкнуть к тому, что рядом с тобой в постели мужчина. Привыкнуть к прикосновениям. Так ведь?

Она проглотила в горле комок.

– Наверное, так.

– Ну вот и хорошо. Поцелуй меня на сон грядущий, и мы будем спать. Она легонько клюнула его в губы:

– Спокойной ночи.

– Эллисон, – укоризненно сказал он, видя, что она отвернулась от него.

– М-да?

– Ты называешь это поцелуем? Разве я так тебя целую?

Она снова повернулась к нему и, прижимаясь щекой к по-

душке, согласилась:

– Нет.

– Поцелуй меня так, как целую тебя я. Ты делала это много раз.

– Да, но тогда все было по-другому.

– Почему?

– Потому что я лишь отвечала на твои поцелуи, а не начинала.

– Но мужчинам тоже хочется, чтобы их целовали.

– Разве?

– Мне хочется. – Он взял ее руку, положил к себе на грудь и легонько погладил. – Поцелуй меня, Эллисон.

Она посмотрела на его лицо, кустистые брови отбрасывали густую тень на глаза, тем не менее они светились, словно сапфиры. Ей нравилась форма его носа, чувственный рот, упрямый подбородок. Все черты лица свидетельствовали о сильном характере. Разбегающиеся от глаз морщинки говорили об уме и добавляли мужского шарма.

Эллисон долго изучала обветренное лицо Спенсера и думала, как оно ей нравится, как нравятся постоянно всклокоченные волосы, как вообще ей нравится этот человек, несмотря на его самоуверенность и своеволие. И тогда она наклонилась и прижалась губами к его рту.

Спенсер лежал неподвижно, немного расслабившись. Губы сомкнуты. Поначалу она просто плотнее прижалась к его рту. Но он целовал ее не так.

Она отважно коснулась его губ языком, но тут же испуганно отпрянула.

– Да-да, Эллисон, – пробормотал Спенсер, обнимая ее.

И тогда Эллисон снова провела языком по его губам. Она тихонько застонала, когда кончики их языков встретились. Эллисон склонилась над Спенсером, и ее волосы накрыли их обоих. Рука Спенсера зарылась в шелковистых прядях.

В ответ она обе пятерни запустила в его волосы. Поцелуй становился все более страстным.

Своими бедрами Эллисон оплела его ноги. Внезапно чертыхнувшись Спенсер оттолкнул Эллисон и резко сел в кровати. Подняв колени, он уперся в них локтями и обхватил ладонями голову. Грудь его вздымалась и опадала, словно в легкие закачивали воздух кузнечные мехи.

Эллисон съежилась на подушке, дыхание у нее было столь же частым и прерывистым. Сколько времени они целовались? Минуты? Часы? Время, место – все это перестало существовать. В мире не было ничего, кроме страстных поцелуев и горячих ласк.

Глубоко вздохнув, Спенсер опрокинулся на спину. Он посмотрел на нее полным нежности взглядом и поправил ей прядь волос за ухом.

– Я сделала что-то не так? Он грустно улыбнулся:

– Ты все делала хорошо. Даже слишком хорошо. Ты меня понимаешь?

Она поняла и легла рядом, чуть поодаль от него.

– Да, пожалуй.

Спенсер взял ее руку, поднес ко рту и нежно поцеловал.

– Спокойной ночи, любовь моя.

– Спокойной ночи.

Он отвернулся и откатился в дальний конец кровати. Они не разговаривали и не шевелились, хотя Эллисон была уверена, что Спенсер не спал точно так же, как и она.

Она проснулась оттого, что яхта покачивалась на воде и работал двигатель. Открыв глаза, убедилась, что Спенсера в спальне нет. Восходящее солнце подернуто дымкой.

Эллисон слезла с кровати, подошла к окну и увидела вдалеке удаляющийся берег.

Надев халат и посетив ванную, она решила выйти на палубу. Спенсер стоял за штурвалом спиной к ней. Она не стала его беспокоить.

Эллисон зашла в крохотный камбуз, где ее ждал кофе. Для нее он был слишком крепким, но хорошая порция сливок сделала его вполне сносным. Других следов завтрака не было, поэтому пришлось приняться за дело.

Пока жарился бекон, она сходила в спальню, надела шорты и спортивного покроя рубашку. Собрав волосы в конский хвост, перевязала его яркой лентой и поспешила вернуться в камбуз, чтобы не дать бекону сгореть.

Спустя пятнадцать минут Эллисон подошла к рубке.

– Капитан этой посуды уже завтракал? – спросила она.

Спенсер обернулся, глаза его радостно вспыхнули, заста-

вив сердце Эллисон встрепенуться.

– Нет, мой помощник!

– А он хочет?

Вместо ответа Спенсер заглушил двигатель и направился к камбузу. Стол радовал глаз. На тарелках дымилась яичница-болтуня, здесь был и бекон, горячие булочки, джем, в центре благоухала разрезанная дыня.

– Это мне?

– Ты капитан?

– Ага, ага.

– Стало быть, тебе.

Капитан помог своему первому помощнику сесть и лишь после этого с аппетитом набросился на еду.

– Великолепно! Честное слово! Почему ты мне не сказала, что умеешь хорошо готовить?

– А ты меня не спрашивал.

– Мне не приходило в голову.

– Ты не спрашивал меня и о том, способна ли я заниматься любовью.

Он вскинул голову и, проглотив кусок бекона, сказал:

– Мне не приходило в голову. – Протянув через стол руку, дотронулся до ее запястья. – Я по-старомодному рад, что ты никогда не имела дела с мужчинами. Я имею честь быть первым.

Фактически он говорил, что ее невинность и неопытность ему дороги и приятны. Еще один повод для того, чтобы влю-

биться в него.

– Куда мы плывем? – спросила Эллисон. Если откровенно, ей было наплевать, куда они направляются, лишь бы остаться с ним.

– Прогуляться в течение нескольких часов. Я хотел продемонстрировать тебе свое навигационное искусство.

– Я могу вести яхту?

– Но прежде тебе надо помыть посуду.

– Хорошо, – согласилась она, вставая из-за стола и относя посуду в раковину. – Но ты должен убрать постель.

– Будет сделано.

– Это справедливо.

– Ладно, – согласился Спенсер, скрепив сделку шлепком по попке.

Им встретилось всего лишь несколько судов – и то на значительном расстоянии от них. Он велел Эллисон сесть ему на колени и взять штурвал в руки. Это было потрясающе – вести такое огромное судно, но ничто не могло сравниться с ощущением, которое она испытала, когда Спенсер положил ладони на обнаженные бедра и склонился над плечом.

– Постарайся не врезаться во что-нибудь, что покрупнее нас.

– А ты помогай мне. Он обнял ее и положил подбородок на плечо.

– Ты все делаешь очень здорово. Ведешь яхту легко и свободно, – шепнул он, переместив свои пальцы к нижней части

груди. Слегка коснулся ее, затем сделал это более откровенно. – Она отвечает на каждое движение руки. – Когда пальцы Спенсера дотронулись до соска, он решил, что так оно и есть.

– Ты говоришь о яхте? – прерывающимся голосом спросила Эллисон.

– Конечно, – заверил он, но счел за благо переместить руку на более нейтральную территорию – на ребра.

Когда Эллисон полностью удовлетворила свое желание управлять судном, Спенсер остановил двигатель.

– Море спокойно, и день чудесный. Почему бы нам не бросить якорь и не лечь в дрейф до вечера?

– Хорошая идея. – Она никогда не плавала в открытом океане, но безграничный морской простор не пугал ее.

Эллисон чувствовала себя на «Обманщице» в полной безопасности и удивлялась, откуда у нее подобное бесстрашие. Может, это результат любви, которая начиналась тоненькой струйкой, а сейчас превратилась в могучий поток?

Она переделалась в бикини, а Спенсер тем временем принес поднос с разнообразной снедью. На нем были холодная грудинка, сыр, французские булочки, дыня, свежая клубника, коробочка печенья. Он прихватил также ящик со льдом, в котором лежали банки с прохладительными напитками.

Спенсер едва не уронил тяжелый поднос себе на ногу, когда, появившись на палубе, увидел Эллисон в шезлонге. Бронзового цвета бикини представляло собой четыре лоскутка материи, соединенных между собой несколькими уз-

кими тесемками.

Даже огромные солнцезащитные очки не смогли скрыть отразившееся на лице Эллисон смущение, лишь только она увидела Спенсера и его алчный взгляд.

– Это Энн заставила меня его купить.

– Напомни, чтобы я поблагодарил ее, – хриплым голосом сказал Спенсер, зачарованно глядя на треугольники материи, которые вряд ли могли скрыть тугие полушария. Затем его взгляд медленно заскользил вниз.

– Спенсер, перестань рассматривать меня! – не выдержала Эллисон, прикрывая руками грудь. – Иначе я пойду и переоденусь! Мне просто не по себе от таких взглядов!

– Если ты думаешь, что дело лишь в тебе...

– Могу я попросить чего-нибудь холодного? – чопорно проговорила Эллисон.

Спенсер засмеялся, полез в ящик и выудил оттуда банку. Сорвав крышку, он протянул банку Эллисон, но сделал это таким образом, чтобы она не дотянулась до нее:

Эллисон вынуждена была приподняться. Грудь колыхнулась и чуть не выскочила из крохотных чашечек бикини.

– Спасибо, – раздраженно проговорила она, выхватывая банку из его руки.

– Спасибо тебе.

Она бросила на него убийственный взгляд и поспешила принять более скромную позу. Но ее раздражение сменилось восхищением, когда Спенсер стянул с себя рубашку. До это-

го Эллисон уже почти привыкла к его обнаженным ногам. Почти привыкла. Он все утро ходил в плавках, выглядывающих из-под рубашки. Но увидеть его в одних синих плавках... У нее перехватило дыхание. Как она и предполагала, он был поджарым и мускулистым.

Грудь Спенсера – широкая, с темными плоскими сосками среди зарослей волос. Упругий и плоский живот гармонично переходил в узкие бедра. У него были крепкие и тугие, как у бегуна, ягодицы и икры.

– Не желаешь позавтракать? – предложил он, опускаясь в шезлонг рядом с ней.

Приходя в себя от потрясения, Эллисон кивнула:

– Конечно, все выглядит так аппетитно.

Во время завтрака она спросила, как он обычно проводит время на яхте.

– Тебе не бывает одиноко?

– Бывает. – Он закончил есть и лениво водил пальцем по внутренней поверхности ее рук. – Я же говорил тебе, что устал колесить по свету.

Он мог бы водить пальцем и по ее животу – именно там она испытывала странные сладостные ощущения.

– А у тебя никогда не появлялось чувство страха где-нибудь среди океана? Скажем, во время шторма.

– Несколько раз. Вообще-то я осторожен и стараюсь не плавать в плохую погоду. Дело у меня не срочное, так что я могу выждать несколько дней и отложить встречи.

– А какие встречи?

– У тебя очень красивая грудь.

– Ты переводишь разговор на другое.

– Ну да! Это ты переводишь разговор на другое. Все эти дни я только и думаю о твоей груди.

Ей было слишком хорошо и спокойно, чтобы протестовать. Она зевнула и от души потянулась.

– Я наелась, и мне хочется спать. Я, пожалуй, подремлю. А ты что собираешься делать?

– Лежать рядом и смотреть, как ты дремлешь.

Она повернулась на живот и легла щекой на скрещенные руки.

– Гм... а солнце чувствуется... Послушай, что ты делаешь?

– Развязываю бикини.

– Это я понимаю. А зачем?

– Чтобы на твоём теле не было никаких некрасивых пятен. Ведь этого нельзя допустить, правда? – Он поцеловал ее в плечо. – И кроме того, нужно чем-то прикрыть твою спину, иначе она сгорит. А теперь успокойся и спи.

– Слушаюсь, капитан, – пробормотала Эллисон и зевнула. Его руки скользили по спине и творили настоящие чудеса. Спенсер знал толк в массаже. По его собственному телу пробегали волны удовольствия, когда он массирует ее. Эллисон задремала, чувствуя, как пальцы Спенсера скользят вдоль позвоночника.

Спенсер откинулся в шезлонге и стал смотреть на лежащую рядом женщину. На ярком солнце ее волосы поражали великолепием. Они были собраны на макушке, а не на затылке, как тогда, в лаборатории, да и узел свободный, и несколько выбившихся завитков украшали шею и плечи. Ему показалось это весьма знаменательным: Эллисон постепенно расставалась с некоторыми строгостями, которыми окружила себя в жизни. Это внушало надежду.

Кожа цвета спелого абрикоса лоснилась от крема, которым Эллисон ее смазала. Спенсер представил, как его руки и рот дотрагиваются до самых интимных мест.

В профиль Эллисон выглядела весьма изящно. Точеная фигурка, узкая талия. В желобке позвоночника виднелся светлый, с персиковым отливом пушок. Ноги – длинные и стройные, икры округлые. Спенсеру очень хотелось накрыть их ладонями и долго целовать ступни и каждый палец.

В нем вдруг родилось какое-то теплое чувство. Он испытывал к Эллисон желание, это верно. Но его привлекали и ее дух, и неукротимый темперамент, и ум, и даже незащищенность и невинность. Ему хотелось научить ее любви, но чтобы и она поделилась с ним секретом своей уникальности и привлекательности.

Стало быть, он любит ее?

Должно быть, любит. С тех пор как познакомился с ней, он стал думать, что познать ее физически – это не конец, а лишь начало. Было ли это любовью?

Эллисон подняла руку, приоткрыв его взору грудь. Ему отчаянно захотелось накрыть эту грудь ладонью, ощутить ее мягкость. Захотелось сжать пальцами соски, чтобы они затвердели, а затем целовать их, слушая стоны и прерывистые всхлипы Эллисон.

Боже! Кажется, он гибнет. Спенсер, казалось, испытывал физическую боль, однако заставил себя встать на ноги. В кладовке отыскал лестницу и прикрепил ее к наружной стороне борта. Затем, бросив в последний раз взгляд на женщину, которая завладела его мыслями и с такой силой воздействовала на его тело, он перелез через борт.

Глава 9

Позже Эллисон не могла объяснить себе, почему вдруг проснулась с чувством страха и сильным сердцебиением. Она резко села в шезлонге. Лифчик бикини упал на палубу.

Шезлонг, в котором до этого располагался Спенсер, был пуст.

– Спенсер! – позвала Эллисон, жмурясь от ослепительного солнца. Она вскочила и оглядела палубу. – Спенсер! – крикнула она еще громче.

Эллисон подбежала к борту, в панике выкрикивая его имя. Где он? Она бросилась в рубку и на камбуз, в гостиную и спальню. Спенсера на яхте не было!

– Спенсер! – повторяла она, озираясь по сторонам и поднимаясь снова на палубу.

– Я здесь, Эллисон! Несмотря на громopodobные удары сердца и шум в ушах, она расслышала его голос.

– Спенсер, где ты? – перешла она на шепот, испытав чувство опустошающего облегчения.

– У правого борта. А что случилось? Она бросилась к левому борту и никого там не нашла. Спенсер окликнул Эллисон, в его голосе прозвучала тревога.

– Эллисон, с тобой все в порядке? Она обернулась на голос и заметила прикрепленную к борту лестницу. Подбежав к поручню, посмотрела вниз и увидела мокрого Спенсера,

который поднимался по лестнице.

– Ты плавал! – возбужденно воскликнула она. – Плавал, да?

– Ну а что еще я мог тут делать? Что-то случилось?

Он перелез через борт и ступил на палубу.

– Случилось?! Да ты перепугал меня до смерти! Я проснулась и увидела, что тебя нет. Только представь себе: я одна-одинешенька среди Атлантического океана и не имею ни малейшего представления, как управлять этой чертовой яхтой или даже как завести двигатель... Да ведь тут акулы и еще бог знает что в этой воде! А ты...

Лицо ее сморщилось, и она расплакалась. Он обнял ее мокрыми и прохладными руками и притянул к себе. Эллисон прижалась головой к его груди.

– Прости, что напугал тебя. Я всегда купаюсь таким образом. Просто никогда не говорил об этом. Я не отплываю дальше двадцати футов от яхты. Ну как, теперь тебе лучше?

Он мягко приподнял голову Эллисон. Вода с его волос закапала ей на лицо.

– Должно быть, я вела себя как последняя идиотка. Не знаю, с чего вдруг запаниковала... Я почувствовала себя такой одинокой... – Эллисон вдруг поразило серьезное выражение его глаз. – Такой одинокой без тебя, – шепотом закончила она.

Они оба одновременно осознали, что обнимают друг друга, что ее обнаженная грудь прижимается к его обнаженной

груди, а бедра соприкасаются.

Капельки воды падали с головы на его волосатую грудь, а затем в виде хрустальных ручейков стекали по округлостям женской груди. Животы их упруго, в унисон, вздымались и опускались. Мужское и женское естество взаимно дополняли друг друга.

Тело Эллисон долгое время жарилось на солнце, тело Спенсера остудила океанская вода. Сейчас накопившийся в ней жар согревал его. Контраст был совершенно восхитительный.

Их глаза слали друг другу тысячу немых посланий, позволяя общаться на уровне более высоком, чем обычная человеческая речь. Они без слов поняли друг друга.

Когда их губы встретились, вздохи удовольствия и боли слились в один общий стон, выражающий взаимное желание. Губы Спенсера были холодны, зато язык горяч, и он мгновенно погрузился в ее рот. Поцелуй был продолжительным, сладостным, опьяняющим.

Эллисон ощутила привкус соли на губах. Спенсер выдохнул ее имя и, держа за талию, крепко прижал к себе. Соски ее ощутили шелковистость его волос на груди и мгновенно набухли. Она прошептала его имя.

Спенсер ощутил грудью твердость ее сосков и понял, что это означает. Слегка отстранившись, он взял в ладони ее лицо.

Когда их взгляды встретились, в глазах Спенсера можно

было прочесть немой вопрос.

Дрожащими пальцами Эллисон коснулась его рта и щеки. Опустив глаза, она зажмурилась и шепотом сказала:

– Возьми меня, Спенсер.

Он не стал тратить лишних слов, а просто взял ее за руку и повел в каюту. Постель была прохладной, поскольку в окна задувал бриз.

– Вначале сюда, – сказал он, открывая дверь в душевую.

– Почему?

Он включил душ.

– Потому что ты скользкая от крема для загара, и я не смогу ухватиться за то, за что мне захочется. – Он лукаво подмигнул, и от этого ей стало спокойнее. Эллисон засмеялась. Она не ожидала, что способна смеяться таким зазывным, чувственным смехом. – А мое тело пропиталось соленой водой и будет чесаться, когда высохнет. А мне не хочется отвлекаться...

Иди сюда.

Он ступил под душ и затащил туда же Эллисон. Они стояли настолько близко друг к другу, что между их телами могла разве что просочиться вода. Спенсер взял кусок мыла и протянул его Эллисон.

– Если ты намылишь меня, я отплачу тебе тем же.

Она намылила руки и затем стала ими мылить Спенсеру шею. Она делала это медленно, неторопливо, продвигаясь к плечам, ощупывая ключицы и мышцы, впадинку под горлом.

Когда наклонилась, чтобы эту впадьнку поцеловать, Спенсер взял ее за подбородок и нежно поцеловал в губы.

Ее руки заскользили по груди, намыливая волосы. Демонстрируя удивительную для самой себя смелость, она улыбнулась и дотронулась до его соска.

Сосок мгновенно отреагировал, а Спенсер пригрозил:

– Будет справедливо, если я сделаю то же самое.

Эта высказанная низким хриплым голосом угроза не оставила Эллисон. Ее пальцы двинулись к животу.

– Я собираюсь снять с себя плавки, Эллисон.

Она резко отдернула руки.

– Хорошо.

Подцепив плавки двумя пальцами с боков, Спенсер стянул их вниз и предстал нагим.

Эллисон замерла, не теряя надежды на то, что он не заставит ее сделать то, к чему она еще не готова. Спенсер просто протянул руку за мылом.

Она передала ему ароматный брусок. Он сначала намылил ее спину, затем деликатно повернул к себе лицом. Эллисон закрыла глаза от удовольствия, когда его ладони заскользили по груди.

– Тебе приятно? – спросил он.

– Да.

– Мне тоже.

Спенсер намыливал и смывал пену размеренно, со вкусом, рождая в теле болезненно-сладкие ощущения. Он да-

же поднял ее руки и тщательно вымыл подмышки. Его пальцы касались груди сбоку, сверху, снизу, и вскоре все ее тело наполнилось эротическими ритмами. Он затеял игру с нежными полушариями, приподнимая и раскачивая их, сжимая грушевидные маковки. Касаясь пальцами намыленных сосков, довел ее возбуждение до такой степени, что Эллисон, вдруг повиснув на его плече, прошептала:

– Я больше не выдержу, Спенсер.

– Но мы только начали, любовь моя. Он стал целовать ее. Вода струилась по ним, пока рты совершали то, к чему стремились тела.

Спенсер подцепил пальцами нижнюю часть ее бикини, его пальцы прижались к аппетитным округлым ягодицам.

– Можно? – спросил он, медленно стаскивая узкую полоску материи вниз.

Продолжая обнимать его за плечи, Эллисон кивнула.

Спенсер не спеша стянул бикини к коленям, затем к ступням. Эллисон переступила через упавшую на пол тряпицу. Теперь они оба были нагие.

Он нежно обнял ее и наклонился к ней. Эллисон тихонько охнула, почувствовав, как тугая мужская плоть прижалась к ее нежному животу.

– Я мужчина, Эллисон. Помни это. Но тебе не следует бояться.

– Я знаю.

Он повернулся и выключил воду. Эллисон шагнула из-под

душа и стыдливо ухватилась за полотенце, словно пытаюсь прикрыть им свою наготу. Однако Спенсер тут же взял из ее рук полотенце:

– Я тебя сам вытру.

Полотенце было пушистое и мягкое. Руки Спенсера прикасались к ней нежно и ласково. Он прошелся по плечам, груди, животу, бедрам и пышноволосому треугольнику между ними. Став на колени, вытер полотенцем ноги. Поднявшись, попросил:

– Теперь повернись.

С не меньшей нежностью и любовью он вытер ей спину и ягодицы, затем снова опустился на колени и, отбросив полотенце, положил ладони на живот. Эллисон накрыла их своими руками. Она замерла, почувствовав ласковые прикосновения. Теплый язык Спенсера погрузился в уютную ямочку на животе.

– Мне еще утром хотелось попробовать на вкус это место, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Самое удивительное место.

– А меня всегда удивляют твои руки. – Эллисон повернулась к нему лицом.

– Руки? – засмеялся Спенсер. Дотронувшись до бицепсов, она пояснила:

– Они такие сильные. Налитые мышцы, кожа очень тугая. Смотри, какие вены. – Пальцем она провела по отчетливо обозначенным синим линиям, поцеловала и слегка укусила.

Спенсер притянул ее к себе:

– Пошли на кровать.

Она направилась в спальню. Спенсер задержался в ванной, чтобы наскоро вытереться. Когда он вошел в спальню, Эллисон лежала под атласной простыней на кровати. Ее волосы рассыпались на подушке и словно полыхали огнем. На фоне белых простыней кожа ее казалась очень загорелой. Глаза светились, словно два изумруда.

Когда Спенсер шел к кровати, она намеренно смотрела ему в лицо, не рискуя бросить взгляд на нижнюю часть тела. Он лег рядом. Грудь Эллисон стыдливо прикрыла. Спенсер не стал спешить и сдергивать простыню, а лишь заключил Эллисон в объятия.

Она с готовностью простерла к нему руки, хотя и чувствовала некоторую робость. Он отвел своевольные пряди красновато-коричневых волос с ее щек и легонько поцеловал в губы.

– Если я сделаю что-нибудь такое, что тебе покажется обидным или неприятным, сразу же скажи мне, понятно?

– Да.

Спенсер улыбнулся чуть ленивой улыбкой, которая ей так нравилась.

– Знаешь ли ты, что с момента нашего первого танца я мечтал о том, чтобы мы лежали с тобой рядом нагие?

– Бессовестный! В тот день, когда заявился в лабораторию, ты сказал, что хочешь затащить в постель Энн!

– И ты облила меня кофе. Она засмеялась и спрятала нос в зарослях волос на его груди.

– Уже это должно было тебя насторожить в отношении меня.

– Ах, Эллисон, ты просто великолепна! – Он вздохнул и дотронулся пальцем до ее подбородка.

– Я недотепа.

– Когда ты целуешься, этого о тебе не скажешь.

Эллисон понимала, что разговор ведется лишь для того, чтобы ей польстить, расположить к себе и создать соответствующее настроение для любовной игры.

Это сработало.

– Я хорошо целуюсь? – спросила она, проводя пальцем по подбородку Спенсера.

– Угу, – подтвердил он, легонько касаясь ее губ, после чего шепнул:

– Даже если бы мы только целовались, я бы все равно возбуждился.

– Ты уже возбуждился, – так же шепотом ответила Эллисон.

– Это не означает, что я собираюсь отказаться от поцелуев.

И он погрузил язык в податливо открытые губы Эллисон. Наклонившись, Спенсер прижался к ней всем телом, и это прикосновение подтвердило то, о чем она уже знала. Он был весь во власти страсти и желания и не пытался скрыть этого. Но как ни удивительно, это не только не пугало ее, а даже

влекло к нему.

Когда их рты насытились чувственной игрой. Спенсер откинул простыню, обнажив теплые, возбужденные, готовые для новых ласк тела.

Его пальцы коснулись атласной поверхности нежных округлостей, дотронулись до коралловых пирамидок. При первом же прикосновении тихий стон вырвался из груди Эллисон. Ее ноги беспокойно заерзали, бедра задвигались вверх-вниз.

– Хочу попробовать тебя на вкус, – сказал Спенсер, сжал губами сосок и стал нежно его посасывать.

Каждое нажатие на сосок отдавалось в глубине ее лона, и она вдруг поняла, что непременно забеременеет от этого мужчины. Ее тело не реагировало бы так бурно, не стремились бы к ласкам, если бы не было готово к этому. Оно примет его семя, примет и взрастит из него ребенка. Для нее это будет ребенок, рожденный в любви.

Спенсер стал ласкать другую грудь, и его ласки были настолько легкими и нежными, что она невольно открыла глаза, чтобы убедиться: не померещилось ли ей это? Но нет, все было наяву, его язык скользил по розовой пирамидке груди. Она чувствовала, что впадает в какое-то забытье, которое было одновременно и сладостным, и пугающим.

– Спенсер, пожалуйста, – выдохнула Эллисон, сама не понимая, о чем просит.

Спенсер поднял голову, чтобы полюбоваться ее телом. Он

не торопил события. Он хотел, пока плод созревает, до дна испить чашу страсти, насладиться созерцанием этих мягких округлых форм, плавных линий, обольстительно подрагивающих бедер.

– Боже, как ты красива, любовь моя! – Он поцеловал ее чуть пониже груди, затем провел языком по маленькой ложбинке.

У Эллисон перехватило дыхание.

– О Господи! – выдохнула она.

Эллисон никогда раньше не считала себя страстной. Сейчас же ее тело прямо-таки источало чувственность, стоило Спенсеру этого лишь захотеть. Он одну за другой открывал незаметные дверки ловушек, и она все глубже проваливалась в пропасть сжигающей ее страсти.

Его рот продолжал отыскивать на ее теле все новые и новые бурно реагирующие точки.

Спенсер приподнял и развел ей колени и стал ласкать внутреннюю часть бедер. Он дотрагивался до этих деликатных мест, словно крылья бабочки касались цветка.

– Твоя кожа как шелк... Теплый шелк. – Жаркое дыхание опалило нежный треугольник, шевельнуло спутанные завитки волос. Затем его рот прижался к этому обольстительному гнездышку, в то время как пальцы продолжали ласкать внутреннюю поверхность бедер, постепенно поднимаясь все выше. Кончики пальцев соприкоснулись с нежнейшими женскими лепестками, приоткрыли их и ощутили между ними

росу. – Какая сладость!

В ответ на это она не произнесла, а простонала его имя.

– Тебе больно? – обеспокоенно спросил Спенсер, уводя пальцы от затрепетавших лепестков.

– Нет-нет... не убирай... Когда ты там, внутри, это... божественно... У тебя волшебные пальцы, Спенсер... Ах, Спенсер...

– Ты изумительна, Эллисон! Слышишь меня? Ты потрясающе красива.

Пальцы больше не касались лепестков, зато им на смену пришли губы. Губы и язык.

Мир начал уплывать от нее. Удаляться все дальше и дальше. Эллисон протянула руку и погрузила пальцы в копну волос Спенсера. Она лихорадочно перебирала густые, шелковистые волосы. А тем временем его рот и язык продолжали ласкать женскую плоть, разливая сладострастие по всему телу.

Когда наконец утихли последние содрогания, Эллисон открыла глаза. Спенсер лежал на ней улыбаясь, и улыбка его была воплощением нежности и безграничной любви. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но почувствовала, что на нее обрушивается шквал новых невыразимо сладостных ощущений.

Эллисон закрыла глаза и пошевелила бедрами, принимая себя твердое мужское естество.

– Ты... такой большой, – выдохнула она.

– Ты идеально подходишь... – Он тихонько застонал и уткнулся лицом ей в шею. – Эллисон, я мог бы сделать все быстро, но... хочу полностью насладиться тобой.

Ее ладони гладили спину Спенсера.

– Я хочу испытать все, любимый. Не утаивай от меня ничего.

Он поднял голову, поцеловал ее в губы и начал движение. Поначалу делал это осторожно и медленно, но затем темп нарастал.

Жаркий ключ, бьющий в глубинах ее тела, казалось бы, совсем недавно иссяк, однако сейчас он забил с новой силой. Она с удивлением увидела, как Спенсер, улыбаясь, стал ласкать ее грудь. При каждом толчке тела он сжимал ей сосок. Голова Эллисон заметалась из стороны в сторону по подушке, тело приподнялось навстречу его движениям.

– Спенсер! – выкрикнула она, чувствуя, как ее накрывают волны сладострастия.

Сплетясь телами, они лежали, не в силах пошевелиться. Голова Эллисон покоилась на руке Спенсера. Их глаза, которые разделяли всего несколько дюймов, встретились.

– Ты слишком далека от меня, – пожаловался он.

– Но если я лягу ближе, то не буду видеть тебя.

– Ну уж ладно, – уступил Спенсер, окинул взглядом ее тело и тихонько засмеялся.

Я выгляжу такой смешной? – Вовсе нет, – возразил он и, поднеся к губам руку Эллисон, поцеловал ее. – Просто

я вспомнил нескромный анекдот о том, как отличить натуральную рыжую женщину от крашенной. – Лицо Эллисон при этих словах стало покрываться румянцем, и Спенсер громко рассмеялся. – Я вижу, ты тоже его слышала.

– Да, анекдот действительно нескромный.

Спенсер лениво провел пальцем по телу Эллисон и остановился на самом деликатном месте.

– Но мы знаем, что ты натуральный Рыжик, правда ведь? – Он поцеловал ее. Поцелуй затянулся, и Спенсер тем временем накрыл ладонью рыжеволосый холмик. – Как приятно оказаться внутри тебя, – добавил он, отрываясь от ее рта.

– Откуда ты только пришел ко мне? Всю свою жизнь я боялась лишиться девственности, потому что это, по моим понятиям, связано с болью. А я даже не почувствовала, когда ты... когда я...

– Тебе было некогда, – безапелляционно сказал он.

Поначалу Эллисон решила прикинуться обиженной, но вместо этого засмеялась.

– Ах, так! – Она резко села и шлепнула его по бедру.

– Ой-ой! – Спенсера привело в восторг, как при этом несколько раз упруго подпрыгнули ее груди и задорно сверкнули глаза. – Ведь я уже имею несколько боевых ран!

– Что? Где же именно?

– Десять дырок в виде полумесяца на ягодицах. Ты можешь сломать о них ногти.

– Фи, как неделикатно, не по-джентельменски ты гово-

ришь! – пожурила его Эллисон.

Спенсер окинул любовным взглядом изображающую возмущение Эллисон, притянул ее и подмял под себя.

– А ты не слишком груби! – сказал он перед тем, как поцеловать ее. – И потом, я знаю, что все это притворство. Ты только строишь из себя строгую и чопорную, а в постели ты настоящая рыжая кошка.

Эллисон позволила еще раз поцеловать себя и лишь после этого смиренно подняла на Спенсера глаза.

– Правда?

– Конечно, правда. – Он натянул на обоих простыню. – Я все хочу спросить тебя.

– О чем? – Эллисон обрела достаточно смелости, чтобы подергать волосы на груди у Спенсера.

– Поскольку вы с Энн похожи как две капли воды и, судя по всему, ты поверила, что я увлекся ею, почему не предположила, что я увлечен тобой?

– А ты знаешь, что у нас с Энн разные дни рождения?

– Я так понимаю, что это имеет отношение к тому, о чем мы сейчас ведем разговор.

– Прямое. Она родилась за одну минуту до полуночи в среду, а я – спустя тридцать секунд после полуночи в четверг.

– Это все объясняет, – коротко заметил Спенсер.

– Во всяком случае, многое. Ты знаешь стишок о ребенке, рожденном в понедельник, вторник, среду и так далее?

– Да.

– Ну так вот. Ребенок, рожденный в среду, то есть Энн, все знает и может. А дитя четверга далеко пойдет.

Спенсер откинул голову назад и посмотрел на Эллисон.

– Я так понимаю, дитя четверга обречено на успех. Шучу. Говорю это вовсе не потому, что верю в подобную чепуху. Просто хочу развеселить тебя и восстановить силы.

Эллисон почувствовала, как краснеет, и подумала, что это настоящее проклятие, которое будет висеть над ней до самой могилы. Ну кто бы мог подумать, что она так часто будет краснеть?

– Я думаю иначе, – возразила Эллисон, снова возвращаясь к затронутой теме. – Это надо понимать так: рожденному в четверг ребенку предстоит долгий путь, прежде чем он кого-то встретит. И жизнь постоянно подтверждает сей постулат.

– Поясни, пожалуйста.

– Энн и я похожи как две капли воды, это верно, но ей все дается легко. Она умеет танцевать – я не умею. Она научилась блестяще играть на пианино, а я едва читаю ноты. Она легко сходится с людьми. Я не люблю бывать в компаниях. Наша мама хотела, чтобы мы стали настоящими леди. Энн может сервировать чай на двадцать персон и при этом не пролить ни капли. Я же – тридцать три несчастья. Энн могла наврать с три короба – и ей все сходило с рук. Я была не способна на это, зато трепку получала раз в шесть чаще,

чем она. Ты понимаешь меня?

– Но ты вдвое умнее, чем Энн, – возразил Спенсер.

– Людей не очень волнует ум женщины, главное, чтобы она была обаятельной, веселой и хорошенькой. И потом, у нас одинаковый коэффициент интеллектуальности. Если бы Энн посвятила себя той работе, какой занимаюсь я, она, должно быть, уже получила бы Нобелевскую премию.

Спенсер засмеялся, но при этом крепко прижал ее к себе:

– Не думаю.

Несколько минут он задумчиво молчал, затем сказал:

– Похоже, ты склонна была думать, что твои житейские передраги распространяются и на любовную сферу.

Эллисон приподнялась, чтобы посмотреть ему в глаза:

– Да, это так. Спенсер. Я всегда была уверена, что Энн успешно выйдет замуж и у нее будут образцовые дети. Меня же или бросят у самого алтаря, или как-нибудь еще втопчут в грязь. Поэтому никогда даже не делала попытки участвовать в том, что могло завершиться неудачей. Я отгородилась от мужчин, пока...

Она запнулась и отвела в сторону глаза.

– Пока не встретила меня, – спокойно досказал Спенсер.

– Да.

– Я больше не позволю тебе прятаться в эту скорлупу и в свои чудовищные платья.

Ее подбородок вызывающе вздернулся.

– Ты только посмотри, к чему привели тебя твои необду-

манные ухаживания! Посмотри, в какую историю ты влип!

Потасовка, которую они затеяли, закончилась тем, что Эллисон оказалась под Спенсером. Глядя на нее сверху, он сказал:

– Действительно, ты только посмотри, в какую передрагу я попал! Чувствуешь, как я страдаю? – Поскольку Спенсер прижимался к Эллисон всем телом, она отлично поняла, что именно он имеет в виду. Глаза затуманились желанием. Спенсер поцеловал ее в шею. – Неужто ты думаешь, что я заварил бы всю эту кашу, если бы не считал тебя самой красивой и желанной женщиной?

Без предупреждения и без какой-либо предварительной любовной игры – да в этом сейчас и не было необходимости – Спенсер вошел в нее в тот момент, когда она заговорила:

– Может, если ты будешь иногда об этом мне говорить, то я... ах. Спенсер, вот сюда, чуть-чуть повыше... то я поверю... ага, теперь пошло хорошо... то я поверю... О-о-о, как здорово!

– Я буду напоминать тебе об этом так часто, что ты устанешь слушать.

Эллисон обвила его руками и ногами, приглашая еще глубже проникнуть в нее.

– Сомневаюсь в этом. Спенсер Рафт. Сомневаюсь... сомневаюсь... Ах, Спенсер!

Последующие пять дней на «Обманщице» были заполнены солнечными и морскими ваннами, поцелуями при луне

и любовными играми. Каждое утро Спенсер выводил яхту в океан.

– Мы можем забавляться голенькими, – сказал он ей с игривой улыбкой, ущипнув Эллисон за попку.

С каких пор нагота стала для нее столь удивительно приятной? Эллисон чувствовала себя вполне непринужденно голдой. В ней словно пробудились дремавшие чувства. Эллисон было приятно ощущать, как просоленный ветер развеивает ее волосы или охлаждает тела, разгоряченные любовной игрой. Пища казалась просто изумительной. Ей нравились терпкий привкус вина, запахи моря и лосьонов, которыми пользовался Спенсер после бритья.

Порой они ездили обедать в Харбор-Таун, иногда устраивали пикник на палубе или наоборот – скромную трапезу при свечах в камбузе.

Как-то вечером, чтобы сменить обстановку, они отправились на машине по острову. Спенсер обнаружил усадьбу с заросшими газонами, тянувшимися до самого пляжа. По всей видимости, владельцы давно в ней не бывали.

Они вышли из машины и, держась за руки, бродили по пляжу, любуясь луной. Исполинские деревья накрыли огромным зонтом газоны. На обратном пути Спенсер затащил Эллисон в ажурную тень виргинского дуба.

Прислонив к стволу, он принялся целовать ее с такой страстью, которая с некоторых пор стала ей знакома и которая, похоже, не убывала. Его рука скользнула ей под юбку и

стала теревить кружевные трусики. Когда Спенсер начал их стаскивать, Эллисон спросила:

– Что ты делаешь?

– Я думаю, это понятно и без слов. – Прямо через блузку он взял сосок в рот.

– Ну... Спенсер, перестань... Прошу тебя, любимый... Ну не здесь же!

Несмотря на увещевания Эллисон, трусики поползли вниз, и ей ничего не оставалось, как переступить через них. Спенсер повернул Эллисон спиной, пригнул и вошел в нее. Он был ошеломительно горячий и страстный и в то же время нежный и любящий. Когда все было кончено. Спенсер подхватил все еще не пришедшую в себя Эллисон и понес к машине.

– Ты такое влияние оказываешь на меня, – пробормотала она, уткнувшись лицом ему в грудь.

– Хорошее или плохое? – засмеялся Спенсер.

Эллисон вздохнула:

– Я еще не решила. Но в любом случае мне это нравится.

Глава 10

Покидая Хилтон-Хед, Спенсер остановился у почты, где его ждала целая пачка писем и пакетов. Когда они возвращались в Атланту, любопытство Эллисон не давало ей покоя, и она стала рассматривать марки на конвертах. Дания. Великобритания. Италия. Перу... Корреспонденция шла из разных стран мира.

Она заметила, что он внимательно наблюдает за ней.

– Тебе должно быть известно, что любопытство погубило кошку.

– Я ничего не спрашиваю. – Эллисон небрежно бросила почту на заднее сиденье.

– Да, но тебе очень хочется. – Он засмеялся, протянул руку и по-хозяйски похлопал ее по бедру.

Едва войдя в квартиру, Эллисон позвонила Энн. Она сбивчиво рассказала о путешествии, предложив подробности сообщить за обедом.

В итальянский ресторан Эллисон и Спенсер пришли первыми. За ними появились Энн и Дэвис. Энн буквально впилась взглядом в Эллисон. Ее поразило выражение спокойствия на лице сестры. Энн сжала Эллисон в крепких объятиях, шепнув на ухо:

– Ведь все было чудесно, правда?

– Да, все прошло чудесно, – тоже шепотом призналась Эл-

лисон.

Приветствия Дэвиса были менее эмоциональными. Правда, руку Спенсеру он пожал не без энтузиазма, зато к Эллисон лишь сдержанно прислонился щекой. Это была их первая встреча с того времени, когда он узнал об устроенном сестрами спектакле с переодеваниями.

– Гм, Эллисон... в отношении того, как я себя... гм... понимаешь ли...

Энн дернула его за полу пиджака, и Дэвис плюхнулся в кресло рядом с ней.

– Ради Бога, Дэвис. Подумаешь, несколько раз поцеловал и пощупал.

Дэвис поперхнулся, и лицо его залилось густой краской. Все засмеялись, а Спенсер, покровительственно положив руку на плечо Эллисон, сказал:

– Просто впредь пускай он больше такого не позволяет.

Дэвису все же удалось преодолеть свое смущение, и вечер получился веселым. Ели телятину с макаронами, пили вино и удивлялись новообретенной терпимости Эллисон к этому напитку.

– Спенсер научил меня, как растянуть два бокала на весь вечер.

– Больше чем уверена, что он научил тебя не только этому, – высказала предположение Энн.

Щеки у Эллисон зарделись. Спенсер поднес ее руку ко рту и поцеловал кончики пальцев.

– Она тоже очень многому меня научила.

Энн и Дэвис подписали контракт о покупке дома. Интуиция Эллисон не подвела – сестре дом понравился. Они посмеялись над агентом по продаже недвижимости, который удивлялся тому, как Энн носилась по комнатам, рассматривая все, словно видела это впервые.

– Я хочу покрасить ванную в персиковый цвет. Что ты думаешь по этому поводу, Эллисон?

– Думаю, будет очень красиво. – Спенсер в этот момент под столом сжимал ее колено.

– Ты только представь, дорогая, – проговорила Энн, положив голову на плечо Дэвису, – совсем скоро мы будем там жить.

Эллисон присоединилась к тайной любовной игре, которая происходила под красно-белой скатертью. Она положила салфетку на колени Спенсера, расправила несуществующие складки и похлопала по бедру.

– Трудно поверить, что до свадьбы всего четыре недели.

Внезапно Спенсер вскочил, стукнувшись при этом о стол:

– Не могу поверить, что уже за полночь, а я еще не отправил Эллисон спать.

Спокойной вам ночи!

Парочка заторопилась к выходу, оставив в некотором недоумении Энн и Дэвиса.

Они провели две ночи в квартире Эллисон. Она не приглашала Спенсера остаться. Это как бы подразумевалось са-

мо собой.

В воскресенье сестры в сопровождении Дэвиса и Спенсера посетили церковь, где были и супруги Лемон. После службы мистер Лемон пригласил всех на поздний завтрак. Радующие родителей по отношению к Спенсеру несколько смутило Эллисон.

– Можно подумать, что они пытаются выдать замуж сорокалетнюю старую деву, – пожаловалась она Спенсеру, когда они шли к машине. – Мне кажется, если бы ты сделал хотя бы шаг, который можно было расценить как попытку к бегству, отец связал бы тебя.

– Единственный шаг, который мне хочется сделать, я сейчас делаю.

Он привлек ее к себе и поцеловал настолько горячо, что у нее все всколыхнулось. Остаток дня они занимались любовью и спали, после чего снова занимались любовью.

Гроза разразилась после заката солнца. Эллисон возвращалась в спальню, прихватив из кухни еду и питье. Вначале она удивилась, чего ради дорожный чемодан оказался на кровати. И вдруг до нее дошло. Поднос в руках задрожал, она едва сумела поставить его на тумбочку возле кровати.

Спенсер аккуратно сворачивал свою одежду и укладывал в чемодан.

– Куда ты собираешься? – задала Эллисон явно дурацкий вопрос. Какое имеет значение, куда он едет? Главное, он уезжает от нее. Раньше она думала, что будет рада его отъезду,

потому что потом ей уже не надо будет с ужасом ждать этого момента. Но сейчас Эллисон показалось, что она может умереть от душевной боли.

– Мне нужно вернуться сегодня в Хилтон-Хед.

– Ясно.

Он положил в чемодан рубашку, поднял голову и посмотрел на нее.

– Ничего тебе не ясно. Это было сказано мягко и ласково. Положив руки ей на плечи. Спенсер заставил Эллисон опуститься на кровать. Сам он встал перед ней на колени. Забрал ее руки в свои, начал их разглядывать и гладить.

У нее возникло желание отдернуть руки. К чему сейчас эти нежности? Или он думает, что так ей будет не столь больно?

– Эллисон, у меня есть очень важное дело, которое требует моего присутствия. Ты ведь видела кипу писем. Мне нужно вернуться в Хилтон-Хед, позаботиться об «Обманщице», а завтра вылететь в Нью-Йорк.

Нет, она не станет рыдать в три ручья. Если он ждет именно этого, его постигнет разочарование. Пусть ее разразит гром, но она не станет унижаться. Он помог ей обрести уверенность в себе. Она не намерена возвращаться к тому, что было. Жизнь ее куда как хороша!

– Ты не обязан давать мне какие-либо объяснения. Спенсер.

Он уловил сарказм в ее голосе и, несколько раздражаясь,

сказал:

– Обязан. Неужели ты думаешь, что я уйду, ничего тебе не объяснив?

Эллисон с вызовом взглянула на него:

– Этого я не знаю.

– Проклятие! – воскликнул Спенсер, поднимаясь с колен. Он запустил пятерню в волосы и сделал несколько шагов вдоль кровати. Мужчинам не нравятся подобные сцены. Они предпочитают ясность, ненавидят слезы, обвинения и упреки. – Ну зачем ты все усложняешь?

– Нисколько! – спрыгивая с кровати, возразила Эллисон. – Тебе нужно ехать, стало быть, поезжай.

– Да, мне нужно! Но не хочется! Я не желаю, чтобы это стало преградой между нами.

– Никакой преграды. Ты уже выполнил условия договора.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты принял участие в процессе оплодотворения. Благодарю тебя за добросовестность и старательность.

Спенсер процедил сквозь зубы слова, которые она видела начертанными лишь на стенах общественных туалетов, но никогда не произносила сама.

– И это все, что означает для тебя последняя неделя?

«Нет, нет», – кричало ее сердце. Разве не видит он, что она готова разреветься? Разве не знает, что меньше всего она думала о том, чтобы забеременеть и что каждый их любовный акт был актом любви? Или у него было так много женщин

и он провел с ними столько не менее идиллических недель, что не в состоянии этого понять?

– Ты прекрасно знаешь, зачем я отправилась с тобой в Хилтон-Хед. – Эллисон произнесла это очень тихо, ибо у нее комок в горле застрял.

Спенсер пробормотал еще серию не менее крепких ругательств, затем повернулся к чемодану. С громким щелчком он захлопнул его. Этот щелчок, напоминающий выстрел, как бы символизировал бесповоротность и окончательность происходящего.

– Некоторое время мы не сможем видеться. Я уезжаю в Нью-Йорк, затем, вероятно, в Турцию.

В Турцию? Господи! Так далеко! Совсем другой мир... Неужели они в самом деле расстанутся? А почему, собственно говоря, она думала, что он останется с ней?

Спенсер пошел к двери, но остановился и посмотрел на Эллисон. По всей видимости, он много что хотел сказать. Однако лишь коротко промолвил:

– До свидания, Эллисон.

– До свидания. – «Моя любовь», – добавила она про себя, когда дверь за ним захлопнулась.

В глазах доктора Хайдена засветились удивление и восторг при виде произошедших в Эллисон перемен. Стоило ей появиться в дверях лаборатории, как он воскликнул:

– Ну и ну, вы только посмотрите на нее! Никак новое платье?

– Да, – лаконично ответила Эллисон, направляясь к своему рабочему месту. Ей надо привыкнуть к этому. Всем будет любопытно, что случилось с ее едва наклюнувшейся любовью.

– А как чувствует себя мистер Рафт после недельного отдыха? – спросил доктор Хайден, раскачиваясь на пятках и лукаво подмигивая.

– В последний раз, когда я его видела, он чувствовал себя великолепно, – с безразличным видом ответила Эллисон. Энтузиазм Хайдена пропал настолько внезапно, что при других обстоятельствах Эллисон рассмеялась бы. – Он уехал в неизвестном направлении. Скорее всего я не увижу его снова.

– Но я думал...

– Что? Что мы увлечены друг другом? Слава Богу, нет, – небрежно сказала она. – Это была всего лишь шутка... А как поживает Распутин? Он скучал по мне? – переменяла тему разговора Эллисон. Доктор Хайден отошел, в замешательстве покачивая головой.

Еще труднее было успокоить Энн, которая позвонила сразу, как только Эллисон пришла с работы домой.

– Дэвис сказал, что Спенсер звонил ему вчера вечером, когда уезжал из города.

– Правда? – холодно спросила Эллисон.

– Ради Бога, Эллисон, что такое происходит?

– Ничего особенного. Спенсер должен был уехать. Ты же

знаешь, он странствует по всему свету. Надеюсь, ты не думала, что он задержится здесь надолго.

– Но Спенсер... но ты... я думала...

Мы оба с Дэвисом думали, что вы оба...

– Это не так. Ничто не вечно. Просто обычная мимолетная встреча... Энн, мне надо бежать. У меня выкипает чайник.

Несколько недель она искусно уклонялась от разговоров о Спенсере, игнорировала настойчивые взгляды и наводящие вопросы. Но думать о нем не переставала. Он словно преследовал ее днем и посещал ночами. Эллисон тосковала по его ласкам, но главное, ей хотелось снова стать той женщиной, какой она была с ним, – веселой, остроумной, красноречивой, красивой. Шекспир был не прав. Вовсе это не лучше – быть любимой, а потом потерять любовь. Только сейчас Эллисон поняла, что именно она потеряла. При мысли о том, что Спенсер уже никогда не будет рядом с ней, тоска ее становилась просто невыносимой.

Она злилась на него за то, что он уехал, и за то, что так тоскует о нем. Где он сейчас? Все ли у него благополучно? Не грозит ли ему какая-нибудь опасность? И какие дела могут быть у него в Турции? В Турции! О Господи!

Подошла неделя, когда у нее должны были начаться месячные. Но неделя прошла – и ничего. Она боялась надеяться. Существовало множество причин, почему могла произойти задержка. Например, эмоциональный стресс. Однако

миновала еще неделя, за ней следующая.

В последнюю пятницу перед свадьбой Энн, после того как все ушли из лаборатории, Эллисон прошла тест на беременность.

Результаты оказались однозначно положительными.

Лишь после этого Эллисон расплакалась. До этого она не пролила ни слезинки ни по Спенсеру, ни по разбитой любви. Сейчас же горько прорыдала целый час.

Слезы принесли облегчение. Когда наконец Эллисон подняла голову и вытерла глаза, то почувствовала неведомое ранее умиротворение.

Она все сделала правильно! У нее будет малыш – славный, умный, красивый. Ее малыш. И она даст ему ту любовь, которую дарил ей Спенсер в течение одной недели. А ей этой любви хватит на всю жизнь.

Собираясь в церковь, она споткнулась о пластиковый мешок, в котором находилось платье подружки невесты. Эллисон основательно опаздывала, и Энн уйдет за это. К счастью, никто из гостей пока что не приехал. Она не услышала звонка будильника, и у нее не оставалось времени на ванну и маникюр. Ноготь на правом большом пальце ободран, но кто на это обратит внимание?

В фойе полумрак, и понадобилось какое-то время, чтобы глаза привыкли. После этого она двинулась по безлюдному коридору на поиски комнаты невесты.

Распахнулась входная дверь сбоку, и Эллисон увидела в

проеме силуэт мужчины.

– Простите, мисс, я ищу...

Они резко остановились и уставились друг на друга. Эллисон не знала, будет он на свадьбе или нет. На вчерашней генеральной репетиции его не было, даже имя не произносилось, словно он покойник.

В одной руке Спенсер нес чемодан, другой придерживал перекинутый через плечо смокинг. Он выглядел растрепанным и усталым и явно торопился. Его джинсы и кроссовки не вписывались в строгий церковный антураж. На лбу громоздились солнцезащитные очки.

Однако для женщины, которая не отрывала от него глаз, он казался самым красивым мужчиной на всем белом свете.

Внезапно Эллисон осознала, что сама она выглядит безобразно. Дома она накрутила волосы на электробигуди, и они торчали наподобие усов антенны. Не успев наложить макияж, спрятала лицо за очками. На ней были джинсы, которые она носила со школьных лет, и тенниска, выкраденная ею из ящика, который мать собиралась передать бедным.

– Привет, Эллисон.

– Привет, – ответила она, досадуя на себя за то, что голос ее прозвучал столь неуверенно.

– Я опаздываю.

– Я тоже.

– Я только что прилетел из Нью-Йорка.

– Неужели? И как поездка?

– Была долгой и утомительной.

Он не сводил с нее сверлящего взгляда, – Мне... гм... мне надо одеться. Я уверена, что Энн...

– Подожди минутку. – Ему удалось оттеснить ее к стене. – Я хочу знать. Эллисон облизала губы.

– Что ты хочешь знать?

– Ты носишь моего ребенка? А чего она ожидала? Такта? Деликатности? От этого человека? Да ни в коем случае. Эллисон украдкой посмотрела вправо и влево, желая убедиться, что никто не подслушивает. Затем снова подняла глаза на Спенсера.

В нем было все, что только могла желать любая женщина. Она чувствовала себя сейчас точно так, как тогда, когда увидела его в первый раз, – невесомой, потерянной, бессильной, неполноценной. Только теперь к этому добавилась еще и безграничная печаль, потому что Эллисон доподлинно знала, что он добивается всего, чего хочет.

Вероятно, он и в самом деле беспокоился о ребенке. Возможно, Спенсер симпатизировал ей. Но он оставался самим собой, как самой собой оставалась и она, и продолжение всяких отношений между ними изначально обречено на печальный финал. Эллисон всегда это знала. Даже если Спенсер останется с ней из чувства долга, счастья это не принесет. Он станет раздражаться на нее за то, что она связала его, а она злиться на него за раздражительность.

Спенсер узнает правду в свое время, но Эллисон ни в ко-

ем случае не воспользуется ребенком как средством, чтобы удержать его. «Я люблю тебя. Спенсер. И по этой причине – прощай, моя любовь!»

– Нет, ответила она. – Ребенка нет. Дверь в коридор распахнулась и с такой силой хлопнула о стену, что оба подпрыгнули. Ворвался Дэвис, вполне похожий на традиционного обезумевшего жениха за несколько минут до венчания.

– Спенсер, слава Богу, ты уже здесь!

Я собирался было послать за тобой в аэропорт полицейский эскорт. – Господи, Эллисон, ты еще не одета?

– Нет, – ответила она, проскальзывая мимо Спенсера. – Мне надо торопиться, иначе Энн снова перестанет со мной разговаривать.

Она бойко зашагала по коридору, хотя на душе у нее кошки скребли.

– Согласны ли вы, Дэвис Хэррингтон Лундстрем, взять эту женщину в жены...

Священник стал произносить клятву, Дэвис и Энн приглушенно повторяли вслед за ним слова. Слабо мерцали свечи. В церковь с улицы долетал запах цветов. Полуденное солнце светило в окна, словно посылая венчающимся благословение с небес.

Эллисон чувствовала на себе взгляд голубых глаз, который был гораздо горячее, чем пламя многочисленных свечей. Она знала, что шелковое платье персикового цвета ей

очень к лицу. Знала, что фасон платья с глубоким круглым декольте и узкой талией отнюдь не портит фигуру. И волосы из-под подобранной в тон шляпки смотрятся весьма эффектно.

Но разве могло это служить оправданием тому, что шафер не спускает с нее глаз и, похоже, вот-вот вспыхнет, объятый пламенем, или, оттолкнув в сторону священника, невесту и жениха, бросится к ней?

Даже во время пения «Отче наш» он не сводил с Эллисон упорного взгляда. Невеста и жених держали головы склоненными. А вот с голубыми глазами шафера она встречалась всякий раз, когда сквозь приспущенные ресницы украдкой бросала на него взгляд.

Если он хотел испортить ей настроение во время свадьбы Энн, то он этого достиг. Она ничего не запомнила из того, что происходило в церкви. Когда священник сказал: «Вы можете теперь поцеловать невесту», – Эллисон едва не подпрыгнула, словно эти слова вывели ее из некоего транса.

Она вернула букет Энни, как и было отрепетировано, жених и невеста, соединив руки, двинулись по проходу мимо гостей, сияя от счастья. Должно быть, кто-то подсказал Спенсеру его обязанности, ибо он галантно согнул правую руку, и у Эллисон не оставалось иного выбора, кроме как взять его под руку и прошествовать таким образом по проходу.

Когда они оказались в вестибюле, он повернулся к Элли-

сон, прижал ее к стене и сказал:

– У меня два вопроса.

Фотограф пригласил собравшихся занять места в лимузинах, которые должны были отвезти гостей на прием.

– Все выходят из церкви, Спенсер.

– Два вопроса! – рявкнул Спенсер.

– Ладно, но нельзя ли говорить шепотом?

Спенсер отодвинулся от Эллисон, но решимости у него не убавилось.

– Вопрос первый. Ты беременна?

– Я сказала тебе, что нет.

– Ты ни черта не умеешь врать, Эллисон.

Она взглянула через его плечо и увидела своих родителей, родителей Дэвиса и других приглашенных, которые с любопытством смотрели на них.

– Не следует ругаться в церкви, – заметила Эллисон.

Он встряхнул ее:

– Отвечай и помни, что я обязательно узнаю, если ты врешь.

Она некоторое время молчала, глядя на его манишку, затем подняла глаза и виноватым тоном произнесла:

– Да. – Эллисон заметила, как при этом блеснули глаза Спенсера. – Я собиралась тебе сообщить об этом, только...

– Вопрос второй. Ты любишь меня? Она уже открыла было рот, чтобы объяснить, почему соврала в первый раз, но слова застряли у нее в горле.

– Что ты сказал?

Он приблизился к ней. Повелительный тон его внезапно сменился каким-то неуверенным.

– Ты любишь меня, Эллисон?

Ее обезоружили эта неуверенность, эта робость, столь нехарактерные для него, и она вдруг качнулась к нему.

– А ты узнаешь, если я солгу?

– Ты никудышная лгунья!

– Я люблю тебя, Спенсер.

Он прижал ее к себе.

– Вот и все, что я хотел узнать. Все, что я хотел услышать. – Наконец он оторвался от Эллисон и схватил ее за руку. – Пошли!

Он потащил ее к дверям, за ним последовали ее изрядно взволнованные родители. Невеста и жених стояли возле лимузина, наблюдая за гостями, которые выходили из церкви и спускались по ступенькам вниз.

– Эй, ты куда? – крикнул Дэвис, увидев, что Спенсер прошел мимо свадебных лимузинов и направился к машине, припаркованной на противоположной стороне улицы.

Спенсер неторопливо повернулся и сердечно пожал Дэвису руку.

– Замечательная свадьба, дружище! Энн, наилучшие пожелания! – Он крепко поцеловал удивленную Энн в губы.

– Н-но, ты-то куда? – крикнул Дэвис, видя, что Спенсер снова рванулся к своей машине.

– Жди здесь, – приказал он Эллисон, у которой и в мыслях не было воспротивиться его приказанию, хотя она и оставалась стоять словно столб среди улицы. Спенсер быстро наклонился к уху Дэвиса, что-то ему шепнул, затем схватил Эллисон за руку и потащил к своей машине.

Когда они отъехали, Энн обратилась к Дэвису с вопросом, который был у всех на устах:

– Что он сказал тебе? Куда они поехали?

Дэвис поправил галстук-бабочку и виновато улыбнулся Лемонам.

– Он сказал, что у нас свадьба, а у них медовый месяц.

Когда они поднялись на борт «Обманщицы», Эллисон все еще была в наряде подружки невесты, а Спенсер – в смокинге, хотя успел снять галстук-бабочку и расстегнуть рубашку. Во время езды на машине Эллисон развлекалась тем, что расстегивала на его рубашке пуговицы и гладила ему грудь.

– Ты хочешь, чтобы мы оба разбились.

– Ладно, я не буду, – согласилась она.

– И не думай. – Он взял ее руку и приложил к своему сердцу.

Спенсер помог ей спуститься в каюту, и они бросились в объятия друг друга, жадно и нетерпеливо целуясь, словно спеша наверстать упущенное.

Когда они наконец оторвались друг от друга, чтобы перевести дыхание, Спенсер шепнул ей на ухо:

– Ты выйдешь за меня замуж?

– После того как ты умыкнул меня прямо из церкви на глазах у стольких людей? Мне ничего другого не остается, иначе меня назовут шлюхой.

Он провел языком по мочке ее уха.

– Ну а все-таки?

– Да, – сказала она, затрепетав, ибо его рука пробралась к ее груди и затеяла с ней игру. Однако Эллисон еще сохранила остатки благоразумия, оттолкнула нескромную руку и добавила:

– При одном условии.

– При каком же? – спросил он, снимая смокинг.

– Если ты расскажешь мне, на какие средства живешь.

Тяжело вздохнув, Спенсер бросил смокинг на стул. Некоторое время он сидел, опустив голову. Волосы падали ему на лоб. Наконец он поднял глаза на Эллисон.

– Наверное, тебе это не понравится, Эллисон. Но, – он покачал головой, словно выражая покорность судьбе, – мне придется показать мой тайник.

Эллисон сцепила руки.

– Тайник?

– Да. Место, где я храню товар.

Включив лампу, он подошел к стене каюты и присел на корточки. Распахнулась дверца, и Эллисон увидела встроенный в стену сейф из нержавеющей стали.

Сердце Эллисон бешено колотилось, пока Спенсер набирал комбинацию цифр. Затем он опустил ручку вниз, по-

тянул за нее, и сейф открылся. Она приготовилась увидеть все что угодно: цилиндры с ураном, чертежи космических кораблей, пачки кокаина. Эллисон затаила дыхание, когда Спенсер вытащил плоскую черную коробочку, похожую на те, в которых могут храниться драгоценности. Краденые? Спенсер протянул ей коробочку:

– Вот то, чем я торгую.

Руки ее дрожали, когда она нажимала на защелку. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы взглянуть на содержимое.

– Марки? – Она подняла недоверчивый, недоумевающий взгляд и переспросила:

– Это марки?

– Не просто марки, – несколько раздраженно сказал он. – Я должен сказать, что...

– Марки! – удивленно выкрикнула Эллисон.

Спенсер распрямился.

– Я филателист. Собиратель марок. Не выпуская из рук коробочки, в которой находилось четыре марки, она с облегчением опустилась на кровать.

Зачем делать из этого секрет? Почему ты скрываешь, чем занимаешься?

– Потому что все на это реагируют точно так же, как и ты. Согласись, подобное занятие не очень нравится людям.

– Дэвис думает, что ты... ну да ты знаешь, что он думает.

– То же самое думают и большинство моих друзей. Зачем

их разочаровывать? Если им хочется думать, что я занимаюсь какими-то таинственными делами, какой от этого вред?

– Просто не могу в это поверить!

– Ты разочарована?

– Конечно, нет! Просто... – Она обвела взглядом яхту, интерьер которой говорил, что на расходы не скупилась. – Неужели можно жить на это?

Спенсер хитро улыбнулся и понизил голос.

– Я не эстет. Мною не движет необоримая страсть к тому, чтобы обладать редчайшими марками, как это свойственно большинству коллекционеров.

– Тогда в чем смысл?

– В деньгах, – сказал он, сверкнув глазами. – Моя задача – получить информацию о том, что некий коллекционер готов продать марки. Я их покупаю, храню несколько лет, оцениваю и продаю коллекционеру, который посвятил свою жизнь тому, чтобы иметь в своей коллекции ту или иную марку. Он готов заплатить за нее астрономическую сумму. Конечно, часть дохода идет на покупку других марок. Здесь не все. Наиболее ценные марки хранятся в сейфе в Нью-Йорке. Те, которые ты держишь в руках, стоят несколько сотен тысяч долларов.

У Эллисон от удивления открылся рот. Она снова бросила взгляд на коробочку с марками.

– Несколько сотен тысяч долларов за четыре марки?

– Перестань произносить слово марки таким тоном! Это

не те марки, которые ты облизываешь языком и наклеиваешь на почтовую открытку! Это произведения искусства!

– Я вовсе не черню их. Просто я... – Она вдруг вскочила с кровати. – Я зла на тебя за то, что ты дал мне повод думать, будто занимаешься чем-то ужасным.

Он взял из ее рук коробочку и запер в сейф.

– Успокойся, Рыжик. Ты собираешься выйти за меня замуж или нет?

Схватив Спенсера за волосы, она встряхнула его.

– Думаю, да. Ты все еще похож на безжалостного пирата или насмешника.

– Благодарю. У этого пирата на уме только одно – любить тебя.

– И ты намерен постоянно плавать в какую-нибудь Турцию и бросать меня на целые месяцы?

– У меня есть кое-какие планы. К вящему удовольствию моих клиентов, которые вынуждены годами гоняться за мной по всему свету, я собираюсь открыть постоянную контору. Она может находиться и в Атланте, коли ты там работаешь и там же живут наши семьи. Кстати, ты скоро увидишь моих родителей. Ты им наверняка понравишься.

– Ты говорил о планах.

– О да! Я найму себе агента для текущих дел. А ты и малыш можете посещать со мной наиболее интересные места.

– Это чудесно!

Спенсер стал раздевать Эллисон и, снимая каждую вещь,

говорил: «Любит – не любит», как приговаривают, гадая на лепестках ромашки. Его руки блуждали по ее обнаженному телу, трогали и ласкали, как бы говоря о том, насколько он соскучился по ней.

– Что чудесно? – пробормотал Спенсер. – То, что я задумал, или это? – Он накрыл ладонями упругие груди, поласкал их, затем приник ртом к соскам.

– То и другое.

Опустившись перед Эллисон на колени, он стал целовать живот и пупок. Его руки обвились вокруг ее бедер.

– Не могу дождаться, когда ты растолстеешь, нося моего ребенка. – Он нежно прикоснулся губами к рыжеволосому треугольнику.

– Я тоже не могу дождаться. – Она откинула голову назад, возбужденная пылкими ласками Спенсера. – Я подарю тебе славного малыша.

– Я знаю. И я буду любить его почти так же, как и тебя. – Он поднялся, подхватил Эллисон на руки и уложил на кровать.

– Ты не разделся, – заметила она в промежутке между поцелуями.

– У меня не было сил ждать.

– У меня тоже. – Она задохнулась от сладостных ощущений, когда руки Спенсера скользнули между бедрами и стали гладить влажную теплую плоть.

Она сдернула с него рубашку и стала покрывать поцелуя-

ми грудь, касаться языком затвердевших сосков.

– Проклятие! – сквозь зубы проговорил Спенсер, когда ее руки двинулись к животу. – Неужели ты та самая девственница, которую я привел сюда несколько недель назад?

– Та же самая. – Она расстегнула ремень и молнию на брюках. Спенсер застонал, когда ее тонкие пальцы погрузились в жесткие волосы.

– Тогда ты даже не дотронулась до меня.

– Я стеснялась тебя.

– Ты и сейчас меня стесняешься, Эллисон?

– Нет! Я люблю тебя.

– Правда? – Он застонал, почувствовав, как нежная рука обхватила его плоть.

– Да.

– Докажи мне.

И Эллисон доказала...